

И С ПТИЦАМИВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

Все дальше уходят в прошлое события бурного двадцатого века. Среди нас осталось совсем мало в живых тех, кто родился в самом его начале. Уже стареют и их дети. Стираются в памяти события ушедших в историю лет, и, даже воспоминания биографии дорогих сердцу людей притупляются. Ведь, жизнь незаметно тушит память пеленой забвения.

Все же, главное остается - та любовь и негасимый луч благодарности за то, что ты - ныне живущий, как росток от корня, появился на этом белом свете. И понял, что самое дорогое у человека, все-таки, жизнь. Поэтому хочется воспроизвести здесь, отнюдь, не в назидание читателю и не ради газетной патетики, а весьма осознанно, ранее популярное хрестоматийное изречение. Что «жизнь дается человеку только раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» И далее мудрый наш читатель поймет, что следует за продолжением неоконченной фразы.

Да - да, жизнь дается нам всего лишь один раз... Наташенька Нестерова появилась на белый свет в застенках «Севдаинлага» - лагеря, где отбывала срок ее мама, как «враг народа». Родилась девочка за год до окончания Великой Отечественной войны, в которой сражались советские люди, защищая свою землю от фашистской напасти. За свой дом, за то, чтобы можно было свободными встречать рассвет и мирное пение птиц...

Жизнь - вещь сложная и, порой, необъяснимо жесткая. Поскольку, рядом с теми, кто защищал рассветы и закаты над своей землей, томились в застенках лагерей - огромной и дикой цепи ГУЛАГа, такие же советские люди, но отчего-то заклеянные «врагами народа». Теперь история нам открыла немислимые по своей свирепости страницы времени массовых репрессий, давших старт в 1937 году.

Мама Наташи - Надежда Николаевна Нестерова к моменту рождения первенца, вернее, первой и един-

(Окончание на 2 странице)

(Окончание. Нач. на 1 стр.)

ственной дочери, отбыла уже седьмой год заключения в северодвинских лагерях Архангельской области. «Молодой» матери было тридцать два года.

За пять лет до свершения в России Октябрьской социалистической революции, за Великой китайской стеной в городе Харбине, в семье талантливого русского архитектора, родилась Надежда Николаевна Нестерова. Ее отец возводил китайско-восточную железную дорогу - КВЖД. Девочка была в семье вторым ребенком после брата. Мать - домохозяйка воспитывала детей, отдавая им все свое время. Так что юные умели музицировать, рисовать, вышивать. Там же, в Харбине, Надя успешно и с огромным желанием закончила зубо-врачебную школу и начала практиковать.

Жизнь в китайском городе имела уже устроенный быт: у Надежды Николаевны была достойная партия - замужество с военным инженером. То ли политические события, осложнившиеся между Россией и Востоком, то ли зов Родины определил дальнейший настрой этой семьи. В 1935 году, сначала брат, получивший в Харбине специальность архитектора, переезжает в Ленинград, а затем и семья Надежды Николаевны - в Оренбург. Ее муж не только высококвалифицированный инженер авиационной промышленности, но и человек высоких идейных коммунистических убеждений, всегда был на переднем крае событий, фигурой весьма влиятельной и заметной на оренбургской земле. Грянул тридцать седьмой год. «Черный воронок» увез супруга Надежды Николаевны, куда и зачем - оставалось только догадываться, и не произносить вслух. Чтобы размышлять и принимать какие-то меры, ей не было отпущено времени: вслед за мужем арестовали и Надежду Николаевну.

Там, в Архангельской области, на прекрасной реке Двине, замечательные закаты, а еще более очаровывают рассветы после белых северных ночей. Замечала ли их Надежда Николаевна? Конечно, как человек духовно богатый и тонкий. В лагере она работала зубным врачом - ей досталась доля немного легче... Человек чуткий - каждому старалась помочь хоть как-то скра-

сить миг лагерного существования. Если видела, что женщине тяжело на лесозаготовках - на какое-то время устраивала к себе, в нянечки, санитарки. По условиям

с фронта, стала ее подругой и единомышленницей.

После нескольких подселений, маленькой семье Нестеровых выделили свой угол - квар-

тал был просто временно несчастным человеком, которому она должна помочь, независимо от времени суток.

Наташа, подрастая, убеждалась, что ее

ревни Симсоново. Ста- ла преподавать немецкий язык, заочно обучаясь в педагогическом институте, с дальнейшим правом преподавания французского

В середине пятидеся- тых годов, Надежду Николаевну Нестерову реабилитировали. С той поры она уже не числилась в списках ссыльных. Можно было бы уехать из Большого Улуя, куда ее душа захочет. Например, возвратиться в Вельск - отец Наташи несколько раз приезжал в Улуй, имелась возможность вернуться в Оренбург. Многие, кто приехал с Надеждой Николаевной в тот промозглый осенний день, вернулись в родные места, подальше от их временного поселения. А Надежде Николаевне отчего-то все здесь было к сердцу. Уезжала ненадолго в отпуск и спешно возвращалась в село.

Дом, семья - это главные звенья в цепочке жизни каждого человека. А если на его долю выпали испытания жестокостью, бессмыслицей их природы, против которых он был бессилён?.. Кто-то склоняет голову под тяжестью несправедливого бремени, а кто-то живет надеждой, что его частица жизни будет продолжаться в детях и внуках. Не согнуться, выстоять под ударами своей судьбы и остаться человеком, пройдя испытание в кругах ада - это и есть воля и любовь к жизни.

Мама Наташи Николаевны Бобырьковой была светлым человеком. Она хорошо знала, что есть две жизни: одна - та, которая несправедлива и уни- зительна - там, за колючей проволокой в образе «врага народа», но временная, и самая настоящая и достойная - это та, где дочь, дом, семья и много добрых людей.

Под крышей дома Бобырьковых большая семья встречает рассвет вместе с пробуждающимися птицами. Кто же поет спозаранку в домиках-клетках? Волнистые и синегальские попутай - веселый и дружный квартет, канарейки - с песнями чистыми и нежными, черная галка с клеточком-романсом...

Человек продолжается в своих детях и внуках. Жизнь каждого - это своя история. Ее страницы могут быть кому-то памятны, кому-то безынтересны. Если брать этот процесс, как нечто отпущенное свыше, то станет очевидно - жизнь каждого - это просто замечательный роман. Захотят ли когда-нибудь поворошить страницы прожитого четверо внуков Надежды Николаевны Нестеровой? Возможно, только это уже будет совсем другая история времени и пространства.

Н. СТЕФАНЕНКО.
Рисунок автора.

К 225-ЛЕТИЮ БОЛЬШОГО УЛУЯ

И С ПТИЦАМИ ВСТРЕЧАТЬ РАССВЕТ

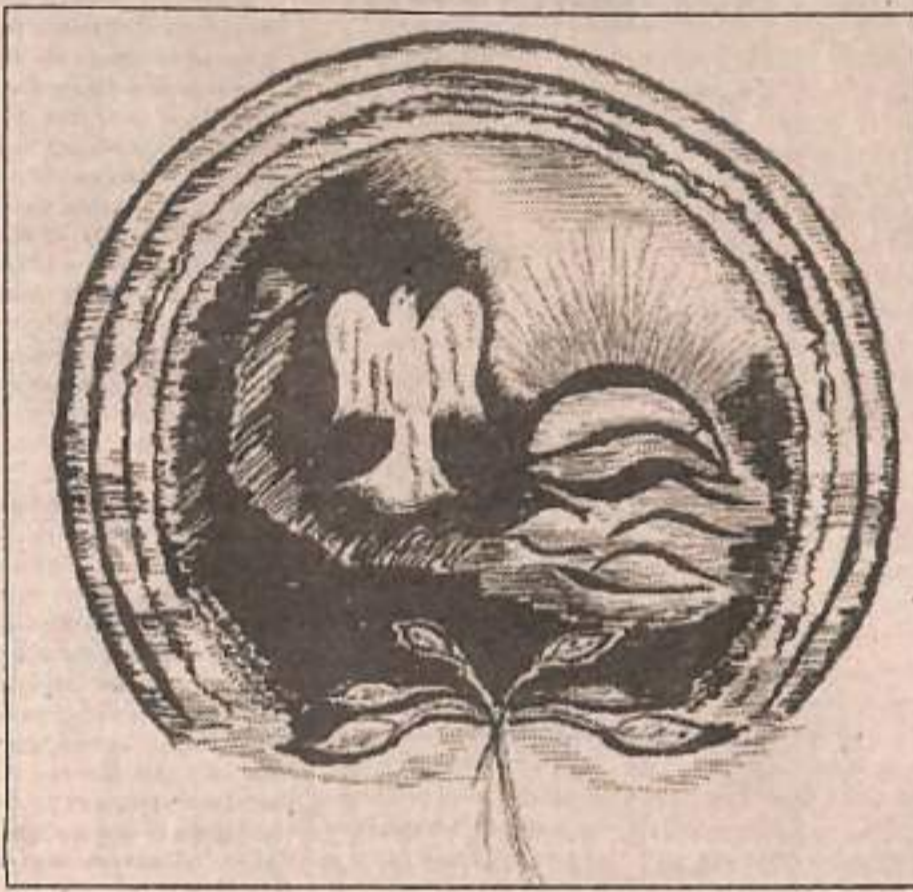
лагерного закона, родившихся в неволе разлучали с матерью. Несколько другое отношение было, если отцом являлся вольнонаемный. Именно в этом повезло малышке Наташе. Ее не отлучили от мамы. Она осталась с родителями.

Надежда Николаевна в лагерном окружении всегда была самой собой - порядочной, доброжелательной и... оптимистичной. Когда закончился срок заключения, Надежда Николаевна с отцом Наташи поселилась там же, в Архангельской области, в городе Вельске. Жизнь, как - будто, начиналась заново. Но, спустя два года после освобождения, в 1949 году, снова началась неоправданная полоса гонений - ранее репрессированные получали срок ссылки. Таким образом, Надежда Николаевна с дочкой Наташей оказалась в Большом Улуе.

По-разному относились люди к ссыльным, так называемым «врагам народа». Кто-то абсолютно убеждался в том, что это и есть самые настоящие враги, другие же понимали, что это полный бред, третьи - просто были людьми, не докапываясь до истин.

Большой Улуй встретил маленькую Наташу с мамой осенним дождливым и холодным днем. На территории больницы стояла небольшая горстка людей. Все ссыльные. Странно, но никто не торопился как-то устраивать приезжих. И, тем более было видеть, как прижималась девочка к маме - женщине очень броской, яркой брюнетке. Какое-то время спустя, видимо, не выдержало сердце хозяйки дома Каратаевых, и она пригласила женщину с ребенком на ночлег. Так, первое время они и стали постояльцами в этой семье.

Надежда Николаевна как будто бы всегда знала эту добрую семью сибиряков Каратаевых. Татьяна Александровна - их дочь, вернувшаяся

Несомненно, что еще многие жители района помнят Надежду Николаевну Нестерову - зубного врача Большеулуйской больницы. В 1949 году она была сослана в наши края в ходе послевоенной волны массовых репрессий. Человек удивительной силы и воли, полный любви ко всему живому, что окружало ее - равно как «к зверьку, цветку и добрым людям», она смогла подарить жизнь самому дорогому и единственному человеку - дочери.

тиру на территории больницы, откуда Наташа и пошла в первый класс.

Чтобы дочери было не страшно добираться на занятия, мама очень рано отправлялась с ней к школьному порогу. Ведь врачу нужно было успеть на прием к восьмью часам утра. Больница и ее территория тогда отделилась от села лесом. И только по узкой тропинке можно было выходить на деревенскую главную улицу. Мама всегда была рядом, потому что знала - одиночество и незащищенность - самые нежелательные чувства.

В доме Нестеровых царил атмосфера гостеприимства. Наташа видела, что мама готова была помочь людям и в ночь, и в полночь. Что для нее работа зубного лекаря, это служение. Врач Нестерова любила пациентов. И для нее они, вообще, никогда не подразделялись по должностям. Ее пациент

мама, человек «светский». Она также любила шить, печь пироги, торты, могла одухотворить любую живность. Это и передавала своей дочурке. И, где-то, исподволь, своим святым отношением к окружающему, как бы заложила в ней код: семья у человека должна быть обязательно большая и дружная.

Уроки музыки, полученные Надеждой Николаевной в Харбине, даром не пропадали нигде. Скрипка, мандолина, гитара - любимые ею инструменты, несмотря на кочевой образ жизни, были спутницами вновь обретаемого жилья. В Большом Улуе Надежда Николаевна создала кружок юных музыкантов при школе и целый оркестр, конечно же, в самой больнице. Времени имелось очень мало, и на все его приходилось рассчитывать.

После окончания учебы, Наташа поступила на работу в школу де-

языка. Затем вышла замуж за Леонида Варламовича Бобырькова. Оба приятной внешности, с кудрявыми волосами, с простой и ясной целью - иметь большую дружную семью.

Муж Наташи Николаевны, после окончания института, работал в лесном хозяйстве Большеулуйского района. Был и теперь остается человеком скромным, большим знатоком природы, которому открыты «тайны» охоты, рыбной ловли и... отцовства.

Наташа Николаевна сменила учительскую должность сначала на работу библиотекаря в райкоме партии, а затем секретаря-машинистки. Так, день за днем, обычные хлопоты складывались в вечные занятые месяцы и годы. Между тем, в семье Бобырьковых родились и выросли четверо детей - сын и трое дочерей.

25 апр 1996г.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПО ЗАКОНУ

В районную комиссию по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий продолжают обращаться бывшие и нынешние жители района, которые хотели бы получить материальную компенсацию за конфискованные у их семей дома и имущество. Однако не всегда они имеют законные основания для этих обращений. Для того, чтобы получить разъяснения по рассмотрению заявлений граждан, связанных с реабилитацией, районная комиссия обратилась в информационный центр управления внутренних дел края. Недавно мы получили «Методические рекомендации по рассмотрению заявлений граждан и запросов организаций о реабилитации жертв политических репрессий:» Этот документ подготовлен Главным информационным центром Министерства внутренних дел Российской Федерации, и разослан на места 12 апреля 1995 года.

В рекомендациях разъясняется, что в случае отсутствия документов, подтверждающих незаконные применения к лицу репрессий по политическим мотивам, оно может обратиться в суд, и установить этот факт в судебном порядке.

Составители документа обращают внимание, что существовал целый ряд ограничений прав и свобод, связанных с политическими репрессиями. Среди них: лишение избирательных прав, примененное до 5 декабря 1936 года, поскольку эта мера была введена в соответствии со статьей 69 Конституции РСФСР 1925 года. Кроме того, сюда же относятся выселение по общественным приговорам в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни, на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года. К подобным нор-

мативным актам относятся Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 года «О переходах на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 года «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», и некоторые другие.

Не подлежат реабилитации лица, высланные в административном порядке из запретных, режимных местностей и пограничной полосы в порядке осуществления паспортного режима, а также по решениям военных советов фронтов, армий, военных округов, из пределов местности, объявленной на военном положении.

Не могут быть признаны политическими репрессиями и решения уполномоченных органов о выселении граждан из национализированных и муниципали-

зированных на основании решений высших органов государственной власти жилищных объектов, а также изъятие у них жилых строений, имущества за неуплату сельхозналога, невыполнение «твердого задания».

В рекомендациях также определяется порядок рассмотрения запросов о правомерности исполнения решений о реабилитации, принятых за границей. Имеются в виду бывшие республики Союза ССР.

Данный документ подготовлен центром реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Главного информационного центра МВД России. Он будет использоваться при работе членами районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Т. ЯТУЛЬЧИК,
секретарь комиссии.

● МЕМОРИАЛ

30 октября – день памяти жертв политических репрессий

ТАЙНА ОСТАЛАСЬ НЕРАСКРЫТОЙ

В селе Большой Улуй проживает пожилая женщина, которая хранит память о своем отце, сгинувшем в годы массовых политических репрессий. Это – Екатерина Васильевна Синицына. Ее отец, Василий Степанович Крылов, родился в одном из сел Воронежской губернии в 1886 году. Так сложилось, что в 1912 году он выехал в город Харбин, где поступил на работу в качестве кондуктора на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Трудился там до 1921 года. Именно в этом году он приобрел дом из трех комнат. А позже купил 15 коров, молоко от которых продавал, и семья существовала на вырученные деньги.

Василий в первый раз завел семью в начале XX века, но неудачно. От того брака у него остался сын Иван, который появился на свет в 1918 году. А позже его спутницей жизни стала Евдокия Максимовна. В 1922 году на свет появился сын Николай, затем – Владимир. Дочь Антониди родилась в 1932 году, а через три года – Екатерина. Все семейство жило за счет личного подворья, а развозили молоко к покупателям на коне по кличке Мальчик.

Так бы все и продолжалось, если бы не переменялась политическая ситуация на Дальнем Востоке. КВЖД с 1924 по 1935 годы находилась в совместной собственности Советского Союза и Китая. Но фактически уже с 5 февраля 1932 года город Харбин был оккупирован японскими войсками, в Манчжурии было создано марионеточное правительство Манчжоу-Го. Приближалась большая война, и в этих условиях многие из русских семей принимают решение

о переезде в Советский Союз. В марте 1937 года последовало этому примеру и семейство Крыловых. Решили обосноваться в с. Нижний Карачан Верхне-Карачанского района Воронежской области, там, где когда-то родился Василий Степанович.

Они и не предполагали, чем закончится для них этот переезд. Всего из Харбина выехало несколько десятков тысяч русских эмигрантов, и в Советском Союзе их стали называть «харбинцами». А уже 20 сентября 1937 года был подписан приказ НКВД СССР № 00593, согласно которому многие из них подверглись политическим репрессиям. Всего по надуманным обвинениям на территории СССР было осуждено 29 981 человек, из них к расстрелу – 19 312 человек. Попал в число репрессированных и Василий Степанович Крылов.

В Центре документации новейшей истории Воронежской области хранится его архивно-следственное дело. В нем указано, что В.С. Крылов был арестован 5 февраля 1938 года Верхне-Карачанским РО НКВД, осужден постановлением особого совещания при НКВД СССР от 19 апреля 1938 года по статье 58-10ч.1 УК РСФСР на 10 лет ИТЛ. Как следует из материалов дела, на момент ареста имел семью в составе: жена Евдокия Максимовна, 42 года, сын Николай, 16 лет, сын Владимир, 14 лет, дочь Антониди, 5 лет, дочь Екатерина, 2 года. Был проведен личный обыск В.С. Крылова, при котором обнаружены деньги в сумме в сумме 271 руб. 49 коп., перочинный нож.

Огромное горе обрушилось на семью Крыловых. Евдокия Максимовна осталась без мужа,

с четырьмя детьми. Причем о судьбе Василия Степановича после ареста им никто ничего не сообщал. И они предполагали самое худшее. Главе семейства исполнилось 52 года, человек он был полный, жаловался на сердце. Поэтому даже если попал в тюрьму, шансов остаться в живых у него оставалось немного. Собственно, так и закончилась жизнь у многих политических заключенных – они умерли в тюрьме или лагере.

Летели месяцы и годы. Началась Великая Отечественная война. На фронт ушли Николай и Владимир Крыловы. Старший, Николай, пропал без вести в апреле 1942 года. Владимир тоже воевал, вернулся живым. Уже после смерти И.В. Сталина политзаключенных начали реабилитировать. Однако по-прежнему о судьбе В.С. Крылова не было ничего известно. И лишь 31 декабря 1957 года постановлением президиума Воронежского областного суда было отменено постановление особого совещания при НКВД СССР, и дело прекращено за недостаточностью улик. По данному делу Василий Степанович Крылов был реабилитирован. Тогда же, в 1957 году, была проведена дополнительная проверка, и выяснено, что на 14.11.1941 года он содержался в Карлаге НКВД СССР. Однако его судьба по-прежнему оставалась неизвестной. Домой он не вернулся, хотя срок заключения давно истек.

Прошли многие годы. В 1965 году ушла из жизни Евдокия Максимовна, позже не стало и Владимира Васильевича. И лишь в конце XX века младшая дочь В.С. Крылова, Екатерина Васильевна, решила узнать о судьбе отца. Она сделала за-

просы в УВД и государственный архив Воронежской области. Ей выслали справку о реабилитации отца. Затем, на основании полученных ответов, обратилась в прокуратуру Воронежской области, и ее признали пострадавшей от политических репрессий. Позже получила справку о собственной реабилитации.

В начале XXI века Екатерина Васильевна обратилась в город Караганду, где когда-то размещался печально известный среди политзаключенных Карлаг. Через некоторое время из управления комитета по правовой статистике и специальным учетам по Карагандинской области генеральной прокуратуры республики Казахстан пришел ответ:

«На Ваше заявление направляем справку об осуждении и отбытии меры наказания гр. Крылова Василия Степановича, 1886 года рождения. Дополнительно сообщаем, что архивная справка подготовлена по имеющейся на хранении архивной карточке, так как личное дело заключенного по истечении срока хранения было уничтожено по акту № 22 от 31 октября 1960 года...»

А вот текст самой архивной справки:

«Настоящим удостоверяется, что действительно гр. Крылов Василий Степанович, 1886 года рождения, уроженец с. Н.-Карачаны В.-Карачанского района Воронежской области, 19 апреля 1938 года был осужден Особым Совещанием НКВД СССР /кодекс и статья не указаны/ за контрреволюционную деятельность сроком на 10 лет /вид наказания не указан/. Начало срока 4 февраля 1938 года. Конец срока 4 февраля 1948 года.

Меру наказания отбывал в Карлаге НКВД СССР, куда прибыл 16 июля 1938 года этапом из П.-Павловска /так в архивной карточке/.

Освобожден по истечении срока наказания 11 февраля 1948 года.

Основание: архивная карточка № 170602.»

Самым неожиданным в этом ответе оказалось то, что В.С. Крылов свой срок отбыл полностью, как говорят, «от звонка до звонка», и был освобожден. Что могло случиться с ним впоследствии? Екатерина Васильевна на всякий случай сделала запрос в ЗАГС Карагандинской области, однако сведениями о его смерти в 1948-1950 годах там не располагали. Также никаких сведений о нем не оказалось и в главном информационно-аналитическом центре МВД в городе Москве.

Таким образом, осталось загадкой, что же случилось с бывшим заключенным Карлага после его освобождения. Василию Степановичу Крылову исполнилось к тому времени 62 года. Есть и другие неясные вопросы. Например, почему в 1957 году, когда он был реабилитирован, и по его делу производилась дополнительная проверка, нашли сведения лишь о том, что в 1941 году он находился в Карлаге. Почему родным не сообщили, что свой срок он отбыл полностью, и его освободили? Не совсем понятно, почему в 1960 году было уничтожено личное дело заключенного – во многих случаях они хранятся в архивах до сих пор.

Остается добавить, что в поиске сведений о В.С. Крылове активную помощь оказало краевое общество «Мемориал».

Владимир УСКОВ.

Жизнь, как роман

Летом 1941 года Эмма Павликовская с четырёхлетней дочкой Эрной и матерью Эмилией

Гуляр покидали родные места

Их выслали из города Маркса на Волге в Казахстан вместе с другими немцами. Людей везли в приспособленных вагонах, наспех переоборудованных в теплушки потому, что семей немцев Поволжья было много...

Что же помнит сегодня Эрна Ивановна Панасенко о пути, который тогда преодолевали вынужденные переселенцы? Детская память навсегда выхватила и сохранила вот такие картины того времени.

...Ехали долго, взрослые всё время говорили про какие-то казахстанские степи, называли город Алма-Ату, посад часто останавливался и люди выбегали из теплушек, чтобы неподалёку от железнодорожных насыпей на костре сварить кашу, суп или вскипятить чай. А потом были снега и холод, и куда-то долго ехали на подводах...

АДРЕС ДЕТСТВА

Где остановились окончательно, Эрна Ивановна не помнит.

Только с мамой не пришлось пожить, по рассказам бабушки Эмилией, её сразу же забрали в трудовую армию на уральские заводы. Вскоре умерла от болезни бабушка. Эрне не было ещё и семи лет... Ев, осиротевшую, худощую, голодную направили в детприёмник села Тасеево Красноярского края. А оттуда - в Берёзовку Большеулуйского района: немецкую девочку забрала с собой директор детского дома Дебора Исаевна Юдович. Шла

Педагоги старались отдавать детям все свои душевные силы, оставляя дома собственных детей. Взрослым казалось, что родные дети всё стерпят и дополучат нежность потом, позже, когда-нибудь в выходные дни... А детдомовские ребята отзывались на любовь и заботу, впитывая эти чувства как основу для своего будущего. Вероятно поэтому, все воспитанники детдома, эвакуированные с "первой волной", выросли порядочными и профессиональными людьми.

Эрна окончила семь классов Берёзовской школы, а дальнейшую учёбу продолжила в Большом Улуе.

Жить в райцентре было негде. Но ей всегда везло на хороших людей. Завуч Фаина Антоновна Адлер поселила ученицу у себя.

На выходные дни и каникулы Эрна вместе с Галей Кувшиновой и Надей Полубинской шли домой в Берёзовку - пешком. Возвращались в Большой Улуй тем же пешим ходом. Транспорт почти не встречался по дороге. Очень редко им везло, если мимо проезжал трактор с санями. Тогда дёжата быстрее добирались до райцентра. Эрна приносила с собой паёк из детдома - булку хлеба, масло, крупы.

Период обучения в Большеулуйской школе Эрна Ивановна вспоминает, как плодотворный и интересный путь познаний. Учительский коллектив был сильным. В марте 1953 года, когда умер Сталин, на несколько дней школа погрузилась в траур. Ученики и весь персонал надели на себя единую форму - чёрные или коричневые платья и, обязательно

Всплывавшая в старые фотографии...

ла работать в Симоновском специализированном детском доме. Но не всё её устраивало в работе этого учреждения. И она попросилась учительствовать в Берёзовскую школу. Хотелось бы вернуться в родной детдом, но его расформировали в 1951 году. Так или иначе, Эрна Ивановна стала жить по адресу детства.

ВСТРЕЧА С МАМОЙ

У Эрны родилась дочь Света. Воспитывала её одна.

В этот период особенно не покидала мысль о маме, с которой они расстались в 1941 году. Где она, как живёт, здорова ли? Эрна написала письмо в редакцию одной немецкой газеты, издававшейся большим тиражом в СССР. Но ответ не пришёл.

Как-то зачитавшись роман-газетой с публикацией документальной повести "В конце концов", где действующим лицом был главный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко, являвшийся представителем на Нюрнбергском процессе, Эрну осенила мысль: "Неужели этот человек мне никогда не поможет?" И написала письмо на его имя.

Ровно через неделю пришла открытка с текстом: "Ваше дело передано в министерство охраны общественного порядка СССР". Прошла ещё одна неделя. И снова пришла открытка с адресом... мамы! В ней значилось: "Казахская ССР, Североказахстанская область, село Полудино..."

И радость, и смутнение, и слёзы обрушились на Эрну. Она не представляла, как же они встретятся с мамой через столько лет, что скажут друг другу.

А события уже разворачивались полномасштабно! В Берёзовку первыми приехали тётя

Софья, сестра мамы с сыном Фёдором. Оказывается, они жили недалеко от наших мест - в Комаровской области. Тётя Софья первым делом, расцеловав племянницу, попросила её... раздеться. На спине Эрны были родники, о них тётюшка знала, поэтому убедилась в том, что перед ней настоящая племянница.

Тем временем пришел ответ из немецкой газеты. Но это было лишь подтверждением того, что поиски человека в огромной стране увенчались успехом.

Мама приехала в январе 1957 года. Её ждал весь коллектив Берёзовской школы. Волновались, то и дело, заглядывали в окна и открывали входную дверь. Но гости всё не было видно.

Смятение охватило Эрну Ивановну. Кое-как надев пальто, она побежала домой. Январский холод и снег, привычная сельская картинка, как лекарство привели чувства в порядок. И она открыла калитку навстречу маме. Оказывается, из самого Ачинска её везла в Берёзовку Евдокия Панасенко, односельчанка Эрны Ивановны. Не передать словами момент встречи родных людей, потерянных из-за войны более чем на четверть века.

Мама работала в школьной столовой села Полудино. Каникулы завершались, ей нужно было уезжать домой. Бабушка забрала с собой внучку Свету. А дальше решили так, Эрна приедет к маме навсегда, как только закончится учебный год.

Так и было. Только проведя целое лето в Полудино, Эрна Ивановна решила снова вернуться в Берёзовку. Не пришлось ей по душе ни казахстанский климат, ни чужие люди, ни новая жизнь. Её тянуло назад, домой, в Берёзовку. В эту единственную родную географическую точку на земле.

Коллектив Берёзовской школы, середина 60-х. Эрна - справа в первом ряду.

Валентина и Эмма Ивановна Павликовские.

С ЧИСТОГО ЛИСТА

После возвращения из Полудино, Эрна Ивановна вышла замуж за Владимира Панасенко.

У них родились двое детей - Сергей и Ирина. Оказывается, он давно присматривался к одинокой учительнице, худенькой, миниатюрной, но такой сильной духом. Выходит, что мама Владимира, ничего ещё не имея в виду, вместе с матерью Эрны Ивановны привела в дом настоящее женское счастье.

Эмма Ивановна Павликовская после войны, когда вернулась из трудовой армии, родила дочь Валию (ставшую потом учителем немецкого языка в Кокчетаве). Но никогда ни на минуту её не оставляли боль и думы о первой дочке - Эрне. Мать всё время искала свою кровинку, не теряя надежды на встречу.

А в семье Эрны Ивановны Панасенко воцарились покой и умиротворение, после замужества жизнь началась, словно с чистого листа. Выросли дети и внуки, с первого дня муж стал крепкой опорой во всём, и сегодня она не представляет, как могла жить без него - такого надёжного человека. Владимир Панасенко - коренной сибиряк, от предков в нём заложен огромный запас работоспособности, ответственности и порядочности. Он младше своей жены. Но по-прежнему видит в ней ту хрупкую женщину, которую хочется оберегать как фарфоровую статуэтку...

В декабре Эрне Ивановне исполнится 78 лет. Хотя, как говорила мама, она родилась золотой осенью. А день рождения 21 декабря ей поставили в Берёзовском детском доме...

Надежда СТЕФАНЕНКО, фото автора и из домашнего архива Э.И. Панасенко (АП).

Эрна Ивановна решила снова вернуться в Берёзовку. Не пришлось ей по душе ни казахстанский климат, ни чужие люди, ни новая жизнь.

весна сорок третьего года.

Первого сентября Эрна Павликовская пошла в школу. Но вместе с другими ребятами из детдома училась в помещении столовой, где стояли длинные деревянные столы и скамейки. Детдомовских воспитанников за пределы территории не выпускали потому, что им не во что было одеваться. Младшеклассники ходили в школу в самодельных брезентовых тапочках, которые сами же и сшили под руководством взрослых.

Здесь был интернациональный коллектив воспитанников - немцы, калмыки, эстонцы, литовцы, украинцы. Весь персонал деревенского детдома относился к ребятишкам с большой заботой. Их тут любили, жалели потому, что война отняла родителей, дом, но все они сумели перенести долгую дорогу, пережив испытания и ужасы эвакуации. Любили за то, что они были стойкими оплывшими солдатыками.

чёрные, отороченные красным кружевом фартуки. Школа утопала в слезах, плакали все - взрослые и дети... Эрна тоже сильно плакала.

В 1954 году она окончила школу. И сразу же вернулась в стены родного детского дома. Стала работать старшей пионервожатой и воспитателем по совместительству. Через два года Эрна Павликовская поступила в одно из педагогических училищ Красноярска. Обучалась успешно, никогда не пожалев, что выбрала для себя профессию учителя начальных классов. База практики была серьёзной - здесь же, в краевом центре, в 28-й школе, железнодорожной и "суриковской". После окончания педучилища Эрна осталась работать в Красноярске.

Однажды на совещание в край-оно приехал заведующий Большеулуйским отделом народного образования. И он сказал: "Вот эту девушку я забираю домой..." Так Эрна Ивановна Павликовская ста-

ЖИЛИ В НАШЕМ РАЙОНЕ

«Вестн» 14.12.9г.

В районной газете «Вестн» уже были опубликованы материалы о том, что в годы Великой Отечественной войны на территории Большеулуйского района проживали ссыльные разных национальностей. Среди них — немцы, калмыки, поляки. О некоторых из этих людей было рассказано на страницах «районки». Однако известно пока далеко не все. Например, до сих пор не уточнено, сколько человек находилось в ссылке в деревнях нашего района. А некоторые из них, оставшиеся в живых после всех испытаний, до сих пор ищут документальные подтверждения факта проживания на большеулуйской земле в те нелегкие годы.

Например, в 1941 году органы народного комиссариата внутренних дел (НКВД) из города Барановичи Брестской области, находящемся в Западной Белоруссии, депортировали в Сибирь трех граждан польской национальности. Это были Павел Павлович Шпакевич, 1907 года рождения, Анатолий Павлович

Шпакевич, 1929 года рождения, и Мария Феликсовна Сняжкевич, 1876 года рождения. Можно предположить, что М.Ф. Сняжкевич — мать Павла, а Анатолий — ее внук. Известно также, что Павел Павлович Шпакевич работал на Большеулуйской машинно-тракторной станции (МТС). Больше никаких сведений об этой семье нет. Возможно, кто-нибудь из старожилов райцентра помнит об этих людях? Кто-то из Шпакевичей сделал официальный запрос с просьбой сообщить, есть ли какие-либо сведения о их проживании на территории района.

Также через Росархив и краевой государственный архив пытаются отыскать аналогичные документальные данные еще на троих граждан Польши. Это на Брониславу д. Яна (Ивана) Братко, 1923 года рождения, а также на ее родителей — отца Яна, с. Яна, 1897 года рождения, и мать Эугению д. Шимонз, 1899 года рождения. Однако дальше в запросе указаны, ве-

роятно, ошибочные сведения. Написано, что семья Братко проживала в поселке Матвеевка Троицкого сельсовета с 1942 по 1944 год, и все трое работали в колхозе «Матвеевка». Поселок такого населенного пункта ни в данном сельсовете, ни в районе не было, то, возможно, они жили в какой-то другой деревне.

Если кто-то из старых жителей на территории бывшего Троицкого сельсовета помнит о семье Братко, сообщите, пожалуйста, в наш архив. Дело в том, что они послали уже несколько запросов в Росархив, но поиск не сдвигается, поскольку их первичные сведения о месте проживания неточны. Мы будем благодарны каждому, кто может сообщить хоть какие-нибудь сведения об этих польских ссыльных. Архивный отдел находится в здании районной администрации, на втором этаже, телефон 2-11-31.

Т. ЯТУЛЬЧИК,
заведующая архивным
отделом районной
администрации.

«Акта изъятия и описи имущества в деле нет...»

В деревне Троицк в двадцатые годы жила семья Лапузных. Ее главе — Федоту Давыдовичу шел шестой десяток лет. Если оценивать возраст с современной точки зрения, то можно назвать его предпенсионным. Чуть младше была его жена, Софья Васильевна. Вместе с ними проживали трое сыновей — Андрей, Сергей и Петр, а сестра имела свою семью.

В конце двадцатых годов началась коллективизация. Поскольку единоличное хозяйство Лапузных относилось к крестьян, то оно в числе семи других подпало под раскулачивание. Первым делом их лишили избирательных прав. Произошло это, вероятно, в 1929 году. А через год намечалось выселение из деревни. Глава не вынес этого гора, умер. Как гласит семейное предание, от разрыва сердца. Нам удалось найти в ЗАГСе архивную запись о его смерти. Скопилось 19 мая 1930 года, но в графе «причина смерти» стоит только — «известно». Да и в самом деле, кто станет улавливать, что умер человек при угрозе раскулачивания, от разрыва сердца? Федоту Давыдовичу исполнилось

тогда 60 лет. Запись о кончине, кстати, произведена 22 мая 1930 года, в графе «завитель» указано — «Лапузная Софья, неграмотная».

А летом этого же года мать и двоих ее сыновей выслали в деревню Гарь Ачинского района. И лишь младший, Петр, остался в Троицке. Ему шел тогда одиннадцатый год, и милиционер, который приехал для сопровождения, видно, пожалел парнишку, спросив, есть ли у него родственники. Так Петр избежал наказания.

Через несколько лет «кулаки» вернулись в деревню. Можно предположить, что произошло это, примерно, в 1935 году. Во всяком случае, 26 октября этого года Троицким сельсоветом выдана «выпись» о смерти главы семьи, Федота Давыдовича Лапузного. Она потребовалась, вероятно, его вдове Софье Васильевне.

Кроме этого, косвенным подтверждением даты возвращения из ссылки семьи Лапузных, служит документ, найденный недавно в архиве города Ачинска. Это дело Лапузного Андрея Федотовича, в виде небольшой бумажной панки. В

ней находятся два документа. Цитируем их полностью:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1928 Президиума Красноярского Краевого Исполнительного Комитета от 29 ноября 1935 года. Слушали: Рассмотрение ходатайства о восстановлении в избирательных правах по списку № 3-у (л. № 814).

Постановили: Лапузный Андрей Федотович, Ачинский район, Троицкий сельсовет, индивидуальный избирательных прав в 1929 г. Отказать по ст. 15 А, Ж, 3 Инструкции ВЦИК»

Таким образом, уже в 1935 году Андрей Федотович Лапузный пытается восстановить свое доброе имя, но первая попытка оказалась неудачной. Тем не менее он свое намерение стремится воплотить в жизнь, свидетельствуя этому — второй документ из пожелтевшей панки:

«Копия выписки из протокола № 37/17 заседания от 20/03/1936 г. Президиума ВЦИК» Советов.

Слушали: ходатайство о восстановлении в избирательных правах гр. Лапузного Андрея Федотовича, проживающего — Троицкий

сельсовет Ачинского района»

«Постановили: ходатайство удовлетворить»

Итак, старший из братьев Лапузных был восстановлен в своих правах в 1936 году, спустя семь лет после их лишения. Пока не удалось найти архивные документы, подтверждающие факт раскулачивания Лапузных, прежде всего Софьи Васильевны. Обращалась ли она, чтобы ей восстановили «право голоса»? Найти ответ пока не удалось. Умерла она в ноябре 1965 года.

Зададим себе вопрос: являлись ли Лапузные «врагами народа?», как пытались их изобразить «власть предержащие». Вряд ли, поскольку, когда началась Великая Отечественная война, все три брата ушли на фронт, защищать страну и свой народ от немецко-фашистских захватчиков. Сергей Федотович сложил голову в 1942 году под Белой Церковью, на Украине. Андрей Федотович прошел фронт и умер уже после войны в деревне Красновка. А Петр Федотович, о боевом пути которого уже рассказывалось на страницах районной газеты, до сих

пор живет в деревне Троицк. В октябре он обратился в районную администрацию с просьбой вернуть ему, как единственному из прямых наследников Лапузных, их семейный дом. До недавнего времени в нем находился магазин райпо. А конфискован он, вероятно, в 1930 году, вместе с другим имуществом.

К сожалению, документального подтверждения этому найти пока не удалось. Похозяйственные книги Троицкого сельсовета тех лет не сохранились, а в уже упомянутой справке из Ачинского госархива указано: «Акта изъятия и описи имущества в деле нет». Правда, живы пока еще старожилы села Троицкого Г.М. Герасимова, А.А. Бормова и М.Н. Громова, которые помнят и готовы подтвердить тот факт, что здание бывшего магазина действительно раньше было жилым домом, в котором проживала семья Лапузных, и он являлся их собственностью. Только примет ли во внимание народный суд свидетельские показания? Если, конечно, дело еще дойдет до суда...

Выход видится только один — продолжить поиск

необходимых документов. Кстати, П.Ф. Лапузный в первый раз обращался в Ачинск в апреле 1992 года. Тогда ответ был краток — документов о раскулачивании его семьи обнаружить не удалось. Сейчас поиск вроде сдвинулся с места. Глядишь, к будущему году и еще что-нибудь удастся найти.

Конечно, задачу намного облегчил бы вывоз из Ачинска наших архивных дел, в количестве около двух тысяч, и размещение их в районном центре. Однако все пока упирается в нехватку стеллажей и... картонных коробок. Ачинские работники вначале обещали и то, и другое. Только просили Христом Богом побыстрее вывезти дела. Потом стеллажи из их посулов исчезли, как и большая часть папок. А подобные документы нельзя хранить навалом, как макулатуру, они могут быстро выцвести и стать нечитаемыми. Словом, пока без поездок в город не обойтись.

В. УСКОВ,
заместитель репактора
районной газеты
«Вести».

"ВЫСЛАТЬ ВМЕСТЕ С СЕМЬЕЙ..."

Сегодня мы впервые публикуем полностью два документа, поступившие в районную комиссию по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Первый из них - это заявление бывшего жителя деревни Турецк нашего района Д.Д. Бантеева. Он в возрасте 10 лет вместе со своей семьей был выселен в Тегульдетский район Томской области, а вскоре попал в детский дом. Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, администрации Большеулуйского района Красноярского края, с. Большой Улуй, от инвалида Великой Отечественной войны, репрессированного, Бантеева Дмитрия Даниловича, проживающего: Республика Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Республиканская, дом №47. В 30-х годах прошлого века нашу семью раскулачили и сослали в район Тегульдет в глухую тайгу, где не было даже питьевой воды. Очень много людей погибло тогда там. Помню, как по дороге от голода умерли мои сестра и брат. Отца, Бантеева Даниила Григорьевича, посадили, и он, не выйдя из

тюрем, умер. Где он похоронен, я не знаю. Нас, остальных детей, раскидали по детсадам по всему бывшему Союзу. В то

время при живых родителях я оказался сиротой. Выйдя из детдома, я пошел работать. В городе Новосибирске получил свой первый паспорт и вскоре добровольцем ушел на фронт. Воевал под Курском и закончил войну в Германии. После войны мама разыскала нас, четырех детей. Мама говорила, что я родился 7 ноября 1921 года, а не 5 февраля 1925 года, как указано у меня в паспорте.

По роковой ошибке дату моего рождения перепутали с братом, сейчас уже умершим, который был действительно рожден в 1925 году. А мне пришлось еще четыре года зарабатывать себе пенсию. Я не смог доказать свою правоту, так как мне тогда сказали, что архив сгорел.

Теперь, когда рассекречены многие архивы и документы, у меня появилась надежда на то, что справедливость восторжествует, и мне вернут все, что когда-то у меня отняли.

Я ясно помню свой отчий дом, большой, срубленный отцом. Мельницу он тоже сделал сам, большую, которой пользовалась

вся деревня, за что нас сослали, в дом отдали под сельсовет. Помню белую лошадь, на которой пахали, коня по кличке "Каурый". Много всякой живности у нас было: коров, свиней, кур, овец, коз. Одним словом, большое хозяйство.

Я всегда верил, что даже через 70 лет получу то, что у меня когда-то отняли. Никто не вернет мне мое детство, здоровье. Надежда на Вас, что Вы поможете мне или хотя бы моим детям вернуться на свою историческую Родину и компенсировать утраченное.

С глубоким уважением,
Д.Д. Бантеев.

21.08.2003 г.
А сейчас мы приводим справку, подготовленную архивным отделом администрации города Ачинска. "В документах архивного фонда "Ачинский райисполком" имеется личное дело БАНТЕЕВА ДАНИИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА, в составе следующих документов:

1. Акт описи имущества БАНТЕЕВА ДАНИИЛА (без отчества) от 21.05.31 г.

- Дом пятистен. (так в документе)	- 1	-	200
Амбар	1	(количество)	25
Баня	1	(оценка)	15
Надвор. (так в документе) постр. (так в документе)	1		30
Конюшня	1		15
Конь	1		50
Корова	1		40
Овец и ягнят	4		7
Свинья	1		8
Куриц	7		7
Телега дер. (так в документе)	1		15
Вся сбруя (так в документе)	-		15
Сани ков. (так в документе)	1		5
Самовар	1		10
Часы (неразборчиво)	1		5
Кровать дер. (так в документе)	1		1
Чугуны	2		3
Пила, топор	2		2
Ящики	1		2
Кровать ж. (так в документе)	1		5
Бочка дект. (так в документе)	1		2
Стол	2		2
Табурет	2		1
Муки	4п		4
Подушек	1	(так в документе)	0-50
Одеяло	1		0-50
(не читается)	1		3
Коса	1		0-50
Всего			475 руб. 50 коп. (так в документе).

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

2. Выписка из протокола №2 заседания "пятерки" Ачинского района от 26.06.31 г.

- Постановили: по Турецкому с/совету (так в документе) БОНТЕЕВ (так в документе) Даниила Григорьевич с 1918 по 1930 год имел водяную мельницу, которой эксплуатировал население, - как индивидуально обложенного, лишить избирательных прав и выселить вместе с семьей.

3. Список членов семьи лишенца БАНТЕЕВА ДАНИИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА (так в документе), без даты.
- БАНТЕЕВ ДАНИИЛ (так в документе) 1892 г.р.
  - ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА 1893 жена
  - Николай Данилович 1915 сын
  - Агафья Даниловна 1919 дочь
  - Дмитрий Данилович 1921 сын
  - Максим Данилович 1925 сын

-Татьяна Даниловна 1928 дочь
Все в данном время (дата не указана) в ссылке в Тегульде (так в документе).
Сведения о Бантееве Авдотье Александровне, Михаиле, Степане, Андрее, Григорие, Мордвиновой Ульяне Григорьевне в деле БАНТЕЕВА ДАНИИЛА ГРИГОРЬЕВИЧА не выявлены.
Основание: Р-295 оп. 1С д.99 л.2, 9, 16.
И.о. заведующего архивным отделом Е.Н. Васькова.
К этим двум документам также были приложены ксерокопии справок о реабилитации Даниила Григорьевича и Дмитрия Даниловича Бантеевых. Они стандартные, выданы главным управлением внутренних дел Красноярского края. Обратим внимание лишь на одно место в их тексте - применение политической репрессии в административном порядке по отношению к Бантеевым стало возможным "в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 1.02.1930 г." То есть производилось "раскулачивание" и выселение крестьян с благословения высших органов власти Советского Союза.
И было это явлением массовым - только из деревень нынешнего Большеулуйского района были выселены в административном порядке десятки и сотни крестьянских семейств вместе с детьми. Подавляющее большинство из них было отправлено в ссылку в безлюдные болотистые места Тегульдетского района Томской области, часть нашла там свою гибель.
Что касается самого заявления, то, к сожалению, вряд ли оно будет удовлетворено. Причина - в архивной справке, где приводится акт описи имущества семейства Бантеевых, нет решения о его конфискации. И доказать этот факт можно только через суд, с обязательным допросом двух свидетелей. А те, в свою очередь (а где их найдешь, в Бишкеке-то?), должны помнить события более чем 70-летней давности. То есть их возраст должен быть примерно 80-85 лет. Согласитесь, это вряд ли реально.
Что касается описи имущества Бантеевых, то среди него нет ничего ценного, с точки зрения начала XXI века. Ведь всем этим владела многодетная семья. Единственные признаки "роскоши" - самовар, часы и железная кровать. Зато подушка и одеяло - в единственном числе.
В. УСКОВ, секретарь районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

ГАЗЕТА "СОТОЧКА" РЕКОМЕНДУЕТ:

БОЛОТНЫЙ РЫЦАРЬ - САБЕЛЬНИК

"Мне 68 лет. Болезней - целый букет, как и у всех в этом возрасте. Но я по жизни оптимистка и со всем стараюсь справляться самостоятельно: держу корою, поросят, кур, уток, кошку и собаку. Однако в последний год особенно замучил меня артрит: болели и руки, и спина, и колени. Бывало, чуть-чуть замерзну - так все тело ломит. Давно читала про Сабельник болотный, да не знала, где его достать. А тут в аптеку привезли настой-

ку Сабельника. Я ее сразу купила и начала лечиться. Но готовая настойка стоит дорого, приходилось с пенсии откладывать, экономить. Как-то увидела статью в "Соточке", что Сабельник можно заказать в фирме "Товары - Почтой". Я заказала, через три недели получила посылку. Настойку я приготовила на вод-

ке. Выпила я этой настойки уже всего два литра. И суставы меня беспокоить гораздо меньше стали. И сэкономила я с "Товарами - Почтой": за те же деньги, что с меня брали в аптеке, я получила в 4 (четыре!) раза больше настойки. Для полного курса лечения нужно выпить не менее трех литров настойки Сабельника, думаю, что к тому времени я совсем поправлюсь. Спасибо всем работникам "Товары - Почтой"! Вы делаете для людей очень доброе дело.
С уважением,
Зинаида Матвеевна."

ВНИМАНИЕ! Сабельник можно выписать по почте, стоимость одной упаковки (50 г) - 120 руб. ЦЕНЫ УКАЗАНЫ С УЧЕТОМ РАСХОДОВ ПО УПАКОВКЕ И ПЕРЕСЫЛКЕ БАНДЕРОЛИ и действительны до 30 сентября 2003 года. Заказы высылаются наложенным платежом - ДЕНЬГИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО НЕ ВЫСЫЛАЙТЕ!
Не забывайте указывать полный адрес, фамилию, имя и отчество, желательно, печатными буквами.
При заказе более 500 руб. предоставляется скидка 10%, более 1000 руб. - 15%.
Имейте в виду что при получении посылки почта возьмет с вас восемь процентов от ее стоимости за пересылку перевода. Минимальный заказ 150 руб., заявки на меньшую сумму не выполняются. Для районов с авиадоставкой заказ обойдется на 30% дороже, для малодоступных районов - на 100% дороже.
Заказы высылайте по адресу: 644079, г. Омск, ул. 20-я Рабочая, 52, Селиной Марии Ивановне, передавайте по телефонам (3812) 36-20-33, (3812) 53-25-90; факсу (3812) 58-08-03, e-mail: bizkar@omsknet.ru. О других товарах "Почтового магазина" вы можете найти информацию в Интернете по адресу: www.sotochka.tvg.ru.
Публикуется на правах рекламы.

ЕХАЛ В ССЫЛКУ...

Долго добирался до Сибири репрессированный Василий Гаврилович Урбанович. Целых три месяца тянулся эшелон с такими же, как он, поплавшими под колесо репрессий. Останавливаясь на больших станциях и полустанциях, вагоны поезда пополнялись новыми пассажирами...

Навсегда остались позади маленький украинский городок Коломыя Ивано-Франковской области, а в нем дорогие сердцу люди: мать, сестра, брат и жена с маленьким ребенком.

Трудно поверить, что это происходило в 1958 году, во времена политической оттепели Н.С. Хрущева, когда возвращались из лагерей и поселений тысячи заключенных.

Наказанием для административной высылки послужила ссора с председателем сельсовета, а это было равнозначно конфликту с самой советской властью. Государственный аппарат продолжал бороться с инакомыслиящими.

28 марта 1996
Ранним мартовским утром эшелон медленно остановился на перроне Красноярского вокзала. Восемь человек, в числе которых был 25-летний Василий Урбанович, вышли из вагона. Подошедший конвой посадил людей в грузовую автомашину и к вечеру они были в Улусе, а затем в Карабановке.

Говорят, человек предполагает, а господь располагает. Так и судьба сложилась совсем иначе, чем он ее представлял. Думал, отбудет в далекой сибирской стороне положенные два года ссылки и вернется в уютный, зеленый городок Коломыя, к своим родным и близким.

А вышло все по-другому. Василий так обжился и привык, что стал писать жене, чтобы приезжала к нему с сынишкой. Земля есть, дом тоже, писал он, люди прекрасные. Ни на одно из писем супруга не ответил.

... Работая на ферме, он стал замечать одного мальчонку лет десяти, который прибегал помогать

матери-молоканщице Надежде. Познакомились, стали друзьями.

- Сначала с Васяткой, тезкой, подружился, а потом с его матерью, - смеется Василий Гаврилович.

До 1963 года жили в Карабановке. Обзавелись хозяйством, пошли свои дети - Андрей и Вера. Все дружно и ладно было в этой семье. На одном из советов решили перебраться поближе к Чулыму - Василий был заядлый рыбак, а именно, в Климовку.

Купили, вначале, домик, а когда умер дед - Александр Ятульчик, переехали в его дом, побольше. До сих пор живут в нем Урбановичи и не нарадуются - до чего теплый и уютный.

В начале 60-х в Климовке, по словам В.Г. Урбановича, было столько же домов, как и нынче, только средний возраст жителей - 30 лет.

- Прекрасное время! Жили и работали взахлеб, - вспоминает пенсионер. - Целеустремленность и вера были, не то, что у нынешней молодежи.

На откорме молодняка

отработал В.Г. Урбанович до самой пенсии. Надежда Федоровна тоже всю жизнь отдала ферме. Только перед пенсией, около пяти лет, трудилась в магазине продавцом.

Дети выучились и разъехались. Правда, Андрей потом вернулся в родную деревню. Живет неподалеку от отца, имеет свою семью, работает на ферме. Дочь Вера закончила Лесосибирский институт лесной промышленности и трудится в Большемуртинском леспромхозе.

Кроме рыбалки, появилось у пенсионера еще одно увлечение. Занялся Василий Гаврилович ремеслом: делает полозья для саней, колеса, гнет дуги.

- От нужды, чем угодно займешься, - говорит В.Г. Урбанович. - Таки я. Колхоз зерно дает за мои поделки. И мне интересно с березой возиться - листочки только распустятся, срублю несколько штук, а потом... пошла работа.

На прощание хлебосольные хозяева угостили нас душистой буханкой хлеба, который пекут сами. В Климовку его не возят уже пять лет.

Г. ИЛЬИНА.

БЕЗМОЛВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ИЗ ПРОШЛОГО.

ФОТО Н. БОБЫЛЕВА.

РАССТРЕЛЯНЫ В ОДИН ДЕНЬ

Жительница райцентра А.И. Хаткевич получила письмо из регионального управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Красноярскому краю. Мы приводим его текст без изменений.

Уважаемая Альбина Ивановна!

На Ваше заявление от 14.02.2000 года сообщаем, что Ваш дядя, Клайкалит Густав Эдуардович, 1893 года рождения, уроженец бывшей Лифляндской губернии, Волжского уезда, Стомарской волости, имение Стомир, по национальности - латыш, проживавший в колхозе "Апшуканц" (правильно "Апшуканц" - В.У.) Окуневского сельсовета, Ачинского района, Красноярского края, работавший заводским колхозником пасекой, был арестован 7.10.1937 года по необоснованному обвинению в том, что, якобы, являлся участником фашистской шпионской организации, ставящей своей целью поднятие вооруженного восстания против советской власти при нападении на СССР Германии и Японии, проводил повстанческую агитацию, разжигал национальную вражду между лат-

тышским и русским населением.

Решением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 2.02.1938 г. Г.Э. Клайкалиту была назначена высшая мера наказания - расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 5.03.1938 г. в г. Ачинске, сведений о месте захоронения в доле не имеется. В настоящее время вопрос о внесении изменений в актовую запись о смерти Г.Э. Клайкалита поставлен нами перед отделом ЗАГС администрации города Ачинска, откуда, при необходимости, Вы можете запросить свидетельство о смерти Вашего дяди.

Реабилитирован Г.Э. Клайкалит 6.12.1957 г. Определением Военного Трибунала СибВО, справку о его реабилитации Вы можете получить, обратившись в Военный Суд СибВО (830 091, г. Новосибирск, ул. Гаголя, 8).

Личных документов и фотографий Г.Э. Клайкалита в материалах архивного дела не имеется.

Также сообщаем, что по этому же делу (№ П - 8427) проходит и брат Г.Э. Клайкалита, Клайкалит Адольф Эдуардович, 1.05.1901 года рожде-

ния, уроженец бывшей Лифляндской губернии, проживавший в п. Ладога, Ачинского района, Красноярского края, работавший бригадиром в колхозе "Атбалс", Окуневского сельсовета, Ачинского района.

А.Э. Клайкалит арестован 4.12.1937 года также по необоснованному обвинению в участии в фашистской шпионской организации. Решением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 2.02.1938 года А.Э. Клайкалиту была назначена мера наказания - расстрел; постановление о расстреле приведено в исполнение 5.03.1938 года в г. Ачинске. В настоящее время перед отделом ЗАГС администрации г. Ачинска нами также поставлен вопрос о внесении изменений в актовую запись о смерти А.Э. Клайкалита. Реабилитирован А.Э. Клайкалит 6.12.1957 года Военным Трибуналом СибВО. Личных документов и фотографий А.Э. Клайкалита в архивном деле не имеется.

Начальник отдела РУ ФСБ РФ по Красноярскому краю В.И. Кондоба.

Что можно добавить к уже сказанному? Так получилось,

что о судьбе своих родственников племянница А.И. Хаткевич узнала более чем через 60 лет после их ареста органами НКВД. Поскольку родных о дальнейшей судьбе арестованных тогда не извещали, либо давали ложные сведения (например: осужден на 10 лет без права переписки). Исконными были и диагнозы о причине их смерти. Именно поэтому сейчас управлением ФСБ поставлен вопрос "... о внесении изменений в актовую запись о смерти ..." Г.Э. Клайкалита и А.Э. Клайкалита.

Альбина Ивановна очень мало знает о своих безвинно пострадавших родственниках. По семейному преданию, Густав Эдуардович был не только умелым пасечником, но и селекционером - выва-

щивал на своем огороде си-ренев, крыжовник, яблоки. Тогда в Сибири это было редкостью.

Можно добавить, что, судя по месту рождения, братья Клайкалит приехали в Причулымье из Латавии, в числе многих переселенцев, и обосновались здесь в начале XX века в поисках лучшей доли. Мы ничего не знаем о их семьях. Одно можно сказать совершенно точно - эти добрые, спокойные, уравновешенные люди никогда не были участниками фашистских шпионских организаций, и не разжигали "национальную вражду между латышским и русским населением". Такого в Причулымье попросту не было - это доказано сейчас документально.

В настоящее время извест-

ны фамилии больше чем 80 большеулуйцев, безвинно пострадавших в годы сталинских репрессий. Подавляющее большинство из них были расстреляны, остальные отбыли немалые сроки, или умерли в заключении. Кроме этого, многие десятки крестьян были "раскулачены" и высланы в Томскую область, часто - на верную смерть. Однако список пострадавших далеко неполный, поскольку многие из их родственников либо выехали из района, или умерли. А некоторые до сих пор, спустя более чем 60 лет, боятся говорить об этом. Это - ярчайший пример, как можно залугать не только свое, но и будущее поколение.

ВЛАДИМИР УСКОВ,
член районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных граждан.

Секретариат Красноярского края
Управление Федеральной службы безопасности
по Красноярскому краю
460000, г. Красноярск, ул. Советская, 33
Тел: 8-391-242-1234

ЛИСКА
'О

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

По Чулыму и его притокам не одно столетие назад селились пришлые люди. Сначала это были служилые, в построенных ими острогах для охраны речного пути с его волоками, затем - приехавшие вслед за ними их земляки. Среди вольных поселенцев, бежавших от преследования царской власти и церкви, было во множестве староверов, живущих, главным образом, по Дону и его притокам. Их, по рассказам потомков, и стали называть в Сибири чалдонами, то есть, с Дона и его притока Чалю.

Чтобы в семьях имелось больше рабочей силы, женщины рожали по 12-14 и более детей. Об абортгах и понятии ни у кого не было. Вот почему, как правило, население даже больших деревень состояло из двух-трех фамилий.

Так, в Большом Улуе, например, это были Тихоновы, Бобылевы, Черноусовы. Преимущественно, конечно, со временем родство между семьями настолько отдалилось, что теперь часто можно слышать: "Да мы просто однофамильцы".

А случалось это вот почему. Для многих парней не хватало русских девушек. И брали себе в жены девок из местного, коренного населения, кои были скуласты, черны и с карими жгучими глазами.

И потомство пошло иное. Если одни Тихоновы с русым волосом и серыми глазами, то другие - с черным волосом, темной кожей и черными глазами. Вот и не стали признавать друг друга родней. Причем, последние были низкорослы. Таким мне хорошо запомнился Иван Алексеевич Тихонов, старший конюх колхоза имени Кирова. Которому теперь, если бы он остался жив, было бы много больше 100 лет. Тогда деда Ивана Алексеевича - Никиту, наверно, с полным правом можно назвать одним из первых поселенцев Большого Улуя.

Теперь не узнать, кто из них приглубил местную чернявую девушку из ясаших. Но одно видно - из поколения в поколение это были трудолюбивые, добрые душой и сердцем крестьяне. На суглинках не сильно разбогатеешь, но хлебушка хватало. Имелось свое молоко и мясо. Кормил Чулым рыбой, тайга - дичью и другими природными дарами обеспечивала.

Старый дом Алексея Тихонова стоял вблизи спуска к речной переправе, где нынче - двухэтажный дом в кирпичном исполнении. У Алексея было много детей. В доме ютились и молодые семьи. Когда настала пора разделяться, общими сбережениями купили для семьи Василия крестовый дом, который и поныне стоит напротив сельсовета.

О трагической судьбе этого крестьянина и его семьи, сложившейся при советской власти, мое дальнейшее повествование.

ПРОЩАНИЕ

Репрессии начались еще до коллективизации. Но когда она развернулась в полную силу, то аресты, расстрелы и ссылки кровавой волной докатились до Большого Улуя.

Шел 1930 год. На пороге дома Василия Алексеевича неожиданно появляется милиционер:

- Тихонов, ты арестован. Приказано доставить в Ачинск. Собирайся.

Шагнув, не закрыв за собой дверь. Не присел на табуретку. Стоя, молча наблюдал, как арестованный хозяин торопливыми и судорожными движениями рук собирал дорожный сидор.

- Вот что, мужик. Ты много чего не набирай с собой. Там не пригодится.

Милиционер за последние годы насмотрелся на такие сборы и хорошо знал, что их ждет. Из Ачинской тюрьмы они домой в семью уже не возвращались. За городом, там, где нынче аэродром, они находили в братской могиле свой вечный покой.

От слов милиционера "там не пригодится" у Василия Алексеевича подкосились ноги, и он едва не присел. Руки опустились плетью. Раскаленным железом полоснуло по сердцу. В мгновение хозяин собрался с силами, чтоб не показать слабость и обреченность, ободряюще глянул на стоящую рядом жену, окруженную малолетними детьми. Насколько смог подтвердившим, обнадеживающим голосом произнес:

- Ничего, Катерина. Разберутся. Меня ведь не за что судить.

- Пошли, пошли, - поторо-

пил милиционер. - Подвода ждет.

Они вышли из дому. Впереди хозяин. Сзади, шагах в двух - милиционер, с револьвером на боку.

Следом за ними высыпали плачущие в голос Катерина Николаевна с многочисленной детворой. Чуть поодаль тихо шли, понуря головы, как за гробом, старшие крестьянские дети. "Прощай, семья, прощай, жизнь", - мысленно произнес Василий Алексеевич. Сядя на подводу, он хотел что-то сказать своей Катерине, еще раз успокоить, но уже не смог: жгучим обручем сдавило горло.

Вихрем, одна за другой, неслись мысли: "За что арестовали? Как кулака? Господи, да какие же мы богатеи, если на одиннадцать душ приходится две рабочие лошади, две коровы, три головы молодняка, да всегонавсего четыре овцы. В Гражданскую войну не шел за белых. Правда, и в рядах красных не воевал. Нигде, никому и слова не сказал против советской власти."

Неведомек было почти пятидесятилетнему труженику, что арестовали по доносу недоброжелателей - стукачей, которые до работы не были охочи, сорной травой болтались на трудовой крестьянской ниве. Только и умели горло драть на сходах, да во власть лезли. Донесли на бедолагу за то, что по осени он нанимал нескольких татар из местных, чтоб помогли до холодов убрать с поля хлебушко. Так ведь и платил им за это хорошо: каждому для семьи хватало зерна на год, до нового урожая. Такое в ту

пору бывало крестьянское правило.

ПРИЮТИ, ТАЙГА - МАТУШКА

За Василием Алексеевичем Тихоновым началось преследование его семьи. Двое самых старших детей успели сбежать. На руках Катерины Николаевны оставалось шестеро малолетних, которым было: Анне - 15, Устинье - 13, Кате - 11, Вале - семь, Сане - четыре и Пяне - два года.

Еще за хозяином дома не успела закрыться дверь камеры Ачинской тюрьмы, как к его жене в Большом Улуе нагрянули из сельсовета и грозно заявили:

- В этом кулацком хозяйстве конфискуется все движимое и недвижимое имущество. Чтоб через пару дней вас здесь не было.

Как хотелось хозяйке, растерянной и ошеломленной, заголосить, закричать в отчаянии: "Люди, куда ж я пойду с малолетними? Да из своего-то собственного угла!" Но кто услышит? Только склонила голову от обиды и страдания.

Пошла от дома к дому по селу, прося, чтоб приютили. Всюду отказывали. Только хозяин небольшой хаты по улице Красного Октября, стоящей на месте нового большого дома Надежды и Николая Маскадиновых, согласился принять ее на постой. Пожалел бедную бабу с детьми:

- Переезжай. Не под открытым же небом быть вам теперь. Да и мне, одинокому, по домашности поможешь.

Еще и года не прошло, как гонения возобновились.

Буйно же расцвела сорная трава России, создав свое руководство на местах. Твердо решено по указанию сталинцев полностью заглушить, уничтожить трудовое крестьянство. Лишить земли его подлинного хозяина. Выдернуть корни. А оставшихся согнать в колхозное стадо, закрепить, лишить права выезда.

В начале лета 1931 года к хате, где жила "кулачка" Катерина Тихонова, подкапали две подводы.

- Срочно грузись! На высылку, - услышала она.

На одну из подвод сложила немного хлеба, оставшегося от зимы, скудные пожитки, на другую села сама с детьми.

В центре поджидали подводы из Баженовки, с такими же обреченными на изгнание. Стояли конвойные, чтобы никто не смог сбежать. Когда подъезжали к Ачинску, там уже собрался большой обоз. Последние подводы к нему подгоняли из Секретарки.

... За Чулымом пришлось ждать еще дольше: к обозу непрерывно подходили подводы из других районов. Везли семьи местных, добросовестных тружеников земли - классового врага советской власти.

Путь до тавяжного Тегульдского района Томской области оказался долгом и изнурителем. Ехали и в дождь, и в зной, съедаемые гнусом. Ослабленные и измученные, старики и больные дети умирали. Их убирали с подвода и без захоронения оставляли под деревьями, едва успев прикрыть трупы ветками, травой.

Семейство Тихоновых вместе с другими изгнанниками из Причулымья оставили на одной из старых тавяжных гарей.

- Располагайтесь! Здесь вам жить. Называется поселок "Светлый", - сказал сопровождающий.

Никакого жилья. Только валежины, высокие черные пни, да кустарник, окруженный тройной стеной дремучего леса.

- Прими и сохрани нас, тайга - матушка, - перебрестилась Катерина Николаевна.

Ей повезло, что рядом оказались родственники Захар и Герасим, также с семьями, сосланные из Улуя. Мужики, не медля ни минуты, на скорую руку устроили из хвойных веток просторные шалаши, которые и ветер не продувал, и дождь не мог пролить. Трудились допоздна. Впервые за многие недели дети свалились на "постели" из мягких пахучих пихтовых лапок и мгновенно уснули.

На другой день Захар и Герасим взяли за топоры, чтоб рубить дом, в котором смогли бы встретить пред-

А.И.ТИХОНОВА

стоящую зиму все три семейства.

Мужики успели. Сбили из глины большую русскую печь и к первым заморозкам из ее трубы уже вился дымок.

Катерине Николаевне с ее детьми отвели угол, где вместо кровати аккуратно выложили пихтовыми лапками высокую площадку.

Насколько это было возможно, бедолаги сэкономили муку, отруби, добавляя в лепешки кору березы, малину, но все равно эти основные продукты убывали. Едва-едва перезимовали.

Только свою младшенькую доченьку Паню Катерина Николаевна, как ни старалась, уберечь не смогла. От постоянного недоедания та стала дистрофиком. В ту же страшную, первую зиму изгнания она умерла.

... Наконец дождались спасительной весны. На первых проталинах едва зазеленели молоденькие побеги черемши, дети приняли ее добывать. Работать же еще было невозможно: не успели выкапывать корешки и затем срезать. В ход шли все имеющиеся в доме ножи. Искли сосны, чтоб набрать съедобных почек, выкапывали луковицы саранок.

Когда в доме закончился хлеб - не вытерпели, пошли просить милостыню. На счастье, за журчащим тавяжным ручьем, не так далеко от наших новоселов из Улуя, был уже обжитый большой поселок, обустроенный раньше их загнанными сюда крестьянами. Они успели раскорчевать небольшие тавяжные площадки и занимались хлебопашеством. Туда и пошла Анна, Устинья и Катя. Несказанно обрадовались, когда в первом же доме им подали кусочки ржаного хлеба, оставшиеся от завтрака.

Много домов девочки не обходили: оставляли на следующие посещения. Не съев ни кусочка, даже не откусив от них, они, сколько оставалось силенок в ослабших ножках, спешили к своим меньшим - Валюше и Сане. Там все вместе долго не видевшие хлеба делили его на равные дольки.

- Загублю я здесь своих деток, растеряю... - горевала крестьянка. И решила во что бы то ни стало сбежать в родные края.

СКИГАНИЯ ПО МУКАМ

Десятки тысяч крестьян Красноярья, лишенные права жить на родной земле, брошенные на произвол судьбы, обосновались на ранее необитаемых просторах Тегульдета. Построили дома, хлевы, развели скот,

раскорчевали тайгу. В основном, это были семьи, в которых имелись хоть какие-то мужские руки - старики да подростки, кроме тех, которых уже никогда не дождался.

А Катерине Николаевне Тихоновой не на кого было опереться: дочери, да малолетний сын. Не захотела она быть и обузой для Захара с Герасимом, у которых свои дети, заботы.

Бежали с ссылки такие же, как и она. Круглый год, даже в зимнюю стужу. Но Катерина Николаевна выбрала для этого летнюю теплую пору, чтоб не загубить своих малолетних детей. И харчей-то в доме впрок не насобиралось. Так себе, не больше, чем на два-три дня.

...Первое время шли, торопясь. Чуть как можно скорее покинуть место, где похоронена от голода умершая их самая маленькая Пана.

Катерине Николаевне постоянно казалось, что за ними погоня. Едва послышится вдалеке стук колес телеги, как они тотчас скрываются в придорожных кустах. И с громким стукающим от страха сердцем женщина долго ждет, пока подвода проедет мимо и подалеке удалится от них. "Хоть бы не поймали. В тюрьму ведь посадят, а детям тогда куда деваться?" - переживала Катерина Николаевна.

Скоро кончили припасы, да и дети так устали, что все чаще и чаще присаживались на обочину дороги. А потом и вовсе продвигаться вперед стало труднее: у Саши опухли ножки. Девятилетняя Валя еще крепилась, но без материнской помощи уже идти не могла. Тогда, сама уставшая, измученная женщина брала сына на одну руку, а второй вела дочь.

Когда на пути беглецов стали попадаться деревни, они ожили, наконец. Христом - Господом просили милостыню. Сердобольные люди подавали им кто что мог - кусочки хлеба, вареные картофелины, соленые огурцы.

Кое-как, завершив тяжкий путь, Катерина Николаевна добралась до Большого Улуя. Однако многочисленные родственники, опасаясь, чтобы не арестовали беглянку, украдкой отвели ее с меньшими детьми в Нагорново. Там она устроилась свиначкой на животноводческую ферму. Нашлось кое-какое жилье. Тут семья ожила: было что поесть. Катерина Николаевна и утром и вечером приносила домой корм, который задавала своим подопечным. В нем все было съедобное - запаренная мука, вареный картофель, жмых, чечевица, вика. Это был рай в сравнении с постоянно голодным существованием в ссылке.

Так, семья благополучно прожила в Нагорново несколько лет. Дети учились в школе, переходили из класса в класс. Е.Н. Тихонову неудержимо, болезненно тянуло в Большой Улуй, в родимую сторону, где веками пускал корни большой род Тихоновых. Ах, сердце, сердце, что ж ты не предаешь,

Е.ВОРОНОВ.

(Окончание следует).

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

(Оконч. Начало в №59)
стило беду, пережившей столько мук бедной женщины. Свидание с родиной для Екатерины Николаевны обернулось горем. Зловредные люди донесли о ней. Арестовали и присудили 10 лет лишения свободы.

И НЕ СТАЛО СЕМЬИ

После ареста Екатерины Николаевны разлучились между собой и ее самые младшие дети. Четырнадцатилетнюю Валию приютил у себя Иван Алексеевич Тихонов, родной брат ее расстрелянного отца. А одиннадцатилетнего Саню принял в свою семью старший брат Федор, который, оставив шахты в Кемеровской области, перебрался в Хакасию, на рудник "Коммунар". Здесь же позднее стала жить и Устинья.

Волею судьбы Анна оказалась в Ленинграде. Катя нянялась в няньки к молодым учителям Анне Яковлевне и Федору Тимофеевичу Комлевым.

Устроились и остальные старшие дети Тихоновых - кто где мог, но значительно раньше, чем была арестована Екатерина Николаевна. Самая старшая - Александра - уехала на Север. Боротки о дальнейшей судьбе, названных выше, Федор погиб на фронтах Великой Отечественной войны. Его племянник Саша, после окончания пяти классов, с 14 лет там же, на руднике, стал работать самостоятельно. Прослужив семь лет в армии, участвовал на строительстве Красноярской теплоэлектростанции. Потом потянуло на Север. Оказался в Подтепсово. Сначала был кочегаром, затем, окончив школу командного состава, работал вторым штурманом на теплоходе "Ермак". Несколько лет на нем бороздил глубокие, быстрые воды могучего Енисея. Как хорошо знающему дело, Александру Васильевичу доверяют еще более ответственную должность инспектора речного флота.

Как ни нравилась ему работа, пришлось, по состоянию здоровья, перейти на сушу. И здесь уже не был рядовым рабочим. Жил и работал в Ново-Енисейске, Ново-Маклакове, Лесосибирске, пока в 1982 году не вышел на пенсию. И тотчас переехал в родной Большой Улуй.

Александр Васильевич вырастил пятерых дочерей. Всем дал образование.

Анна Васильевна, живая в Ленинграде, обзавелась семьей, но потеряла ее: муж погиб в войну с Финляндией, сын умер в голодном блокадном Ленинграде.

Потом, переехав в Норильск, вышла замуж за

вдовца, растила его пятерых детей и... под старость осталась одна.

Теперь все сестры живут в Большом Улуе. Трех идет уже девятый десяток, но когда собираются вместе, не чувствуют гнет этого преклонного возраста.

2000 год встретили вместе с Валентиной Васильевной у Александра Васильевича. Взял он гармонию с полки, растянул меха, и полились дивные звуки милой казачьим сердцам песни:

При лужке, лужке, лужке,
При знакомом доле,
При знакомом табуна
Конь гулял по воле...

Дружно, складно подпевали ей помолодевшие голоса старушек...

А совсем недавно был у них семейный праздник - отмечали семидесятилетие Валентины Васильевны. Пили чай, пели песни и, конечно же, произносили тосты в честь именинницы, от всего сердца желая ей долгих лет, прибавки правнуков.

В ЛЮДИ

- Большое спасибо, дядя, за приют и ласку. Поеду я в Ачинск, к сестре Кате. Может, устроюсь там на работу, - высказала Валентина свое решение дяде, родному брату отца, Ивану Алексеевичу Тихонову.

- Не гонишь тебя, дива. Могла бы и доле жить. Родня, поди. Да, видно, Божья воля на то: как станет птице на крыло, так и покидает гнездо. Каким бы теплым и уютным оно ни было, - мудро изрек старый чалдон, работавший старшим конюхом в колхозе имени Кирова.

Внимательно посмотрел на крепкую, развитую фигуру племянницы, которой исполнилось 16 лет. Продолжил:

- Сохрани тебя Господь. Не заметил, как успела повзрослеть. Да и за плечами семилетка. А это много значит. В городе будь осторожна и осмотрительна. Там варнаков немало. Наши-то донские предки городов избегали, не любили.

Почти два года Валентина прожила в его семье. Привык к ней, как к родной дочери. И теперь, усаживая ее на попутную подводу, уходящую в город, погрузился, заметно увлеченный, в его черные глаза. Ничего не сказал племяннице, чтоб не выдать своего переживания. Молча подал оидор с дорожной онедью и протянул в руки тряпицу, в узелке которой были бережно упрятаны, наверно, последние обережения семьи. Потом долго стоял, провожая грустным, задумчивым взглядом удаляющуюся подводу с родной племянницей.

Радостно, с сердечной теплотой встретила Вален-

тину сестра Екатерина. В ту пору она уже успела закончить четыре класса вечерней школы и работала в бухгалтерии военного городка.

Валентине повезло в городе. Оказалось, что ее встретили не "варнаки", а добрые, приветливые люди. Ее охотно приняли на Ачинскую швейную фабрику "Спартак", где вскоре стала работать самостоятельно.

Не прошло и двух лет, как наша односельчанка встретила свое счастье, в лице Дмитрия Леоненко из Ачинского педагогического училища. К тому времени девушка уже успела справиться себе немало обновок.

В 1941 году Дмитрия, получившего диплом, направляют на работу в село Ивановку Бирилюсского района. Там он учит детей, а Валентина работает продавцом.

Только коротким было счастье молодой четы. В 1942 году Дмитрия направляют на фронт, где он попадает под Сталинград. Там шли ожесточенные оборонительные бои. В первые же дни получает ранение. После госпиталя снова Сталинград.

Валентина осталась беременной. В 1943 году без него рождает сына и называет его Володей. Вскоре после второго тяжелого ранения Дмитрий выбывает из строя и возвращается в семью. Фронтвик иначе работает инструктором в Большеулуйском райкоме КПСС, затем - начальником зеркального цеха промартеля, переименованного позднее в комбинат бытового обслуживания.

В 1947 году, отбыв на картоге 10 лет, в эту семью возвращается Екатерина Николаевна. Сколько было радости! Обе женщины плакали, прижавшись друг к другу. Старушка, еще не утратившая былую силу, оказалась нужной в семье: у Валентины Васильевны через год рождается дочь, которую назвали Верой, а еще через два года - Надя.

Казалось, быть бы уж счастливо до конца жизни. Есть дом, обеспеченно, под присмотром Екатерины Николаевны, растут дети. Да только вновь Валентину Васильевну подстерегало горе. Неоплакиваемое.

В 1959 году Дмитрий Яковлевич поехал в Красноярск для утверждения проекта строительства в Большом Улуе кирпичного завода, инициатором разработки которого был. Старый завод с его лошадиной тягловой силой и примитивной первобытной технологией производства не обеспечивал потребности района в кирпиче.

Только не довелось ему

широкого размаха. Став инженером - строителем, она 15 лет работала на возведении Братской ГЭС.

По проектам этого высококвалифицированного технолога строились заводы и другие крупные объекты в городе Шарыпове Красноярского края. Но, из-за Валентины Васильевны пришлось ей с сыном Димой, названным в память о погибшем дедушке и мужем перебраться в Большой Улуй, к матери, за которой нужен уход.

Вроде как по воле рока Валентине Васильевне периодически наносятся тяжелые удары за ударом. Несколькими годами назад она полностью потеряла зрение. А что это значит для человека, говорить не стоит. Но и теперь, в таком положении, вояющая женщина вне паники. Тем более, что рядом с ней - младшая дочь и любимый внук - восьмиклассник Дима.

У Надежды Дмитриевны есть еще и старшая дочь - Оля, семейная. По примеру своей тети - Веры Дмитриевны Лавринович, стала дипломированным бухгалтером.

Почти все внуки у Валентины Васильевны взрослые и обзавелись семьями. Ста-

рушка безмерно радуется, когда рождается очередной правнук. Их у нее уже шестеро.

Побольше правнуков, здоровья и долголетия вам, уважаемая Валентина Васильевна, в свое время немало сделавшая для развития связи в районе!

Е. ВОРОНОВ.

На снимках: (верхнем) слева направо - Устинья, Анна, Екатерина Николаевна с Надеждой на руках, Саша, Валия и Катя. Снимок сделан накануне ареста Василия Алексеевича Тихонова в 1930 году. (на нижнем) слева направо - Устинья, Валентина, Александр, Екатерина, Анна.

Фото Надежды Котовой и из семейного архива.

Постскриптум. Пока этот материал готовился к печати, из управления внутренних дел администрации края в Большой Улуй поступили справки о реабилитации Устиньи Васильевны, Анны Васильевны и Екатерины Васильевны Тихоновых. Валентина Васильевна и Александр Васильевич получили их раньше. Мы искренне рады за них - историческая справедливость по отношению к семье Тихоновых наконец-то восторжествовала.

и живет в Большом Улуе на улице Калинина в необычном доме, который сам спроектировал и построил. Антону Константиновичу Цукману первого декабря этого года исполнится 87 лет...

- Давайте сразу же скажем нашим читателям о том, что Вы для нас - человек фантастических изгибов судьбы только уже потому, что были заклеены «врагом народа». Когда все это произошло?

- Начну издали. Я родился в деревне Счастливое Большелууйского района, в семье лат-

гальских крестьян. А тянуло меня совсем не в сторону земледельческих дел, меня привлекало мастерство... актера. Поэтому я поступил в Ачинский педагогический техникум, где в те годы нас чему только не обучали. Проучился там недолго. В Счастливое приехал Иосиф Романович, скрипач из Новосибирска. Он, если так можно сказать, перевернул мою жизнь.

Я вместе со своим старшим другом отправился в чужой город, без сожаления оставив педтехнику и все, что было связано с детством. Было мне тогда семнадцать лет. В Новосибирске при театре «Красный факел» работала латгальская драматическая труппа. Вот там я и начал учиться мастерству актера. Роли мне давали небольшие, но помимо драматической игры в театре надо было танцевать, петь, читать стихи, прозу.

Осенью 1937 года нашу труппу арестовали. Так я стал изменником Родины по 58-ой статье УК РСФСР. Якобы проводил антисоветскую агитацию среди масс. В нашем репертуаре было много спектаклей по произведениям Михаила Зощенко, а песни и танцы - народные.

- Антон Константинович, как сложилась Ваша судьба после ареста?

- Нас привезли в Мариинск - это небольшая станция в Кемеровской области. Арестантов было много. Поселили в глубокой зацементированной яме. Входная дверь возвышалась над головами, так что всех входящих было отчетливо видно.

Эта яма была набита битком. Спали по очереди, чтобы кому-то прилечь на пол, другим надо было стоять. Так по очереди и спали.

Когда открывалась дверь, все поворачивали головы. Приходила «тройка» НКВД - это и был самый высший наш суд. Обычно по 58-й статье давали десять лет, плюс пять лет поражения в политичес-

К 235 - ЛЕТИЮ
БОЛЬШОГО
УЛУЯ

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ...

ДОМ НА УЛИЦЕ КАЛИНИНА.

ких правах...

- Объясните, пожалуйста, что это означает - «поражение»?

- Значит, без права голоса, выезда, переписки. Первый срок - это тюрьма, в застенках, на поражении - ссылка в какие-либо места.

Так вот, когда «тройка» назвала фамилию Цукман, я уже знал свой срок. Но почему-то эти судьи замешкались, а потом огласили приговор: «Восемь лет тюрьмы и пять поражений...» Я обрадовался! Мне тогда исполнилось восемнадцать.

- Так и куда же попали Вы, в какой лагерь?

- На Дальний Восток, в «Бурлаг». Мы прокладывали железнодорожную насыпь для будущей Байкало-Амурской магистрали от станции Известковая - Ургал и Волочаевка - Комсомольск-на-Амуре.

Шли этаким в 300 человек. Взрывали очищенную просеку, грунт с насыпи отвозили в стороны на тяжелых железных тачках. От ветки к ветке будущей железной дороги - это 200-300 километров пешком, по пути оставляя за собой насыпь. Останавливались ночевать в вагончиках, нас корми-

ли, все было организовано, хлеба мне, как «стахановцу», выдавали один килограмм 200 граммов на день.

Начальник стройки предложил технику: работал и кочегаром, и машинистом, и механиком экскаватора. Тогда экскаваторы отапливались углем.

Потом строительство железной дороги законсервировали. На четыре года.

- Скорее всего, из-за войны? А что было потом, Антон Константинович?

- Нас отправили в Коми АССР на угольные шахты в «Воркутлаг». Уголь самовозгорался, а мы, заключенные, его перелопачивали. Дым стоял - шахты горели... В основном, такую работу и выполняли - тяжелую, в дыму и огне. Но срок уже подходил к концу.

- А День Победы где Вы встретили, Антон Константинович?

- Как где? Победу встретил на нарах в «Воркутлаге». Я только в 1947 году вернулся из мест заключения. Приехал в Ачинск к жене брата, а его убили на фронте. Ничего этого не знал. Потом домой, в Счастливое. Надо было жизнь начинать. Председатель колхоза попросил меня поучить

1937 Г. В КАНУН АРЕСТА.

70-Е... О.С. ШЕВЕЛОВА.

1948 Г. Д. СЧАСТЛИВОЕ...

ся специальности тракториста. Уехал в село Нагорново Ачинского района. А в это время в Большом Улуе действовала своя МТС, так что «корочки» я получил в Большом Улуе. Стал работать в колхозе «Веселая горка», который так назывался от слияния трех деревень - Счастливое, Кузино, Каралисово. Женился на Лидии, тоже латгалке.

В начале 60-х годов меня стали часто вызывать в милицию в Большой Улуй. «Ну вот, опять что-то подозревают, - думал я. - Когда же все кончится!» В один из приездов меня все спрашивал мужчина, которого я раньше не видел. Потом он сказал: «Ты реабилитирован». Я молчу, а он: «Ты зря сидел в лагерях, судимость сняли, ты не виноват».

- И Вы летели домой, как на «крыльях»?

- Я просто уже ничего не понимал. Мы с женой Лидией решили уехать на историческую родину предков - в Латвию, в город Балвы. Лидя уже болела, а я нанялся работать на хлебокомбинат кладовщиком.

- Вы были рады, что оказались на родине предков?

- Нет. Я видел отношение латышей к русским, даже к латгальцам

оно было не таким, как к кореным жителям. Вот такой, допустим, случай. Едем в трамвае, за поручень держится русский, потом он сходит на своей остановке. Латыш подходит к поручню, достает носовой платок, протирает поручень... Много было такого неприятия, я обижался за русских. Я-то сам как-то приспособился, говорил и на русском, и немного на латышском языках. В начале 70-х годов мы покинули Балвы и уехали назад. Жена болела рассеянным склерозом, потом умерла, и я остался один. В Большом Улуе работал кладовщиком в «Сельхозтехнике». Впоследствии на этой же должности работал в «Агроснабе».

- Ну вот, кажется, мы подошли к самой главной части Вашей жизни. Антон Константинович, как Вы познакомились с нынешней женой Ольгой Степановной Шевеловой?

- Это ее уговорили подруги! Сошгатали. Мы живем вместе уже 29 лет. И каждый день - счастливый. Ольга Степановна - редкая чистюля. Мы сошлись уже немолодыми людьми, мне было 57 лет, Оле - 49. Вторая половина жизни - самая моя настоящая.

- Ради этой встречи, наверное, стоило все претерпеть?

- Никогда бы не подумал, когда заселялся с женой Лидией в дом на улице Комсомольской, что за своим огородом... встречу судьбу. Ольга Степановна одна воспитывала дочь, работала на почте и жила на улице Калинина. Иногда она обращалась ко мне за какой-нибудь доской, в чем-то помочь. Но соединиться нам помогли ее подруги.

Послесловие

Прежде чем встретиться с Антоном Константиновичем, я позвонила Ольге Степановне. Она, показавшись, с большой радостью согласилась на мой визит. В течение всего разговора Ольга Степановна находилась рядом с мужем, иногда вступала в разговор, дополняя воспоминания супруга и называя его ласково «Антошка»...

Когда наш разговор шел о заключенных ГУЛАГа, Ольга Степановна вставила свою довольно интересную реплику:

- Посмотрите, сколько фабрик, заводов, дорог, городов построено политзаключенными! Почему же сегодня так не используют труд тех, кто временно не на свободе?

Кажется, в этом есть своя логика. И не нужно приглашать рабочую силу из Китая. А то сегодня уже министерство по миграционной политике разрешает въезд граждан из-за Великой Китайской стены.

В начале интервью я упомянула о доме, который построил Антон Константинович. Он необычен в застройке даже хозяйственных помещений. Они легкие, яркие, аккуратные, мне кажется, все-таки ближе к архитектуре прибалтов. Территория небольшой усадьбы по весне утопает в цвету плодовых и ягодных деревьев, кустарников, многолетников. Впрочем, здесь дышится легко в любую пору. От того, что дом наполнен любовью во всех ее проявлениях.

Н. СТЕФАНЕНКО.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ ВЫЧЕРКНИ НАС ИЗ СПИСКА...

/ПРОДОЛЖЕНИЕ
НАЧАЛО В N88/

Бывший батрак по прозвищу Сорока, став председателем Альбитуйского Совета, что в Забайкалье, сидел за своим столом будто каменное изваяние. Не шелохнется.

Все его внимание было приковано к бумаге, которую заполанял, слюнявя химический карандаш. Кривыми каракулями, строчка за строчкой, ложился все новые фамилии крестьян, подлежащих раскулачиванию.

Жирная муха цепкими лапами скользила по его рябому лицу. Липла к носу, цекотала отвратную ослюнявленную нижнюю губу.

Сорока и пальцем не пошевелил, чтобы согнать ее. Пусть бы его даже колотил толстым шилом шорника, не отвлекся бы от великого дела Системы, уничтожающей кулака, как класс. Его личного врага.

Он готов был верхом усесться на эту бумагу, как на сытого племенного жеребца Осина Шорникова и кричать на всю губернию:

-Что, нажились на труде бедняков, хануги! На Соловки вас, богачи!

Он вымещал злобу за издевки над ним, насмехательства за его беспросветную лень.

Проснется, когда солнце уже поднимается к полудню, зевая протрет грязной рукой глаза, почешет через дырявую шапку завшиевшее тело и садится на завалину покосившейся, никогда не отремонтированной хаты. Растягивает меха чудом уцелевшей гармоники и орет:

-Ах, вы сени, мои сени!

Сени новые мои.

Сени новые, кленовые.

Решетчатые... Хохочут, хватаюсь за бока, бабы, стыдят мужики:

-Адырюга!
-Самогут. "Сени новые" - во сне приснились.

Они уже вволю поработались на сенокосе, вставши раным-рано. В росу только и косить. Едут в знойную пору дня коней поты, пообедали, да к вечеру снова косить до заката солнца.

А Сороке для кого косить? Ни кола, ни двора, ни животины. Крысы разбежались от голода.

-Пришел и на мою уанду праздник. Отыграюсь на всех вас,- злощазал Сорока после победы красных и установления Советской власти, особенно радовался и злобствовал с началом раскулачивания.

...Возле него сидели кружком его подпевалы из Бодайбы, комсомолята.

Когда список не вместился в одну бумагу, шестерки с готовностью протянули сразу несколько листов, и срыва, и слыш, ерзая от нетерпения штанами по ламкам, едва не кричали инквизитору:

-Сидорова запиши!

-А Шорникова не забыл?

-Как же, "забыл"! Первым подлежит изгнанию.

Ишь ты, семнадцать коней расплодил... - едва ли не с пеной у рта шилел Сорока.

Я слышал про все это, стоя с пацанами под раскрытым окном сельсовета. Побежал и рассказал дома.

Батя с матерью - к Сороке:

-Подлый ты чело-

век! Мы своим трудом развели хозяйство, а ты пролежал на боку. Вычеркни нас из списка. Ты же наш родственник.

-Я вычеркну, так вычеркну, что вам еще отпрыгнется, оскорбляет меня здунади,- угрожал председатель.

В тот же день забрали наших лошадей из колхоз, выгребли зерно из закромов. Разорили хозяйство. Правда, мать успела сказать моему брату Исаку:

-Тебе уже семнадцать. Проживешь без нас. Запрягай пару лучших коней и езжай поскорее в Петропавловск-Забайкальский. Авось не найду!

Оттуда Исак перебрался добывать золото в Бодайбо...

В это время произошел случай, усугубивший наше и без того тяжелое положение.

Нерядивые, бесхозяйственные артефакты спугали жеребца и зажали пасти, стис меж глубоких выргов. Тяжелый жеребец свалился с крутого обрыва и разбился.

Отца обвинили во вrede колхозу. Дали ему пять лет каторги. А мать с нами, шестерыми малолетками, погрузили на подводы и отвезли до железнодорожной станции.

Измучились за 250-километровый путь донельзя. Проклянули про себя и Сороку, и новую власть, принесшую людям столько горя, лишений и невзгод.

С нами было еще несколько подвод с деревой партией раскулаченных. В том числе и мой старший брат Василий, давно отделившийся от отца.

Не пощадила Система ни одной, понастоящему трудовой семьи подлинных хозяев земли русской.

Записал
Е. ВОРОНОВ

/Окончание следует/.

"ВЫЧЕРКНИ НАС ИЗ СПИСКА ..."

(Окончание, начало в NN 88-89)

ССЫЛКА

Из далекого села Забайкалья - Аалбитуя от праваяли первую партию раскулаченных. В нее вошли наша семья и старшего брата Василия, он еще не успел встать на ноги. Имел по паре лошадей, да коровенок. Иными словами, середняк.

-Его-то куда? Оставьте, - просил председатель Совета Сороку.

-Под корень все родовые вражье, - был ответ.

-Истребим кулаков до одного! - кричали комсомолы.

На бедолагу угрожающе, острым холодным баском глядели птицы ликвидаторов. И слышалось их строгие и решительное.

-По-та-рапанывайтесь!

И на глазах у изгоняемых голытьбы и окри расплакивали их хит все оставшееся - стволы, сумки, крошоты, тряпичные ступки, ступы. Ведь раскулаченным разрешалось брать только самый малый скарб.

Голосили бабы, причитали, как по покойнику.

-Прощай родимая сторона. Не ходить нам по росням твоим лугам, не питаться твоим хлебушком земля-кормилица. Понуро, склонив голову, стояли мужики,

ее родственники, пахари и сеятели. Нет-нет, да и смешивали с зародками и обветренных или горькие слезинки прощания. За что, за какую провинность перед Россией-Родиною такая жестокая кара? А ведь кормили державу, грудью защищали ее в смертном бою.

Тронулся обоз и мне душно казалось, что березки тихо мынут нас вслед своими зелеными веточками, грустную прощальную песню поют птички в кустах.

До ближайшей железнодорожной станции предстоило промучиться в злой и проливной дождь аж 250-километровый путь. Весь обоз концы, был отмечен по обочинам разбитой дороги свежесрытыми сиротскими могилками. Умирали, не вынося тяжести, дряхлые старики, болящие дети.

Настрадались мы и в железнодорожных товарных вагонах, пока ехали к месту назначения - в Манский район Красноярск. Пассажиры определяли в село Оренное. Хотя и называли нас так в миру, в Системе же значились, как раскулаченные.

Всем было тяжело. Нам казалось, что мымо особенно. Предстаньте, на ве руках нас шестеро. Старшему братику еще и двенадцати не исполнилось, а мне - четыре годика. О бедности и

обездаченности крестьян, позавиших в безымянную немилость Советской власти, раскормивших не стоит: об этом написано немало книг, поставлены фильмы.

Дождь дались отца с каторги. Большого, бесконечно, тем не менее стало легче и мыши, и нам. Где что случается по своим снам, поговоруется, поддержит лаской, теплым словом.

Всем выросли, закончили по семь-девять классов. Ахкая вешние годыны застала семью вставшей на ноги. Только и остался в памяти аладской страшиной КЭЗ-и год, где уже и на красноярской земле выросли многокочкавшие могилки сырали. Сюсила голубая смерть в старых, и мылах.

"ТЫ-СЫН КУЛАКА..."

Выросли все вместе. Мечтали о лучшей жизни. Да не пришлось этому сбыться. Началась Великая Отечественная война. В смертельных схватках с актым врагом оборвалась жизнь двух Шорниковых, Яков, получив сильное ранение при защите Сталинграда, скончался в госпитале. Григорий ушел в лжжную разведку, в тыл врага, и не вернулся. Пропал без вести.

Николай отдался ранением. Живы остались Михаил и Иван. Мне же, к сожалению,

не удалось отомстить врагу за пролитую кровь и гибель братьев. Я несколько раз поступал в военные училища - Тихоокеанское артиллерийское береговой обороны, авиационное, бронетанковое и сизли, и каждый раз звучал отказ.

"Ты -сын кулака". Сдала экзамены, даже уже получала форму и меня всякий раз отчисляли.

До сих пор непонятно, почему же в таком случае моих братьев Якова, Николая, Григория приняли и они стали офицерами?

Есть одна версия. С каким-то из своих школьных друзей я был саником откровенен и выскочил недоверливо политикой Системы по отношению крепких крестьянских хозяйств-как основы могущества России. Он и довел на меня куда следует. И это подозрение в неблагонадежности преследовало меня в лучшие молодые годы. То недоверие до сих пор лежит тяжелой обидой на душе. Хотя я горжусь, что являюсь сыном патристального труженика земли, ее владющего хозяина.

Ах, да, жизнью доволен. Посвятил ее в основном лесному делу. В Большом Улууе был первым директором межлесхоза. Вырастали с женой Эмилией Михайловной троих детей. Несказанно рады правнукам, род наш, Шорниковых, живет, увеличивается...

Рассказ записала
Е. ВОРОНОВА.

Письмо из Мариинского концлагеря было совсем коротеньким. Как записка. В нем Никита Евдокимович Сторожев, священник Большеулуйского прихода, изложил своей жене, Валентине Васильевне, последнюю просьбу - предсмертную.

Не перед расстрелом. Нет. Кроме пули, Советская «народная» власть под руководством партии большевиков, для умерщле-

самом берегу реки Кемчуг.

Нисколько не тяготила та же самая глухомань, захламленное, молодую чету, покинутую большой город. Никита вел службу, а Валентина учила крестьянских детей в существующей в то время там четырехклассной школе.

Все было хорошо. Но для полноты жизни не доставало детей. Супруги долго не переживали. Усыновили мальчика Проко-

вом муже враз одолевшая попадая с двумя малолетними детьми. Валентину Васильевну спасла от голода ее образованность. Стала работать бухгалтером.

-Я папу не помню, его забрали, когда была еще ребенком. Но зато ясно вижу тот день, когда он вернулся, - рассказывает теперь уже 72-летняя Мария Никитична.

Был летний теплый день. Девочка играла с разно-

цим из дальних деревень прихожанам, одурманенным большевиками, отвечали однозначно.

-Как за что? Говорят шпионом оказался. Стало быть, враг народа.

На самом деле Сторожев обвинялся, якобы, за подрыв колхозного строя. Будто вел беседу с Гаврилковым о том, что колхозы скоро развалятся. Простолужный донос.

Не мог осилить свой вто-

лее?

Не сломилась под пытками и издевательствами эта волеватая, выдержанная и умная воспитанница женской гимназии. Не наговаривала того, чего не было, на безвинного мужа. Постоянно твердила:

-Вы арестовали и посадили Сторожева, не имея на то никаких оснований. Он чист и невинно перед народом, перед стра-

дом с ними, коммунистами, бухгалтером работала по пады. Поэтому невольно приходилось Валентине Васильевне менять место работы. И там, главные врачи районной больницы оказались людьми гуманными, добрыми. Они уважали Сторожеву за ее высокую образованность, интеллигентность. С ними она работала многие годы. А что же дети? Прокогия, закончившего 7 классов в

ИСТОРИЯ НЕ ПО УМЕРЩАЮ

"ПРИЕЗЖАЙ, РОДНАЯ, ПРОСТИМСЯ..."

ния своего же народа, использовала и иные приемы. Это тяжелейшие условия содержания и труда заключенных в лагерях и тюрьмах. Вот и не выдержал второго заточения в них батюшка. Тяжело заболевший чахоткой, он со дня на день ждал смертного часа. Хотел последний раз повидаться со своей любимой, верной подругой жизни. И... проститься.

Ах, как давно была их первая встреча. Двадцатый век только начинался. Страшный, кровавый век России. Первая кровь народа пролилась в воскресный день 1905 года, когда поп Гапон повел безоружный народ к Зимнему. Он, Сторожев, сурово осуждал царское правительство, критиковал действия Гапона. И, несмотря на то, что с отличными оценками закончил Саратовскую духовную семинарию, получил направление в Сибирь, в Енисейскую губернию. За вольнодумство. Хотя любящая городская церковь признала бы за честь принять его. За плечами еще были и долгосрочные курсы по обретению нужных знаний и навыков по церковному пению, музыке и многим другим искусствам.

Направление дали. А в сан священника не производили. Для того, чтобы получить его и поехать к месту работы, надо было прежде всего обвенчаться с избранной девушкой. Тогда и свела судьба с Валентиной - красивой, прелевательной выпускницей Саратовской женской гимназии. Между ними была полная взаимность - любовь, уважение, признание. И общие взгляды на мирскую жизнь.

Красноярское верховное духовенство также не сочло нужным оставить ардированного, но несколько крамольного священника при городских церквях. В свою очередь, оно направило Сторожева в село Северный Катык Бирилюсского района, что до сих пор стоит с той же деревянной церковью среди девственной тайги на

В таком составе семье намного интереснее стало жить. Веселее, наполненнее.

Но однажды это веселье, смех, забавы враз оборвались. С установлением Советской власти. Коммунистам и их приспешникам почему-то поперек горла стояла вера в Бога. Их цель - уничтожение попов и разрушение церквей. Она почти была достигнута. Молодого священнослужителя спасали от ареста прихожане. Они не прятали его в лесных урочищах. А просто - станут стеной и не дадут вывести из церкви, забрать из дома. И заступились. И церковь не дали комсомольцам сползать. Никита для них был отцом родным, их совестью, корнем духовности.

И семья священнослужителя не оставалась в долгу перед прихожанами. Одних лекарствами выручат, другим - дадут совет, третьих - добрым, ободряющим словом поддержат. Последним поделится.

Однажды, это был уже 1925 год, в одной из семей большое горе случилось. После родов тяжело заболела женщина, и через восемь месяцев скончалась. Осталась на руках растерявшегося мужика куча детей.

- Не выходит он новорожденную девочку. Уйдет за мамкой. Надо взять ее в наш дом. Проще веселее будет, - задумчиво, тихо, но решительно сказала Валентина мужу.

- Моя умница, ты угадала мои мысли. Такого же и мое решение - удочерить маленькую Машеньку.

Так и растили Сторожевы двух приемных детей, уже переехав в Большой Улуй. Здесь приход был без священника, а Прокопу подходило время продолжать учебу в пятом классе. Одно не учел священник - здесь некому стало защитить его, с прихожанами не успел сблизиться. Тотчас был арестован и приговорен к четырем годам лишения свободы.

Так и осталась при жи-

ветными стеклышками под высоким крыльцом дома. На стук калитки высунула головку оттуда. И видит - дяденька с чемоданом идет. Мать сошла с крыльца, они обнялись. И долго-долго стояли так. Что-то тихо говорят. Мать плакала вслух. От радости. Отец гладил ее по волосам, по плечу...

Потом мама сказала девочке:

- Подойди, Маша, папа вернулся.

Сторожев поднял девочку на руки. Бережно прижал, произнес:

- Доченька. Вот ты какая. Большая стала...

Так в свои пять лет Машенька впервые почувствовала теплоту отцовской ласки.

Это были уже тридцатые годы. В Большеулуйской церкви священника не было. Краевое духовенство разрешает ему принять этот приход.

Радостно на душе у всех. В доме Сторожевых повеселело. Кажется, что даже божий свет стал проливаться в окна больше, чем прежде. Да недолгим оказалось их счастье. Очень скоро померк свет в окнах, погас лучистый взгляд хозяйки. Нет, теперь уже навсегда в этом доме затихли веселые забавы детворы, смех взрослых.

Радость возвращения Сторожева с каторги, вскоре была омрачена. Жизнь подвергалась новым пыткам.

Однажды приехал к священнику крестьянин Гаврилков из Сучкова с просьбой:

- Окрестить бы ребенка надо. Да вот беда, батюшка, в кумовья никого не нашел.

- Эка беда. Я сам стану тебе кумом, - успокоил он мужика.

- Хозяюшка, будь добра, чайку нам приготовь, - попросил Никита жену.

Окрестили дитя. Попили чаю. На том и расстались. Только совсем ненадолго. Обоих арестовали. Священнику присудили пять лет лишения свободы, а Гаврилкову - поменьше дали. За что? Приезжаю-

рой срок Никита Приехала к нему Валентина Васильевна. Простилась. Попросила медсестру лагеря, чтобы похоронили мужа по-божески. Иначе нельзя хоронить священника. Чтоб без гроба и креста.

Только приехала домой, как и горькая весть за ней пришла следом. Медсестра, из православных, сдержала свое слово. Написала в письме, что похоронили бывшего священнослужителя по-христиански.

Ладно бы, если вся тяжесть, несчастье, горе и страдания пали на долю лишь одного человека, репрессированного незаконно. Или пусть даже законно - настоящего врага. Но ведь страшная тень на всю жизнь, по крайней мере на долгие годы, ложится и на оставшуюся семью.

Когда батюшку Никиту отправили на Мариинскую каторгу, не один раз издевались чекисты над бедной Валентиной Васильевной. Действовали среди ночи. Неожиданно врываются в дом, и начинают переворачивать все, ворошить, срывать.

- Что вы ищете? - спрашивала в испуге хозяйка.

- Покажи, где поп прятал оружие, враждебную литературу, тайную переписку?

- Да ничего у нас нет, - от обиды, оскорбления и горя хозяйка не могла сдержать слезы душили ее.

Не раз вызывали на ночной допрос ОГПУ, потом НКВД и позднее, КГБ находились в здании бывшей конторы коммухоза. По Советской, недалеко от центра. Под полом (никто не знает до сих пор) была комната для допросов. Могат быть, и пыток. А разве это не было пыткой, когда Валентину Васильевну ставили к стене и к ее лбу приставляли револьвер. Так и стояла по много часов. Должна была ответить на вопросы, что говорил против Советской власти Сторожев, с кем дружил, где прятал оружие, рукописи, и так да-

Скажи Валентина Васильевна хоть одно слово, порочащее мужа, и ее бы не стали пытать, зато ему была бы уготована пуля. Безоговорочно. Точно также, как дядю автора этих слов расстреляли в Ачинске за то, что его жена по-бабски заявила: «Муж не уважает Советскую власть».

Давно не стало Сторожева. А семья едва не до наших дней претерпевала преследования. Вначале, в первые годы войны, да и в последующие, послевоенные, дом Сторожевых постоянно переполнялся людьми. То занимали его под штаб подразделения военных моряков, обучающихся в здании нынешнего военкомата, то переселенцами, то эвакуированными, и Бог знает кем. Кто бы ни приехал, для сельсовета не стояло проблемы - где поселить. Где же, как ни в поповском доме? Туда, конечно.

У Валентины Васильевны Сторожевой была своя небольшая пасека, состоящая всего из девяти ульев. Они досматривали за ней вместе с колхозником Грицковым. Но, неведомо по чьему решению, скорее всего райкома или райисполкома, эта пасека была необоснованно отобрана. И передана, якобы, Большеулуйской школе.

За пчел, как известно, не раскулачивали, и не судили. Их разведение поощрялось. А тут взяли и отобрали. Натурным образом. Эту операцию провел один из секретарей райкома, учитель по образованию. Имя не буду называть, потому что растут у него внуки и правнуки. И, наверное, дело еще не в нем, а в политике Коммунистической партии, враждебного отношению к священнослужителям и их семьям. Поскольку пасека попады - забирай, ничего не оставяя. Ни копейки не уплатив.

До последней яблоньки выкопали сад из поповской усадьбы и пересадили на школьную территорию.

Некоторые из руководи-

телей не хотели, чтобы я-

Большулуйской неполной средней школе, в восьмой класс не пустили.

- Для сына попа достаточно, - сказали, как отрезали.

Уехал в Бирилюссы. Там работал счетоводом, продавцом. Оттуда и на фронт ушел. Вернулся с полной грудью боевых орденов. И с глубокими ранами. Попробовал устроиться на работу в Бирилюсский РОВД, но там сказа-

ли: - Лиши письменный отказ от своего отца. Ты же поповский сын.

Написал фронтовику, отец давно уж сгнил в могиле. Тогда только приняли.

А Маше почему-то разрешили закончить все девять классов. Всегда отличницей была. Но коллектив учителей, дирекция почему-то никак не отмечали это.

- Другим отличницам - почет, подарки, чествования, с горькой обидой вспоминает женщина. А меня замечать не хотели. Сторожилась.

Тяжело вздохнув, моя собеседница продолжает:

- Вы думаете, что мне было просто стать метеорологом? Далеко не так. Сначала меня ни за что не хотели принимать на курсы метеорологов в Красноярске. За то, что я дочь попа. И только после долгой переписки моей мамы с руководителями многих институтов, меня, наконец, туда приняли.

Казалось бы, какое влияние на прогнозирование погоды могла оказать дочь покойного служителя культа? Навредить, сказав, что вместо хорошей погоды будет дождь?

Боже мой, в какой стране мы жили! И снова туда, на всеобщую каторгу? А как хотят этого некоторые из бывших!

Я тоже бывший работник партийного органа, и сам партизед, но, после рассказанного мною о батюшке Сторожеве, как он умирал в Мариинском лагере - туда не ходил.

Е. ВОРОНОВ.

Двадцать лет назад, в 1996 году в городе Твери, в издательстве "Булат", вышла вторая книга иеромонаха Дамаскина (Орловского) под названием "Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним."

В это издание вошли биографические материалы и воспоминания двух священников, судьба которых тесно связана с селом Большой Улуй. Это Евфимий Никитич Горячев и Никита Евдокимович Сторожев.

Если о жизни и трагической судьбе Н.Е. Сторожева уже рассказывалось на страницах районной газеты "Вести", то об Е.Н. Горячеве большеулуйцам практически ничего неизвестно. Мы собираемся восполнить этот пробел, тем более что, судя по документам, Евфимий Никитич был неординарной личностью. Он написал очень интересные воспоминания, в том числе и о жизни в Большом Улуе в 1918 - 1919 годах. Они до сих пор хранятся в архиве регионального управления ФСБ по Красноярскому краю.

Итак, Евфимий Никитич Горячев родился в селе Никольское-Бурнухи Пензенской губернии в 1884 году в бедной крестьянской семье. Ему было четыре года, когда умер отец, а вскоре после этого скончалась и мать. Он был единственным мальчиком в семье и остался на попечение сестер. Затем жил в семье дяди Алексея Горячева, а с семи лет - у местного священника. Тот отдал Евфимия учиться в сельскую школу, а затем - в двухклассную школу, которая в тот же год была преобразована в семинарию. Учился он весьма прилежно, и сам зарабатывать, давая уроки в семьях.

После окончания семинарии Евфимий поступил учителем в школу села Архангельское. Здесь он проработал семь лет. Проявил себя среди образованной молодежи как человек общительный, веселый. К тому же - хороший танцор. Он быстро стал душой местного общества. Вскоре начальство предложило Евфимию перейти из Архангельской школы в Воскресенско-Лопуховскую, в двадцати пяти верстах от Пензы. Здесь он стал получать двадцать рублей жалованья, и восемнадцать рублей пятьдесят копеек за уроки пения и управление церковным хором. 9 февраля 1909 года состоялось венчание его и Александры Константиновны Кирияновой. Александра не любила своего мужа, но в супружестве была ему верна. А когда появились дети, полюбила их со всей беззаветностью материнской любви.

Священник, воспитатель и наставник Евфимия посоветовал ему выбрать духовный путь. Тот согласился, и в 1911 году поступил на пастырские курсы в Москве. Тут же в свое время учился и Никита Сторожев, будущий священник Большеулуйской Никольской церкви. Тогда, во время обучения в Москве, они еще не знали, что часть их жизни пройдет на большеулуйской земле, в Причудьях.

Прочувшись девять месяцев, в марте 1912 года Евфимий Горячев был рукоположен в сан священника с назначением в сибир-

СВЯЩЕННИК ЕВФИМИЙ ГОРЯЧЕВ С ЖЕНОЙ АЛЕКСАНДРОЙ. 1912 ГОД.

ЕМУ СУДЬБА ГОТОВИЛА ПУТЬ ТРУДНЫЙ, ИМЯ ЧЕСТНОЕ...

ское село Ново-Новоселово. Возможно, это была наша будущая деревня Бычки? Ведь она тоже когда-то носила такое название. Впрочем, ответить однозначно на этот вопрос пока невозможно, нужны поиски в архивах и литературе.

Прослужив пять лет в селе Ново-Новоселово, отец Евфимий был назначен в Никольскую церковь села Большой Улуй. Было это 11 марта 1917 года. Здесь прошла почти вся его священническая жизнь. Прихожане любили отца Евфимия за бескорыстие, за его верность Богу и Православной церкви. А еще - за проповеди, которые он произносил не заученными раз и навсегда словами, а из глубины сердца, прилагая к этому свой духовный опыт. Когда перед исповедью он говорил проповедь о покаянии, о его благодатных дарах, о грехах, отдающих человека от Бога, то прихожане становились на колени и многие, не стыдясь, плакали вслух, сокрушаясь о своих прегрешениях.

5 ноября 1917 года состоялось собрание прихожан одного из благочиний Ачинского уезда, на котором отец Евфимий был избран благочинным. Это было сразу после всероссийского переворота, который потом, через ряд лет, получил название - Великая октябрьская социалистическая революция.

ВОСПОМИНАНИЯ НАСТОЯТЕЛЯ

Мы переходим от изложения биографии отца Евфимия к его воспоминаниям.

Они являются достаточно интересным документом, поскольку в них нашли отражения события переломного для Сибири периода. Новая власть продержалась здесь немногим более полугода. Начавшийся в конце мая 1918 года мятеж белочехов привел к падению Советов. А 18 июня белогвардейцы взяли город Ачинск. Вот именно последствия этого периода отец Евфимий описал позже в своих воспоминаниях.

Они написаны человеком, который не принадлежал ни к одной политической партии. Грубо говоря, он не был ни белым, ни красным. Однако вспомним из истории, что всех священников большевики автоматически причислили к верным помощникам своих ярых врагов - эксплуататоров трудового народа. То есть, исходя из этого, мы, казалось, с большой долей вероятности могли бы заявить, что воспоминания отца Евфимия - записи представителя эксплуататорского сословия, и в какой-то мере отражают переживания власть имущих. Однако это не совсем так. Отец Евфимий в своих воспоминаниях старается быть объективным, и чаще всего говорит о событиях того времени, как обыкновенный свиде-

тель. Кстати говоря, его оценка иногда не совпадает ни с точкой зрения коммунистической пропаганды, ни с современной оценкой белогвардейского движения той части историков, которые склонны его идеализировать. И еще, что немаловажно - он пишет о людях того времени - священниках, красных партизанах и белых карателях, которых знал, встречал, с которыми его столкнула судьба.

Забегая вперед, можно смело утверждать, что воспоминания отца Евфимия в какой-то мере помогают понять, в чем состояли глубинные корни белого и красного террора в период гражданской войны в Сибири. И еще - это фактически один из немногих документов той эпохи, дошедший до наших дней. И он дает нам возможность узнать, что же на самом деле происходило в небольшом сибирском селе Большой Улуй в то смутное время. Мы приводим воспоминания с некоторыми сокращениями и с отдельными справками.

НАЧАЛО 1919 ГОДА

"В начале 1919 года, - вспоминал отец Евфимий, бывший тогда настоятелем большеулуйской Никольской церкви, - стали распространяться слухи, атикомолку сначала и более смело и настойчиво потом, что между Ачинском и Большим Улуем оперирует какая-то группа, банда, отряд и т.п.

Этот отряд многих вдуших в Ачинск или оттуда не пропускает, некоторых грабят, а некоторых убивают. Базой этого отряда называли деревню Палшику. Потом все чаще и чаще в устах народа стала раздаваться фамилия Щетинкина как начальника отряда, оперирующего в нашем районе но еще не бывавшего в Большом Улуе (речь идет о партизанском отряде бывшего штабс-капитана и бывшего начальника Ачинского уголовного розыска Петра Евфимовича Щетинкина - В.У.).

В конце января или начале февраля один из граждан села Ново-Еловского привез мне записку, в которой говорилось, что их священник Владимир Фокин взят неизвестными людьми и отвезен в деревню Лодочную. ("Священник Владимир Фокин был истинным пастырем и сердечным, отзывчивым человеком, почему и пользовался большим уважением среди своих прихожан и всех знавших его. 24 января он был захвачен отрядом Щетинкина и расстрелян в полутора километрах от деревни Лодочная. Ввиду того, что места эти были захвачены большевиками, тело священника было вывезено ночью из села Ново-Еловского и перевезено в город Ачинск, где и состоялось отпевание. Священник был погребен рядом с ачинской Казанской церковью. В погребении, кроме духовенства, участвовало почти все население города).

В то же время или немного позднее донесли до меня весть о том, что убит кем-то и еще один священник моего благочиния - священник села Петровского Михаил Каргополов, бывший до принятия сана священника офицером казачьих войск". ("Он был арестован 31 января. На передней подводе ехали арестованные его красноармейцы: на задней - священник. Отъезжая немногим более километра от села, красноармейцы остановили подводу, вытащили священника из

саней, сняли с него шубу и потребовали, чтобы он снял с себя крест. Отец Михаил отказался. Тогда они попытались силой вырвать из рук священника крест, но безуспешно. Сжимая в руках крест, священник молился: "Не ведают бо, что творят!"

Один из палачей выстрелил в упор в голову. Отец Михаил упал, и они стали стрелять в него, выпустив зарядов двадцать, пока не убили. 17 марта в Благовещенской церкви города Красноярск было совершено торжественное отпевание в сослужении архиепископа и духовенства. Тело пастыря-мученика было погребено рядом с Благовещенской церковью).

ВСТРЕЧИ СО ЩЕТИНКИНЫМ

В это время некоторые из священников переехали в город Ачинск, в некоторых приходах не было священников, некоторые священники не ночевали у себя дома, а у кого-либо из прихожан.

Проснувшись однажды утром, я узнал, что наше село Большой Улуй занял со своим отрядом Щетинкин и мы находимся в его власти. Многие из моих прихожан предостерегали меня, чтобы я поберегся - не ездил в другие приходы с требами, не выходил бы ночью и т.п. Но я продолжал жить обыкновенной жизнью. Выпадов от лиц отряда Щетинкина против меня тогда как будто не было, по крайней мере, я ничего такого не слышал.

Приходилось мне сталкиваться как с представителями отряда Щетинкина, так и с ним самим. Однажды был такой случай. Дело было зимой, перед масленицей. За мной приехал на лошади крестьянин нашего села Алексей Киселев и сказал мне, что меня требует Щетинкин.

Семейные мои ударились в слезы. Я сейчас же собрался и поехал. Привез он меня в дом местного жителя Тихонова. Полном дом был членами отряда Щетинкина. Меня провели в другую комнату. Здесь сидели в два ряда соратники Щетинкина с винтовками и штыками на них. Между ними был прямой проход к передней стене, где за столом, как я догадался, сидел сам Щетинкин. Он пригласил меня сесть, и у нас с ним произошел следующий разговор:

-А на вас, батя, жалоба!
-В чем дело?
-Вы отказались повенчать сына одного гражданина Красноярского прихода.
-Раз отказался, то значит, была причина к этому. Или жениху недоставало лет до определенного возраста, или у него нет надлежащих документов.
-Нет, у него документы есть, но от нотариуса... вы требуете метрику.

Я припомнил данную просьбу ко мне и сказал:
-Я его по нотариальным документам повенчать не могу
-Но почему же? Я сам венчался по нотариальным документам!
-В подтверждение ваших слов могу добавить, и я венчался и венчаю по таким же документам, но этого гражданина повенчать не могу!

Публикацию подготовил В. УСКОВ. (Продолжение следует).

(Продолжение)

Начало в № 46 за 2006 г.)

Мы продолжаем публиковать воспоминания священника Никольской Большеулуйской церкви Евфимия Горячева, относящиеся к 1919 году.

Почему?

По нотариальным документам можно повенчать только лиц, родившихся в России или вообще в отдаленных местах, указанный же гражданин рожден здесь и крещен в Красновской церкви. Нам же известно, как составляются нотариальные акты.

Поехал, допустим, гражданин в город на базар. Берет там первого попавшегося знакомого, поит его водкой и просит пойти к нотариусу и засвидетельствовать, что его сыну девятнадцать лет. Тот,

235 ЛЕТ БОЛЬШОМУ УЛУЮ

чьих офицеров. За это время стемнело.

Потолкавшись в толпе, я направился домой. По пути... встретил жителя села Новоселова Черемнова, который был избран заместителем председателя волостного прихода. Он стал просить меня, чтобы я заступился за него, если к тому предстанет случай, перед казначьим начальством. Я это ему обещал, даже высказал ему уверенность, что его, Черемнова, ничто худое не ожидает, ибо он был, как мне известно, на очень

В чем его вина? — спросил полковник.

Мы сейчас встретили его на дороге. Он ехал в Улуй. Мы его окликнули. Он нам ответил: "Свои, товарищи!" — Мы его и привели сюда.

Отпустите, пусть идет, куда хочет, а ты молись Богу за батюшку, если бы не он, то получил бы и ты горяченьких.

В это время ввели двоих ребят лет по двадцати, моих прихожан из деревни Сучковой. Я сейчас же вступился за них, говоря, что их хорошо знаю, это хорошие ребята и т.д. Но полковник не дал мне договорить:

Батюшка, не будем мешать друг другу. Вам, поверьте, не место здесь, лучше будет, если вы пойдете домой!

Не успел он это проговорить, как я оказался не то выведенным, не то вытесненным за дверь, за которой вскоре раздались снова крики и вопли. Я постоял. Рванул дверь, но её, очевидно, держали. Снова постоял. Сбежал в нижний этаж и, не заходя в комнаты нижнего этажа, ползёл тихо к себе домой.

Не помню, спал ли я эту ночь. Рано утром, до солнечного восхода, я снова отправился к дому Климовского. Между домом Климовского и зданием волостного прихода начинался ров и по нему дорога на реку Чулым. Почти на дороге лежали два трупа, раздетые и растрепанные. Один выше, на покатоной стороне рва, другой ниже, в самом рву. Около верхнего стояла и хрюкала свинья. Вдруг эта свинья схватила зубами за плечо трупа и начала трясти головой и рвать его зубами.

У меня от этой картины буквально как бы перевернулись все внутренности. Я бросился в дом Климовского в надежде выпросить у полковника позволение убрать трупы. Но у дома Климовского мне сказали, что полковник и его штаб перешли ночью на другую квартиру. Я направился туда, но там мне сказали, что полковник спит. Я заметался по улице, про-

бежав торопливо к своему дому и обратно к квартире несколько раз. В это время я заметил ещё один растерзанный труп неизвестного мне человека. Я снова бросился к полковнику. Он встал и умылся. Я выпросил у него позволение убрать и похоронить трупа и спросил, что же ожидает село и его жителей? Он ответил:

А ваш Улуй я сотру с лица земли. Весь выжгу, а население ртостреляю, по крайней мере, каждого десятого, считая баб и ребятешек!

В таком случае, я надеюсь, что вы не откажете в моей просьбе начать выжигать село с моей квартиры, а при расстреле начать с меня, десятой расстрелять мою жену, двадцатым — моего первого ребенка, тридцатым — второго, и так далее до последнего!

У меня нет, правда, ясных доказательств вашей виновности. Ваш дом и ваше семейство будут из общего числа исключены!

Полковник, подумайте, что вы говорите! А разве у вас имеются ясные доказательства виновности каждого ребенка, каждой женщины, каждого жителя?

А! Пустая трава из поля вон! Полковник умылся и сел пить чай. Я же за это время страшно разнервничался. Плакал, умолял пощадить граждан, лучше расстрелять меня и мою семью. Парзал на коленях. Полковник сначала шутил, потом начал успокаивать меня, приглашал пить с ним чай, плюнуть на всё. В этот же день был собран сход жителей села Большой Улуй. Офицер штаба сказал им:

Я не знаю, что предпримет полковник для того, чтобы наказать вас, но думаю, что вам мало не будет.

Я вызвался снова просить полковника за жителей. Снова побежал к нему. Полковник был уже в умиротворенном настроении и обещал мне, что больше никаких репрессий по отношению к большеулуйцам не будет, что и исполнил!

ЕМУ СУДЬБА ГОТОВИЛА ПУТЬ ТРУДНЫЙ, ИМЯ ЧЕСТНОЕ...

не зная сына этого и ни разу не видя его, идет к нотариусу, и они пишут надлежащий акт. Вот вам и документ. А нашего брата, попла, потом тянут, ибо устанавливается, что повенчанному всего лишь шестнадцать лет. Когда субъект не здесь рожден, то я не отвечаю. Если же он рожден здесь, то отвечаю я за неосторожность, и отвечаю довольно серьезно перед своим начальством.

Щетинкин рассмеялся

А ведь ты, батя, правду говоришь, я сам знаю случаи, когда ваш брат венчает чуть ли не двенадцатилетних п... этим документам. Но как же быть? Ведь вы знаете, что в Красновой нет ни попа, ни псаломщика, кто же там напишет метрику?

Я давал записку к церковному старосте, в которой просил его отпустить из церковного архива метрическую книгу за такой-то год, но жалобчик, очевидно, не нашёл нужным сделать так, как я ему предлагал, а предпочёл обратиться с жалобой к вам.

Как же, батя, быть? Хочется удовлетворить мужика. А что, если я вас, батя, попрошу повенчать по имеющимся документам?

А я вас, Петр Ефимович, прошу не просить меня об этом. Что же будет, если я вас буду просить о делах, касающихся ваших дел, а вы меня будете просить о моих поповских делах? Получится одна путаница.

Щетинкин снова рассмеялся.

Эка ты, батя, какой несговорчивый. Ну, а если я сам напишу эту метрику, когда буду в Красновой?

Я вам дам бланк для этой метрики, и когда вы её напишете, то как вы не поп и не псаломщик, то пусть эту метрику подпишет еще кто-либо, что она с подлинником верна.

Ладно, так и решим! Эй, дядя, собирайся сейчас с нами, и я тебе выдам нужную метрику! До свидания, батя!

Метрика вскоре была прислана и брак повенчан. В другой раз меня водили к Щетинкину за то, что я отказался повенчать брак из другого прихода на масленой неделе, ибо в эти дни по уставу Церкви браковенчать нельзя. Щетинкин, разобравшись в этом деле, со смехом сказал жалобщику:

Слушайте, братцы, я ведь не архиерей, как же я могу впутываться в эти дела?

В следующий раз Щетинкин на сходке просил моих прихожан, чтобы они меня отпустили меня с ним в село Красново, чтобы я там послужил неделю для красно-вских постников. Но мои прихожане меня не отпустили: "У тебя, Петр Ефимович, ребята озорные,

Взять-то ты у нас попа возьмешь, а вернешь ли его обратно?" Щетинкин на это рассмеялся и меня в Красново не взял.

ПРИХОД КАРАТЕЛЕЙ

Но вот с первых недель Великого поста поползли слухи, конечно, шепотом, что из города Енисейска идет какой-то казачий карательный отряд, который уничтожает большевиков и все предаёт огню и мечу.

У меня был тесть, приехавший из России. Однажды вечером он выходит из кабинета и говорит:

А что-то неладное. Выскочили из первулка какие-то люди и направились сюда, к церкви. Они что-то тащили за собой на санках. Оглянулись боязливо по направлению к волости и пошли туда, а один направился как будто к нашим воротам.

В это время отворилась дверь и вошёл незнакомый человек.

Здесь есть красные?

Нет, кажется, нет.

Давно они ушли?

Не знаю!

Мы казаки карательного отряда. Преследуем красных вообще, и, в частности, отряд Щетинкина. Вы священник местный?

Да.

Командующий отрядом распорядился, чтобы в вашем доме для него и его штаба была квартира. Приготовьтесь!

Возражать против этого, конечно, не приходится, но я бы просил, нельзя ли вам занять другой дом, более поместительный? У меня пятеро ребятешек, все они очень малы, вы их у меня затопчите.

Ладно, скажу об этом полковнику, но вы, может быть, пойдете и покажете мне более поместительные дома.

Я собрался и, выйдя на улицу, показал ему на здание волости и дом Климовского, куда он и направился.

В это время на улицах было уже очень много казаков. Походив около своего дома, я направился к зданию волости и дому Климовского, которые были расположены через дорогу друг от друга. Казаки толпились больше около дома Климовского. Я вошёл в дом, там было много казаков, и в особенности, судя по виду, каза-

хорошем счету у населения. Придя домой, я увидел, что моя квартира полна казаками, их командным составом во главе с полковником, и посторонним народом. Полковник был в верхней одежде, увидев меня, он пошёл ко мне навстречу.

Вы, батюшка, вероятно, хозяин здесь? Мы извиняемся, что наделали вам беспокойства своим присутствием или, вернее, вторжением, но видя, что у вас нам и вам при нас будет не совсем удобно, мы решили переключиться в другую квартиру.

Я ненадолго остановил его и тут же попросил его быть снисходительнее к населению вообще и квиновным в частности. В особенности стал просить за гражданина Черемнова, указавши на то, что он пользуется уважением и симпатиями населения и, по моему мнению, вряд ли способен на что-либо дурное. Полковник успокоил меня, сказав, что во всем разберется, и невиновные не пострададут за эту ночь. С этими словами он удалился, а вместе с ним удалились все посторонние. Остались одни мои семейные.

Но мне не терпелось. Я снова оделся и пошёл в дом Климовского, где, как я и предполагал, остановились штаб и полковник. Там было полно народа. Я протиснулся в дом, а потом вместе с другими в верхний этаж... где, как потом я узнал, уже началась расправа. Входя по лестнице в верхний этаж, я услышал громкий ужасный крик. Только что я отворил дверь, как услышал:

Да меня вот и батюшка хорошо знает! — Это говорил житель деревни Баженовки Григорий Кириллович.

Ко мне обратился казак, стоявший около него, с вопросом, действительно ли я знаю этого гражданина и с какой стороны. В это время Григорий Кириллович потребовали к полковнику в другую комнату, куда вместе с ним направился и я. Я сказал полковнику, что Григорий Кириллович мне хорошо известен, имеет большую семью, ни в чем предосудительном не был замечен, но ввиду того, что на войне был фельдшером, Щетинкин мобилизационным порядком принудил стать фельдшером в его отряде.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Уважаемые господа!

Заказчик - Администрация Большеулуйского района, находящаяся по адресу: 662110, Красноярский край, с. Большой Улуй, ул. Революции, 11, электронный адрес: ului@klsnet.ru, настоящим приглашает к участию в открытых торгах на право заключения муниципального контракта на обеспечение муниципального транспорта администрации Большеулуйского района ГСМ на автозаправочных станциях в 2007 году.

Форма торгов - открытый конкурс.

Источник финансирования - Местный бюджет.

Предмет контракта: Обеспечение муниципального транспорта администрации Большеулуйского района ГСМ на автозаправочных станциях в 2007 году.

Максимальная цена контракта: 300 000,0 рублей

Место, условия и сроки выполнения услуг - Большеулуйский район, возможность оказания услуг за пределами Большеулуйского района. Сроки выполнения услуг - 2007г.

Формы, сроки и порядок оплаты услуг - предоплата в размере 100 % по безналичному расчету по мере необходимости.

Срок, место и порядок предоставления конкурсной документации - Конкурсную документацию можно получить с 8.00 часов 29 января 2007 года по адресу: с. Большой Улуй, ул. Революции, 11, кабинет 22, тел. (8-259)-2-15-03.

Заявки принимаются в запечатанном конверте с указанием только наименования открытого конкурса, по адресу: 662110, Красноярский край, Большеулуйский район, с. Большой Улуй, ул. Революции, 11, кабинет № 22, с 8.00 часов 29 января 2007 года до 10 часов 27 февраля 2007 года.

Вскрытие конвертов с конкурсными заявками произойдет 27 февраля 2007 года в 10 часов в зале заседания (3 этаж) администрации района по адресу: с. Большой Улуй, ул. Революции, 11.

Критерии оценки заявок:

1. Цена контракта (Стоимость 1 литра А - 80; АИ - 92);

2. Предоставление гарантий качества ГСМ.

3. Дифференцируемая цена (в случае невозможности установления фиксированной цены), когда цена изменяется по кварталам (месяцам) в течении срока действия муниципального контракта в зависимости от прогноза индекса цен. В этом случае в цене заявки должна учитываться цена товара, рассчитанная как среднезаявленная цена на основе представленных в заявке дифференцированной цены и объемов поставляемого товара по кварталам (месяцам) в течении срока действия муниципального контракта.

Оценка заявок будет произведена по методу балльной оценки.

Критерий формирования рейтинга: сумма баллов цены контракта, гарантий качества ГСМ с учетом их весовых коэффициентов.

Заместитель главы района по оперативным вопросам

В. И. Погинов.

КАК ПОГУБИЛИ БАТЮШКУ

На страницах районной газеты "Вести" уже рассказывалось о трагической судьбе священника Свято-Николаевского Большелудского прихода Никиты Евдокимовича Сторожева. Писал об этом наш давний автор Е.Н. Воронин в материале "Приезжай родная, простимся", опубликованном 29 апреля 1997 года. Мы еще раз возвращаемся к этому сюжету, поскольку в распоряжении редакции оказались уникальные фотографии и архивные документы, рассказывающие о его жизни и гибели.

Хотелось бы сразу отметить, для всех служителей купца были созданы самые

жесткие условия вскоре после установления Советской власти. Независимо от того, священник это, псаломщик или монах. Причин все они безоговорочно лишались избирательных прав, согласно пункта Г статьи 69 Конституции РСФСР. Более того, лишены становились и их жены, а то и дети, опять-таки на вполне "законных" основаниях. Так гласил пункт П статьи 15 соответствующей инструкции ВЦИК-Всероссийского Центрального исполнительного комитета.

Все эти репрессивные меры коснулись и семьи священника из Большого Улуса Никиты Сторожева. В 1927 году его и

жену Валентину Васильевну лишили избирательных прав. Это зафиксировано в документах исполнительного комитета Ачинского окружного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, хранящихся в Ачинском госархиве. Но это было только началом. 17 января 1930 года батюшку арестовали, а уже 9 апреля Ачинский окружной суд осудил его по статье 58-10 Уголовного Кодекса РСФСР к четырем годам лишения свободы. А вся вина его была лишь в том, что он священник. А раз так, то вывод однозначный: занимается антисоветской деятельностью.

11 июня 1930 года Сторожев прибыл в один из лагерей Кемеровской области, а в апреле 1932 года его перевели в места лишения свободы Республики Карелия. Это записано в справках информационных центров управлений внутренних дел Кемеровской и Новосибирской областей. Очевидно, прибыл он оттуда в январе или феврале 1934 года после того, как завершился его первый срок.

В 1930 году была сделана опись имущества семейства Сторожевых. В нее были включены плетенный дом амбар, конюшня, дойная корова и метель, ходок, комут и 12 рамочных ульев. Из всего, что можно с некоторой оговоркой причислить к предметам роскоши, записаны комод, крашеный шкаф, железная кровать, три венских стула, стенное зеркало, ковер. Были в хозяйстве Сторожевых 8,5 пудов меда, пять пудов ржаной муки и четыре пшеничной. Включили в опись двух кроликов и восемь вольчат. А также 24 килограмма топленого воска, 16 сапунельных свечей. Не забыли записать барометр и два

градусника.

Переислена и женская одежда, принадлежавшая жене священника Валентине Васильевне. Среди нее пальто, четыре платья и кофта, а также головной платок. Из одежды отца Николай-платок, брезентовый, четыре подярника, платье (очевидно, ряса). Включены в опись матрас и простыни, шторы для дверей и шторы. Словом, все более или менее ценное оказалось отраженным в этом документе. Даже четыре большие тарелки. И две медали. Возможно, ими был награжден батюшка за свою службу. Но для тех, кто записывал их в опись, они имели значение лишь потому, что могли что-то стоить и оцениваться в рублях. Кстати, этот документ хранится в государственном архиве администрации города Ачинска.

Итак, отец Николай вернулся из заключения в начале 1934 года. Но гонения на священника на этом не закончились. Другое дело, что власти не удавалось сразу найти повод для ареста. Но он все-таки отыскался: батюшка окрестил ребенка родителей Газриловых из Сучкова. 29 марта 1936 года он был вновь арестован. А 10 октября того же года Ачинский народный суд осудил его к пяти годам лишения свободы по закону от 7 августа 1932 года. Это зафиксировано в справке информационного центра управления внутренних дел администрации Красноярского края.

Самое парадоксальное в названии закона, по которому судили священника, назывался документ так: "Закон об охране социалистической собственности" и был написан лично И.В. Сталиным. Он вводил в качестве меры судебной репрессии за хищение

(вероятно) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социального наказания - расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества. Амнистия по делам такого рода была запрещена. Действительный смысл этого закона-закона, вводившего беззаконие, был современникам вполне ясен. "Закон о пяти колхозках" так назвали его в деревне. Его осуждали и в партийной среде. Лишь после того, как власти убедились, как много стало выноситься смертных приговоров (за пять месяцев 1933 года - 2110), максимальный срок тюремного заключения был немного снижен и составил от пяти до десяти лет. Кстати, обо всем этом писала газета "Правда" в номере от 16 сентября 1986 года.

Надо ли говорить, что отец Николай никогда в своей жизни не брал чужого и в мыслях своих позволить себе этого не мог. "Не убий", "не укради" - по этим и другим библейским принципам он жил и призывал к этому свою паству. Поэтому таким кощунством к его памяти звучит этот приговор. Да, видно, это совсем не трогало тех, кто его подписывал. Более того, они могли считать его даже мягким: в то время нередкими были уже и высшая мера, и большие сроки заключения. Но нужно учитывать, что мажорит репрессий вращался уже с такой силой, что остановить его аншлю было невозможно.

Есть только одна деталь, особенность чисто советская, когда ко всем политическим заключенным (даже осужденным по общеуголовным статьям) неизбежно применялся тяжелейший психологический прессинг со стороны так называемых "обратных", "урок", которым зачастую нечего было терять. Это негласно поощрялось и тюремной администрацией. То есть, выжить в

таких условиях для политзаключенных тем более священникам, было почти невозможно.

Не удалось это и отцу Николаю. Он умер 27 мая 1939 года в Сусловском отделении Сиблага Кемеровской области. Было ему только 54 года. Единственное утешение его жена съездила к нему попрощаться перед смертью, и погребен он был по православному обычаю. Так не стало одного из самых ярких представителей православной церкви на земле Причупырья. Кстати, Никита Евдокимович начинал свое служение в Бирюлюкской волости, в приходе деревни Северный Катык. Именно эту церковь, единственную сохранившуюся в Бирюлюкском районе, собираются восстанавливать в соседнем райцентре. Уже заложен фундамент, перевезены и разложены вокруг него все детали здания по промулькованному бревнам, идет сбор средств на восстановление храма. Думается, это будет своеобразным памятником Николаю Евдокимовичу Сторожеву - первому священнику Катыкской церкви, безвинно пострадавшему в годы сталинских репрессий.

В.УСКОВ.

На снимках, таким был Никита Сторожев в 1912 году, в момент окончания двухгодичных пастырских курсов в Москве (внизу). Н.Е. Сторожев, его жена Валентина Васильевна и их приемный сын Прокопий, 1913 года рождения.

Фото из семейного альбома.

СОХРАНИМ ЛИ ЦЕРКОВЬ?

На этом снимке Новоникольская церковь - практически единственное здание культового назначения, которое сохранилось в нашем районе с начала двадцатого века. Правда, оно подверглось значительной внутренней перестройке в период, когда здесь размещался сельский клуб.

Тем не менее, внешний вид церкви во многом сохранился неизменным, за исключением купола и креста. Поэтому она вполне могла быть занесена в число памятников истории и культуры нашего района. Тем более, что со-

всем недавно подобных зданий насчитывалось три. Однако в Новой Еловке бывшую церковь, которая тоже использовалась как клуб, сносили, а Красновская сгорела.

Известна точная дата освящения Новоникольской церкви - 3 октября 1910 года. Число установлено согласно документу, хранящемуся в Государственном архиве Красноярского края. В нем рассказывается, что в этот день в селе Избушечном состоялся вечер в честь освящения новой церкви. Кстати, ее название в честь Святого

Николая стало причиной переименования и самого населенного пункта.

Сейчас церковь заброшена и постепенно разрушается. А жаль. Ведь предки сооружали ее на века. И строилась она во многом благодаря деньгам, собранным жителями окрестных деревень. Выходит, не оправдали мы надежду людей поколения начала двадцатого века, коли допускаем ее запустение.

В.ВЛАДИМИРОВ.

На снимке так сейчас выглядит здание Новоникольской церкви.

Фото Н. Пургина

СУДЬБА СТРИЦКИХ

Нынешней весной исполнилось 80 лет одной из старейших жительниц районного центра, Анете Антоновне Стрицкой. Родилась и выросла она в деревне Охуньки, здесь прошла большая часть ее жизни.

Судьба ниспослала ей множество испытаний. Когда Анете было три года, умерла мать. Поэтому воспитывали ее отец и пятеро старших братьев. Ей рано пришлось взять на себя всю женскую работу по дому. А потом на их семью обрушилась страшная беда.

Органы НКВД арестовали отца и двух братьев. Представители местных властей забрали свиней, поросят, корову - словом, весь домашний скот, а также сеялку и веялку. А у Петра работники органов изъяли ружье - берданку.

Хотя аресты в деревнях Причудымья шли уже не первый год, и подавляющее большинство их жителей никогда домой не вернулось, все равно Анета и оставшиеся братья верили, что "компетентные органы" разберутся, и освободят невиновных. Однако надеждам не суждено было сбыться. После того, как они приехали с пере-

Сведений о месте захоронения в материалах дела не имеется.

Реабилитированы Стрицкий Павел Антонович и Стрицкий Петр Антонович 17.09.1957 г. Военным трибуналом Сибирского военного округа за отсутствием состава преступления.

Итак, выяснилось, что братья действительно были по надуманному обвинению арестованы, а затем расстреляны. Сложнее оказалось разобраться, что же действительно произошло с отцом семейства. Во всяком случае, никаких сведений о нем в региональном управлении Федеральной службы безопасности не оказалось. Как и в информационном центре управления внутренних дел администрации края.

Хотя вполне возможно, что он действительно скончался в Ачинской тюрьме от перенесенных при аресте издевательств и унижений. При этом, будучи совершенно невиновным. Однако, поскольку осудить его не успели, решения ни "тройки", ни комиссия не принимали, то его попросту списали на "естественную убыль". Согласитесь, что сегодня это звучит ко-

свои снет

стому мы закрепили чин-
челюсти быков в стадо. И
все владельцы коров, а бы-
ранок в Березовке 131, мо-
гут воспользоваться этим
профессиональным способом
искусственное осеменение
не вполне приемлемо и
для деревень Новоселья и
Кумьря. Кроме этого при-
нимает и ветврач, Алек-
сандр Николаевич Савчен-
ко, который занимается
именно домашним скотом.
Права, из-за финансовых
трудностей многим из об-
ратившихся к нему прихо-
дится приобретать наско-
димые медикаменты за
свои снет

1343	27	12,2
100	27	15,8
512	57	8,8
290	18	14,5
-	-	-
-	3	10,0
100	10	8,9
100	36	9,5
110	31	14,0
-	25	24,5
115	12	9,1
-	20	12,7
46	27	7,1

данги (в лектарах), в третьи -
е последние препараты), в чет-
рых с лектара) на 17 центад-

ПЕРВЫХ РАБОТ

СУДЬБА СТРИЦКИХ

Нынешней весной исполнилось 80 лет одной из старейших жительниц районного центра, Анете Антоновне Стрицкой. Родилась и выросла она в деревне Окуньки, здесь прошла большая часть ее жизни.

Судьба ниспослала ей множество испытаний. Когда Анете было три года, умерла мать. Поэтому воспитывали ее отец и пятеро старших братьев. Ей рано пришлось взять на себя всю женскую работу по дому. А потом на их семью обрушилась страшная беда.

Органы НКВД арестовали отца и двух братьев. Представители местных властей забрали свиней, поросят, корову - словом, весь домашний скот, а также саялку и веялку. А у Петра работники органов изъяли ружье - берданку.

Хотя аресты в деревнях Причупымья шли уже не первый год, и подавляющее большинство их жителей никогда домой не вернулось, все равно Анета и оставшиеся братья верили, что "компетентные органы" разберутся, и освободят невинных. Однако надеждам не суждено было сбыться. После того, как они приехали с передачей в Ачинскую тюрьму, им сообщили, что отец умер, и отдали его вещи.

А о судьбе двух других братьев узнали из информационного письма из регионального управления Федеральной службы безопасности по Красноярскому краю, недавно пришедшего в Большой Улуй, и адресованного Анете Антоновне. В нем сказано:

"Ваш брат Стрицкий Павел Антонович, 1907 года рождения, уроженец Латвии, бывшей Витебской губернии, латыш, проживающий в с. Окунево Ачинского района Красноярского края, член колхоза, арестован 6 01.1938 г. органами НКВД.

Стрицкий Петр Антонович, 1902 года рождения, уроженец Латвии, бывшей Витебской губернии, латыш, проживавший в д. Каралосово Ачинского района Красноярского края, член колхоза, арестован 14 01.1938 г. органами НКВД.

Стрицкие необоснованно обвинены в том, что, якобы являлись участниками фашистско-шпионской организации.

Решением комиссии НКВД и Прокурора СССР от 3 02.1938 г. им была назначена высшая мера наказания - расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 5 03.1938 г. в г. Ачинске.

Сведений о месте захоронения в материалах дела не имеется.

Реабилитированы Стрицкий Павел Антонович и Стрицкий Петр Антонович 17. 09.1957 г. Военным трибуналом Сибирского военного округа за отсутствием состава преступления.

Итак, выяснилось, что братья действительно были по надуманному обвинению арестованы, а затем расстреляны. Сложнее оказалось разобраться, что же действительно произошло с отцом семейства. Во всяком случае, никаких сведений о нем в региональном управлении Федеральной службы безопасности не оказалось. Как и в информационном центре управления внутренних дел администрации края.

Хотя вполне возможно, что он действительно скончался в Ачинской тюрьме от перенесенных при аресте издевательств и унижений. При этом, будучи совершенно невинным. Однако, поскольку осудить его не успели, решения ни "тройка", ни комиссия не принимали, то его попросту списали на "естественную убыль". Согласитесь, что сегодня это звучит кощунственно по отношению к человеку. Однако давайте вспомним, какой была ситуация в конце 1937 - начале 1938 года, когда невинных людей расстреливали регулярно и массово по всей России. Не был исключением в этом плане и небольшой сибирский город Ачинск, являющийся центром Ачинского района.

Еще один брат, Андрей Антонович, 1914 года рождения, не вернулся с фронта - погиб на поле боя. Алексей и Иван куда-то переехали, сменив место жительства. И связь с ними потерялась. Тем более, что Анета из-за большой занятости по дому так и не пошла в школу, осталась на всю жизнь неграмотной. А потом с малых лет работала в колхозе, тут уж было не до учебы.

К сожалению, даже теперь, когда выяснилась судьба братьев Петра и Павла, и получена справка о их реабилитации, Анета Антоновна не может быть признана пострадавшей от политических репрессий. Причина проста - у нее нет свидетельства о рождении. А обращаться в суд не позволяет здоровье. Выпавшие на ее долю испытания сказались и на общем состоянии, а прежде всего на зрении.

В. УСКОВ

ПОСТРАДАЛА ЗА ВЕРУ

В наше время, когда человек вправе сам определить, верить ему в бога, либо быть атеистом, преследования по религиозному признаку кажутся совсем невозможными. Однако в нашей истории случалось, когда такое было скорее не исключением, а правилом.

Так, в двадцатые годы всех священнослужителей пишили избирательных прав, а вместе с ними и их жен. Некоторых из них впоследствии посадили в тюрьму, что тогда приравнивалось к смертной казни-священников в таких местах всячески третировали, причем как уголовники, так и надзиратели. Словом, эти люди практически были обречены. Погиб в заключении Александр Георгиевич Кузнецов, священник из Новоникольска. На страницах районной газеты уже рассказывалось о двух арестах и смерти в местах лишения свободы батюшки из Большого Улуя Ефимовича Сторожева. И это-только известные нам факты.

Преследовали и рядовых верующих. Одна из них-жительница деревни Удачное-Мария Ивановна Селиванцева. Волею судеб ее избрали церковным старостой Большеулуйского прихода. Службы тогда в церкви не велись, обряды не отправлялись, поскольку священник Никита Сторожев был арестован еще 17 января 1930 года и осужден якобы за контрреволюционную деятельность к четырем годам лишения свободы. А на Марию Ивановну Селиванцеву выпали заботы прежде всего о сохранности церковного здания, иконы другого имущества. Причем, взялась она за дело по-настоящему, и верила в то, что ей удастся все сберечь в целости.

Официально обвинить в этом женщину не представлялось возможным-

не имелась подходящей статьи. И тогда власть держащие придумали обвинить ее в том, что она якобы участвовала в деятельности контрреволюционной группы. А это уже преступление, предусмотренное статьей 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

го кодекса РСФСР

Арестовали ее работники ОГПУ 17 мая 1931 года и отправили в тюрьму города Томска. Там попала Мария Ивановна, обычная крестьянка из деревни Удачное, в камеру смертников. И на себе испытала все ужасы и переживания тех, кто томился в тюрьме за совершенные, а чаще за несовершенные преступления.

Как она потом рассказывала своим дочерям, Ульяне и Лидии, каждый день в полночь в камере выключался свет. И начиналось самое страшное-отдельных ее обитателей вызывали, обратно они, как правило, не возвращались. Как догадывались заключенные, уводили их на расстрел.

Однажды в двенадцать часов ночи погас свет, а вскоре надзиратель зазвенел ключами, распахнул дверь камеры и прокричал: "Селиванова, с вещами на выход!" Марии Ивановне показалось, что назвали ее фамилию, и она стала собираться, как почитала, в последний путь. Попрощалась с сокамерницами, всем по христианскому обычаю пожелала: "Храни вас Бог!" Когда подошла к двери, надзиратель переспросил фамилию: "Селиванова?" - "Нет, Селиванцева", - со вздохом облегчения ответила Мария Ивановна. И она, в мыслях уже попрощавшись с жизнью, вернулась в камеру. И еще она вспомина-

ла, что дело вела следователь по фамилии Пуртова. Она неоднократно вызывала Марию Ивановну на допросы и с наганом наполе требовала признаний, что она агитировала людей против Советской власти. Селиванцева отвечала совершенно спокойно: "Дайте свидетелей!" На самом деле работники ОГПУ добивались, чтобы она отказалась от выполнения обязанностей церковного старосты. На что Мария Ивановна сказала: "Пока жива, церковь я не отдам. Мне народ доверил".

Видно, так и не смогли тюремщики доказать, что действительно М.И. Селиванцева вела антисоветскую агитацию. Поэтому постановлением Томского оперсектора ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 31 октября 1931 года уголовное дело в ее отношении прекратили за отсутствием состава преступления. Из-под стражи ее освободили, однако извиняться за незаконный арест и более чем пятимесячное содержание в камере смертников никто не собирался. И лишь через много лет после смерти Марии Ивановны, девятого июня 1988 года, ее дочери, жительнице Большого Улуя Лидии Куприяновне Усковой, управление Федеральной службы безопасности по Красноярскому краю выслало справку о реабилитации матери. Кстати, тоже без извинений, хотя бы и запоздалых. Единственное-вернули ее фотографию из личного дела.

Отпустив Марию Ивановну на свободу, органы ОГПУ держали ее под контролем, и довольно-таки жестким. Еще раз садили в тюрьму, и дочери помнят, как ездили к ней на свидание. Увидев их после разлуки, мать сдержала себя, так и не заплакав. Лишь одной ей было известно, каких усилий это стоило.

Давление на эту стойкую

женщину продолжалось и в последующие годы. Случались угрозы, допросы, которые вполне могли закончиться арестом. Не избежал репрессий и ее муж, Куприян Яковлевич Селиванцев. Его арестовали органы ОГПУ или 28 марта, или 27 января 1933 года. И обвинили ни мало ни много в том, что якобы он являлся участником контрреволюционной повстанческой организации.

То есть, крестьянин из деревни Удачное "повинен" в преступлениях, предусмотренных статьями 58-2 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Постановлением Особой тройки ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 13 мая 1933 года К.Я. Селиванцеву назначили меру наказания в виде пяти лет лишения свободы. Как вспоминает его дочь Л.К. Ускова, он вернулся домой досрочно, примерно в конце 1936 года. А потом семья Селиванцевых переехала в село Большой Улуй. Реабилитирован Куприян Яковлевич восьмого февраля 1958 года за недоказанностью состава преступления.

Мария Ивановна до конца своей жизни была хранительницей церковного имущества, принадлежавшего Большеулуйскому храму. Во многом благодаря ей удалось сберечь уникальные иконы, иные предметы, необходимые для проведения служб. Она так и не "сдала" церковь, которая была в конце концов сломана, вопреки протесту прихожан и даже здравому смыслу. Но это-совсем другая история.

В.УСКОВ.

На снимке-такой была Мария Ивановна Селиванцева в тридцатых годах нашего столетия.

Фото из ее личного дела, хранящегося в архиве управления Федеральной службы безопасности по Красноярскому краю.

Семья Альтергот в конце августа-начале сентября сорок первого года снялась с насиженного гнезда не по своей воле. В деревне Швед, что в Саратовской области, у города Энгельса в немецком поселении Альтерготы жили, как и большинство людей, крепко, чистоплотно. С началом войны к ним ворвалась беда-репрессия. Пришли люди, сказали, чтобы собирались к переезду и ничего с собой не брали, другие же приходили и, видимо, жалея вынужденных переселенцев, намекали, чтобы они взяли самое необходимое, третьи же почти шепотом говорили: «Берите с собой сколько сможете увезти».

Что можно взять в долгую и неизвестную дорогу? Так Елена Христиановна, Андрей Андреевич и его мать Мария, дети: Эмма, самая старшая в семье, которой в это время исполнилось четырнадцать лет, двенадцатилетняя Эмилия, шестилетняя Доротея (Евдокия), трехлетняя Амалия и четырехмесячный Виктор отправились, по сути, изгнанниками своей родины, где еще со времен Екатерины были заложены немецкие слободы на века.

Те края, как вспоминает сегодня Эмилия Андреевна Егорова, живущая в Большом Улуе, были обетованными. С детства каждый из семьи Альтергот знал, что земля это мать-кормилица. В волжских степях дети привыкли с малых лет трудиться в садах и огородах. Помнит Эмилия Андреевна, как зрели на корню саратовские помидоры, полосатые арбузы, падали душистые яблоки. Колхоз не бедствовал. Тогда на трудодни выдавали фруктами, овощами, мясом, молоком. И если работали в их семье не покладая рук, то знали-осенью будет довольство хлеба, разносолов.

В Сибирь переселенцев увозили в громоздких и неприспособленных для этого вагонах, в которых перемещали скот, лес, уголь. Стояла золотая пора-сентябрь. В вагонах-духота. Людей было набито, как «сельдей в бочке». По дороге умирали дети, не выдерживали голод и духоту даже взрослые. Но не становилось в вагонах свободнее-на станциях подсеживали изгнанников. Как сохранили своих пятерых детей Елена Христиановна, Андрей Андреевич и бабушка Мария Альтергот-одному всевышнему известно.

В Ачинске их ожидали конные подводы. Им сразу сообщили, что отправят в деревню Новоникольск Большеулуйского района. Приехав на новое место жительства, немецкая семья безропотно приняла

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

ИЗГНАННИКИ РОДИНЫ

все условия. Полдерева сбегалось посмотреть на немцев: какие они? Это потом сибиряки поняли, что приезжие - обычные и очень трудолюбивые, бесконечно терпеливые, только плохо понимающие русскую речь люди.

Старших девочек-Эмму и Эмилию, вместе с отцом, матерью и бабушкой сразу же определили на работы в колхоз. Заставляли делать все. Никто не роптал-ведь у них ничего не было. Ходили по дворам копать у деревенских хозяев картошку-те расплачивались ею с наемными рабочими. Как голодно и холодно было ребятишкам и взрослым в эту первую осень в чужом краю! Отца вскоре забрали на песозаготовки в Кировскую область. А через несколько месяцев увезли и старшую сестру Эмму, тоже на помощь трудовому фронту. В Башкирии девушка пробыла почти пять лет. И все же вернулась в Новоникольск. А от отца пришло лишь несколько писем, он стигнул на лесоповале.

В колхозе от большого семейного гнезда Альтергот осталась лишь малая часть работающих-мать, бабушка да Эмилия. Так как вязали теплые вещи Елена Христиановна и бабушка Мария, в деревне никто не мог, так же, как и искусно шить одевала. Этот промысел впоследствии и спас их от голодной смерти. Как доставалась им эта работа? С раннего утра на колхозном подворье, а уж поздним вечером пряли овечью шерсть, вязали, стежили одеяла. Очень надеялись на лунные ночи. При яркой луне можно

было связать больше... Торопились пальцы уставших рук, подносящие ажурное плетение ближе к окошку, а луна убежала быстро-быстро. Многие новоникольцы тех лет, ходили в шерстяных шалях, чулках, кофтах, вывязанных Еленой Христиановной и бабушкой Марией.

В семье не хватало хлеба. К магазину в Большом Улуе, к которому приставили репрессированных, ходили Альтерготы с трепетом и надеждой: может удастся выкупить побольше хлеба? Трудилась там добрая русская женщина Нина, которая нет-нет да и оставляла Елене Христиановне чуть большую пайку. Рядом с хлебным магазином находился военкомат, в котором заседал в кожаном кресле командант Тронин-недобрый человек. Он почему-то всегда видел, когда к лавке в неуверенный час подходила Елена Христиановна. Однажды увидел ее вместе с Эмилией. Разъяренный, оседлав лошадь, гнал мать и ребенка почти до Баженовки. Так и пришли-прибежали домой в Новоникольск без куска хлеба, схищенного Ниной.

Из Башкирии приходили письма от Эммы. Она голодала. Просила из дома посылки. Что можно было положить в них для дочки? И шли собирать мисостыню по дворам деревень-мама с Эмилией. Приходили в Турецк, Листвянку, Новую Елозку. Кто-то подзвал просящим что мог из продуктов, а кто-то обижал, оскорбляя словами или напугивая злых собак. По-разному относились к ним.

На Большеулуйской почте

посылки от немцев не принимали. То ли не хотели, то ли была указка от местного начальства? Поэтому, чтобы отправить посылку для дочери, мама Эмилии на санках везла ее в Ачинск. Шла от деревни к деревне с останками. Ночевала у добрых людей. В дороге Елена Христиановна находилась по три-четыре дня. Зимой возвращалась обмороженная. Каково же приходилось идти узкой дорогой меж лесов одной? Ближе к Победе посылки стали принимать уже и на почте в Улуе. Стало чуть полегче жить. Альтерготам выделили участок под картофель, и, хоть в первый сезон после посадки деревенская скотина повытоптала урожай-новоникольцы в беде не бросили.

Подрастали дети. Когда вернулась Эмма, вместе с Эмилией они стали заготавливать тонкие осиновые бревна для строительства собственного дома. В кровь растирая плечи, носили девушки на себе лес. Потом стали помогать односельчане. И первую свою избу в сибирской ссылке Альтерготы поставили с помощью новоникольцев. До сегодняшнего дня Эмилия Андреевна благодарна людям, кто понимал их, кто делил с ними куски военного хлеба. И незря сказано, что свет не без добрых людей.

Потом уже, в начале пятидесятых, стало полегче. Доротея, то есть средняя сестра Евдокия, пошла дояркой на молочнотоварную ферму, стала трудиться и самая младшая-Амалия. А их брат Виктор начал работать помощником кинеме-

ханника. Потом перешел в хозяйство водителем, чем и занимается до сих пор, проживая в Большом Улуе. Пятеро детей семьи Альтергот живут и по силам здравствуют-все в райцентре, кроме Амалии Андреевны, она поселилась в Сучкове. От каждого из них пошли дети, а потом внуки, правнуки. И получилась большая родня Альтергот. Елена Христиановна умерла двенадцать лет тому назад, а дома у Эмилии Андреевны Егоровой. Ей было 84 года. Долгую, очень трудную жизнь прошла по этой земле Елена Христиановна, схиришив любимую свою свекровь в Новоникольске, тоже восьмидесятилетнего возраста.

Встретившись с Эмилией Андреевной, я спросила: «Столько Вы натерпелись всего. Вы коренные немцы, не хочется ли уехать в благословенную сегодняшнюю Германию?»

«А зачем? удивленно спрашивает женщина. - Наша родина-саратовские края. Мы родились там, и деды, и отцы. Нет, в Германию никогда не хотелось. А вот Волгу я бы посмотрела. Узжала-то оттуда двенадцатилетней. На пароме реку переплывали. Говорят, там сейчас красивый мост. На те бы родные места хоть глазком да взглянула бы. Мне ведь можно бесплатно теперь ехать, а мужу деньги нужны. Да и болен мой дед-Михаил Павлович».

С приходом мужчины, то есть Михаила Павловича Егорова в семью Альтергот еще в Новоникольске, в конце пятидесятых годов, ее дела заметно поправились. Ведь кроме малолетнего Виктора, мужских рук больше не было.

Родина... Наша милая, огромная, богатая и грешная перед своими сыновьями и дочерьми Родина! Зачем молола судьбы людские в муку, пыль, прах? Земля-то у всех все равно одна, но Отчизна-единственная должна защищать, оберегать своих детей. Как мать.

Перед стойкостью неизвестной мне Елены Христиановны Альтергот-преклоняюсь. Она, охватив любовью своих детей, не дала ни одному из них сломаться. Они сегодня живы простой, бесхитростной жизнью. А память старших детей этой семьи до сих пор держит воспоминания первых дней изгнания.

НАДЕЖДА СТЕФАНЕНКО.
На снимке: в стенах собственного дома в Новоникольске. Стоят-Эмма, Эмилия, Евдокия, Амалия, Виктор; сидят-бабушка Мария и Елена Христиановна с внуками и правнуками Эммы. Конец пятидесятых годов.
Фото из семейного альбома Э.А.Егоровой.

МЕМОРИАЛ

"Политическим репрессиям не подвергались..."

В селе Большой Улуй живут две скромные, трудолюбивые женщины, которые не привыкли жаловаться на судьбу. И, как правило, они всегда надеются только на свои силы. Это Вера Германовна Аткинович и Лукерья Германовна Ковалева. Они родные сестры, и носили когда-то фамилию Ситковы. И жили в несуществующей уже деревне Островное. В ней-то и происходили почти все описываемые здесь события. А подтверждение можно найти в папке с документами, которая хранится в Ачинском государственном архиве.

В 1908 году переселилась в Большеулуйскую волость из Витебской губернии семья Ситковых. Обосновалась она на берегу Чулыма, на новом месте, и не исключено, что ее представители стали одними из первых жителей деревни Островное.

Шло время. Обустраивался новый населенный пункт, обживалась в нем семья Ситковых. В 1917 году родилась Вера, в 1919 - Лукерья. Так совпало, что появились они на свет как бы на переломе разных эпох, и это обстоятельство, безусловно, отразилось на их судьбе. К сожалению, далеко не в лучшую сторону. Но об этом - разговор особый.

Прошедшие революция и гражданская война не сказались кардинально на жизни и укладе семьи Ситковых. Они продолжали работать на земле, растили детей, надеялись на их лучшее будущее. И лишь начало коллективизации существенно изменило жизнь семьи.

Политика властей в то время была всецело направлена на массовое создание колхозов и одновременно на уничтожение кулачества как класса. С тем, чтобы зажиточные крестьяне не смогли конкурировать с вновь образованными хозяйствами. Для этого в руках государства было достаточно возможностей. На первом этапе предстояло провести своеобразный отбор. Одних планировалось вначале обложить твердым заданием по хлебопос-

тавкам, а так как большинство с этим не справлялось, то затем раск... (зачить - отнять в счет якобы невыполненного все имущество. У них было лишь одно преимущество - их не выселяли, зато оставляли практически без ничего. У второй группы также изымалось все нажитое, включая дома, и они выселялись, но в пределах этого же края или области. У третьей группы, самой многочисленной, одновременно конфисковывалось имущество, и они отправлялись в отдаленные северные районы. Очень многие не выдерживали тягот дороги и суровых условий Севера, и умирали. А оставшиеся в живых были самой дешевой рабочей силой, и строили в тайге новые поселки, дороги, промышленные объекты.

Семья Ситковых по этой классификации попала в первую группу. Вероятно, повлияло на это несколько факторов - то, что главе семейства, Герману Андреевичу, исполнилось уже 60 лет, а его жене, Екатерине Васильевне - 58. К тому же хозяин являлся инвалидом труда - у него не было одного глаза. Однако Ситковы пережили столько унижений, издевательств, что при одном воспоминании о тех годах у сестер на глазах наворащиваются слезы.

А теперь перейдем к архивным документам. Первый из них - письмо Германа Андреевича во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) от 16 сентября 1932 года. Оно было адресовано непосредственно Михаилу Ивановичу Калинин. Видимо, обращение к «всероссийскому старосте» было подсказано Герману Андреевичу кем-то из сведущих людей. Возможно, это был сам «писарь» - тот, кто писал текст письма, так как старший Ситков был неграмотным; и не мог даже расписываться. Этим, вероятно, объясняется и сам тон обращения - написано оно несколько уничижительно, чтобы, скорее всего, «разжалобить» начальство.

Герман Андреевич писал:

«... Имею 6 душ малолетков, а сам я инвалид, рабочих в моей семье только один. Хозяйство у меня состоит из ба, хлеба, да старая негодная молотилка, плуг имею только половину, посевной площади на 1932 год 1,5 га, озимого 1,5 га. В 1930 г. подвели мое хозяйство к твердому заданию, которое я не смог выполнить, и поэтому у меня совершили продажу моего имущества. Я подал заявление в РИК, оно было рассмотрено, и по распоряжению РИКа мне было возвращено мое имущество как красноармейской семье, но твердого задания с меня не сняли...»

Однако не зря говорят в народе, что до Бога высоко, а до царя - далеко. Машина уничтожения кулачества была уже запущена на полный оборот. Пока письмо из деревни Островное шло в Москву, появляется еще один документ. Это выписка из протокола N 61 Президиума Ачинского РИКа от 27 октября 1932 года: «Слушали: о лишении избирательных прав Ситкова Германа Андреевича, который имел сельскохозяйственные машины: молотилку, веялку и жнейку, коими работал на стороне в ряде окружающих деревень, имел поденных рабочих от 150-200 человек в год, имел посеку в количестве 20 ульев.

Постановили: лишить на основании статьи 15 пункта «а», «в» инструкции ВЦИК избирательных прав совместно с находящимися на его индивидуальности членами семьи».

Обращает на себя внимание одно немаловажное обстоятельство. Президиум Ачинского райисполкома не упоминает и не берет, естественно, во внимание, что в семье Ситковых было шесть малолетних детей. Однако их всех, независимо от возраста, лишили избирательных прав! То есть, объективно говоря ни Лукерья, ни Вера не имеют сейчас права голосовать. Ведь то постановление - райисполкома никто не отменял! Очевидно, что этим решением все члены семьи автоматически оказывались

как бы вне закона, то есть их уже не защищала ни Конституция РСФСР 1925 года, ни текущее законодательство. По сути дела, постановление райисполкома означало для них лишение всех политических прав и личных свобод. Какие это имело последствия, мы с вами скоро увидим.

Тем временем письмо Германа Андреевича поступило в Москву. Было это 29 октября 1932 года - об этом свидетельствует штамп на титульном листе Секретариата Председателя ВЦИК. Письмо вместе с сопроводительным посланием было отправлено 19 ноября... в Ачинск. Текст его гласил: «Ачинскому РИКу... М.И. Калинин, ознакомившись с прилагаемой жалобой гр. Ситова Г.А. (д. Островное) на неправильное обложение его хозяйства твердым заданием по хлебозаготовкам на 1932 год и учитывая, что семья красноармейская - поручает РИКу твердое задание снять и прикрепить к заготовкам на общем основании.

Ваше решение по этому вопросу М.И. Калинин просил прислать ему и уведомить просителя...»

Зав. Секретариатом Пред. ВЦИК (Мякий), Член ВЦИК (Королев).

Однако это послание произвело на ачинских райисполкомовцев, похоже, обратный эффект. Они немедленно бросились уточнять, всегда ли Герман Андреевич был точен в своем письме. И к своей радости, откопали одну деталь. Оказывается, его сын от первого брака был не на службе в Красной Армии, а всего лишь на трехмесячных сборах. А посему семья Ситковых не может считаться красноармейской. То есть крестьянина уличили в лжи и в невольной, но неправде, и предприняли по отношению к нему самые жесткие меры.

Во-первых, его вызвали в Большой Улуй, где продержали в камере несколько суток. Правда, документально это подтвердить не удалось. Но зато в деле есть подписка о невыезде, а так просто

она не берется. Видимо, с ним «поработали», запугали, как следует, чтобы не повадно было письма в Москву писать. А потом у семьи изъяли все имущество вместе с домом. Об этом рассказывает еще один документ - заявление на имя ачинского прокурора от 6 декабря 1932 года.

Вот его текст: «Сим прошу товарища прокурора разобрать мое заявление и отдать распоряжение о возврате моего собственного дома и хлеба, которые у меня взяты за невыполнение хлебных поставок в количестве 15 центнеров. А именно взято сельсоветом одна лошадь со сбруей последняя, дом последний, и выпали с дому и лишены права голоса, коношню последнюю, старую молотилку - половина, вторую половину оставили моему сыну. Хлеба взяли двадцать три пуда (368 килограммов - У.В.), кроме что я сам выполнил четыре центнера хлеба, у меня больше не было.

Семью имею 5 душ, к тому я сам... 60 лет, жене - 58, детей от 9 до 15 лет. Я инвалид труда с одним глазом, по врачебным установкам умеренно трудоспособности на 80 процентов. Эксплуатацией не занимался, батраков не имел, переселен в 1908 году из России. Хозяйство наживал личным трудом, а теперь на старости лет остался без имущества... с малыми детьми проживаем без своего дома. Я считаю, что это неверно, у Советской власти нет таких законов, чтобы оставлять семью честных тружеников без своего крова и последней лошади, и прошу возвратить. К чему и подписуюсь - за неграмотного роспись - Лукин».

Таким образом, Ситковы оказались лишены всего, что было ими нажито нелегким крестьянским трудом. И никто их не мог защитить - ни закон, ни конституция, ни сам председатель ВЦИК. Чтобы не позволить ребятишкам уме-

реть с голоду, их отдали «в няньки». Вера жила в семье Манкевичей в деревне Климовка, Лукерья в деревне Ишимово - Кумырка (колхоз «Новая жизнь»). Они выжили, но сколько перенесли горя - знают только они сами. Сестры остались неграмотными, не имея возможность ходить в школу.

К сожалению, пока им не удалось восстановить честное имя своего отца, да и свое собственное. Лукерья Германовна в 1995 году обращалась в управление внутренних дел края с просьбой реабилитировать отца. Оттуда пришел ответ, что не соответстви... с методическими рекомендациями Государственного исследовательского центра МВД России от 12.04.95 г. лишение избирательных прав и изъятие имущества за неуплату сельскохозяйственного задания являются ограничениями прав и свобод, не связанными с политическими репрессиями. Вот так - не больше, и не меньше. Осталась в 1932 году семья Ситковых без крова и хозяйства, а к репрессиям это не относится. Правда, можно обратиться в суд, чтобы обжаловать решения местных органов власти о лишении избирательных прав и изъятии имущества за невыполнение твердого задания. Но, честно говоря, это утешение слабое, поскольку выплата компенсации за конфискованный дом, скот и все остальное предусматривается только для тех, кто реабилитирован, или пострадал от политических репрессий. Словом, получается замкнутый круг.

Кстати, дом Ситковых использовался в деревне Островное как школа, ветеринарный участок, колхозная контора. Впоследствии колхоз его продал. Сруб перевезли в Большой Улуй, где и стоит он, после нескольких реконструкций, до сих пор. А у сестер Веры и Лукерьи, если случается им побывать около отчего дома, невольно забьется сердце. Ведь когда-то они в нем жили...

В. УСКОВ.

МЕМОРИАЛ

ВЫСЛАНЫ ИЗ РАЙОНА

Прошло уже несколько лет после того, как принят закон "О реабилитации жертв политических репрессий". За это время выявлены несколько десятков человек, которые были репрессированы на территории нашего района. Некоторые из них были расстреляны, часть "раскулачена" и выслана за пределы Красноярского края.

И, все-таки, список репрессированных продолжает оставаться очень неполным. Во многом это связано с тем, что их потомки разъехались по многим местностям. А сколько деревень в районе прекратили

свое существование? Все это сильно осложняет поиск всех тех, кто пострадал в годы незаконных репрессий.

И, все-таки, истина продолжает пробивать себе дорогу. Так, Александр Иванович Бордасов, 1910 года рождения, который живет в городе Красноярске, сделал попытку документально подтвердить факт репрессий по отношению к его семье. Бордасовы /возможно и другое написание фамилии/ в двадцатые годы проживали в деревне Лодочное Большеулуйского района. Главой семьи являлся Иван Митрофанович, 1861 года рождения,

его женой - Пелагея Парфеновна, 1869 года рождения. Кроме Александра, у Бордасовых было еще двое детей: дочери - Анна, 1912 года рождения и Мария, 1914 года рождения. Вся семья была "раскулачена" и выслана из деревни Лодочное в 1929 году.

Александр Иванович Бордасов обратился с письменным заявлением по вопросу о реабилитации семьи в управление внутренних дел администрации Красноярского края, оттуда запрос переслали в архивный отдел нашей районной администрации. Однако, поскольку таких данных в нашем районе

практически нет, письмо переправлено в архив города Ачинска.

Слов нет, вся эта переписка - дело необходимое, и без нее, конечно, не обойтись. Другое дело, что на нее тратится столь драгоценное время. Например, запрос из Красноярска датирован 20 июня 1995 года. А ответ из Ачинска Александр Иванович получит не раньше октября. И где гарантия, что он будет положительным? А ведь заявителю уже 84 года. Возникает закономерный вопрос, а доживет ли человек до полной реабилитации семьи? И сможет ли получить материальную компенсацию за конфискованные у его родителей дом и имущество?

В.РЯЖЕВ.

ДЕПОРТИРОВАННЫ ИЗ РАЙОНА

Это сообщение опублико-
вано 15 июня 1991 го-
да со слов бывшей
жительницы нашего
района Феклы Васильев-
ны Богачевой, впослед-
ствии переехавшей в
Красноярск.

-Семья Богачевых
жила в двадцатые годы в
деревне Михайловка,
состоявшей примерно из
100 дворов. Населенный
пункт входил в Удчин-
ский сельсовет Ачинско-
го округа Сибирского
края, ныне - Большеу-
луйский район Красно-
ярского края.

14 февраля 1930 года
были одновременно аре-
стованы отец Феклы Ва-
сильевны - Василий
Киреевич Богачев /1876-
1930/, уроженец Моги-

левской губернии, и ее
брат, Иван Васильевич
Богачев /1905-
1968/. Обоих забрали в
Ачинскую тюрьму.
Семья была депортиро-
вана весной 1930 года.
Их везли на телегах че-
рез Тегульдэт, ныне
Томской области, на
"гари" близ деревни От-
репино. Это примерно в
100 километрах от Те-
гульдет.

Выслали жену В.К. Бо-
гачева, Матрону Федо-
ровну /1877-1963/, и
дочерей - Евдокию Ва-
сильевну /1915-1989/ и
Феклу Васильевну /ро-
дилась в 1918/, а также
жену И.В. Богачева Мо-
шью Пильовну, родив-
шуюся около 1905 года,
и сына Александра Ива-

новича /родился в 1926
году/.

Матрена Федоровна
пыталась бежать с деть-
ми из ссылки, их пойма-
ли и избили. Однако,
примерно в 1932 году, им
все же удалось миновать
все прощады и вернуть-
ся в Михайловку. Семья
И.В. Богачева добралась
в деревню позднее, в
1933 году.

Согласно письму кра-
евой прокуратуры от 26
июня 1990 года, Василий
Киреевич Богачев был
осужден постановлени-
ем Особой тройки ПП
ОГПУ Сибирского края
от пятого марта 1930 го-
да по статье 58-11, "за
активное участие в анти-
советской кулацкой
группировке", и рас-
стрелян в Ачинске.

Иван Васильевич Бо-
гачев был осужден на
десять лет, отсидел толь-
ко пять или шесть, ви-
димое, благодаря
зачетам. Получив осво-
бождение, он не вернул-
ся на родину, а остался
работать на строитель-
стве железной дороги в

Комсомольск-на-Аму-
ре. Основной работой
силой на этой стройке
были заключенные. Ви-
димое, и сам он отбывал
срок там же, в Бамлаге.
После войны уехал в Кие-
ев.

Василий Киреевич и
Иван Васильевич Богаче-
вы реабилитированы
прокуратурой Красно-
ярского края по Указу
Президиума Верховного
Совета СССР от 16 янва-
ря 1989 года.

В одно время с отцом
и сыном Богачевыми в
Михайловке были аре-
стованы и другие кре-
стьяне. Среди них - Лука
Смашников, родивший-
ся около 1875 года, его
сыновья Семен /около
1905 года рождения/, и
Петр, родившийся в 1906
году, которого забрали
прямо с его собственной
усадьбы. Арестовали
также Павла Титовича
Кривошеева, примерно
1880 года рождения, его
сына Феоктиста /около
1905 года рождения/,
который сирота в Ачин-
ске.

МЕМОРИАЛ

ДЕПОРТИРОВАННЫ
ИЗ РАЙОНА/ОКОНЧАЧНА НА 6
СТР./ске в одной камере с
И.В.Богачевым.

Семен и Петр Смашниковы уцелели после лагерей, последний жил в Ачинске. Лука Смашников и Кривошеевы оттуда не вернулись. В те годы в Ачинской тюрьме служил надзирателем житель одного из соседних населенных пунктов. Позднее вернувшись в деревню, он утверждал, что видел, как вместе увидели на расстрел В.К.Богачева, П.Т.Кривошеева и Луку Смашникова.

Кроме того, в 1930 году из Михайловки были депортированы со своими семьями братья Архип и Борис Терешковы, только не в Тегульдет. Позднее они тоже вернулись из ссылки. Оба брата погибли на фронте. Дети Архипа Терешкова живут в Красноярске.

В 1937 году в Михайловке были арестованы колхозный конюх Иван Хлевский, который родился около 1890 года, колхозники Дмитрий Чумаков и его брат Ти-

мофеей Чумаков, оба примерно 1890 года рождения. Хлевский и Тимофей Чумаков не вернулись, их судьба неизвестна. Дмитрий Чумаков появился в деревне перед войной, умер вскоре после возвращения.

В конце 1937 года был арестован Кузьма Семенович Пинасенко, 1913 года рождения. Он просидел год в ачинской тюрьме и был освобожден. Жил в деревне Березовка Большеулуйского района.

Осенью 1941 года в Причулымье пригнали депортированных немцев и литовцев. В деревню Кумыры попали шесть или семь литовских семей. Немцами сразу же забрали отбывать трудовую повинность и никто из них не вернулся. Почти все литовцы уехали сразу после войны, только один остался до середины 50-х годов.

Записал В.БИРГЕР.
Общество "Мемориал",
г.Красноярск.

ни
зи.
/
бг
те
го
эж
ет

ст
ви
ме
Е
у
Э
ки
15
пу
а
эв
0.
р

ПОЛЯКИ В СИБИРИ

СРЕДИ политических ссыльных прошлого века значительное место занимают уроженцы Польши. Особенно много поляков было сослано в Сибирь после восстания 1863-1864 годов, только в Енисейской губернии их оказалось 3719 человек. Кстати, 16 из них отбывали ссылку на территории нынешнего Большеулуйского района. Но они были далеко не первыми и не единственными ссыльными поляками в Сибирь. Раньше из тут отбывали ссылку например, участники революции 1848 года. Об этом факте до недавнего времени было известно очень мало. После кропотливых поисков в Государственном архиве Иркутской области ученому-историку Б.С. Шостаковичу удалось пролить свет на историю неизвестности над этой проблемой.

Благодаря документам удалось проследить пребывание в Восточной Сибири 36 польских политических ссыльных. Среди них 3 человека в разное время попали на территорию Енисейской губернии.

Как оказались поляки участниками революционных событий? Кто-то из них входил в тайные национально-освободительные организации, кто-то оказался в числе эмигрантов, и попал в самую гущу революционных боев в Венгрии, Германии, Австрии. В случае захвата тех из них, кто был русскими подданными, австрийские и прусские власти передавали их русской администрации. А в итоге некоторые из польских революционеров оказались в сибирской ссылке.

Путь их сюда оказался подчас сложным. Кто-то вначале попал из историче-ские работы, а потом уже был сослан. Кого-то сразу выслали на каторгу под надзор полиции, а некоторые из политических ссыльных несли принудительную военную службу в восточносибирских войсках.

Биографических данных о ссыльных поляках зафиксировано в документах не так уж много, и порой не удается даже проследить весь путь человека по сибирским дорогам и этапам. Например, Шимон Масурайтис прибыл в Шушенскую волость Минусинского округа в 1858 году, он был сослан сюда на поселение. Этим все сведения о нем и ограничиваются. Чуть больше известно о Стефане Моро. Он попал в Восточную Сибирь в 1854 году, и был отдан в военную службу. Там Стефан стал рядовым Енисейского внутреннего призывного батальона.

Шло время, к ссыльным были применены царские манифесты от 22 марта 1855 года и 26 августа 1856 года об амнистии. Недавние политкаторжные долги были вытребованы на поселение, а части ссыльных предстояло вернуться на родину. Однако на тех, кто был отдан в военную службу, действовало манифесты не распространялось. Вот тогда

в документах появляются упоминания о некто Стефане Моро, оставшемся в Сибирь. В некоторых документах Стефан Моро. Причем речь идет о поляке, а не другом уже как об освобожденном из ссылки. А документ этот — предостережение, направленного на Иркутска из Главного управления Восточной Сибири в Петербург. В нем упоминалось для них просло каторжан на родину.

Во всех этих документах делается упор на то, что «справедливость требует, чтобы и на них распространялись те вышесказанные милости, которые дарованы были дозволу важнейшим, судя по степени тяжести, политическим преступникам. Здесь же подчеркивалось исключительное поздравление «благодарный» образ жизни этих ссыльных, а также и то, что, не получив казенного пособия и имея возможность при болотном состоянии заработать на свое содержание, они выносятся в крайнюю нужду».

Стефан Моро получил разрешение вернуться на родину осенью 1858. Известно, что он выехал из Красноярска в Люблин 19 февраля 1859 года.

Третьим ссыльным, судьба которого оказалась связанной с Енисейской губернией, был Людвик Шада. Причем сибирская его революционная жизнь со-

жилась очень сложной. Он оказался идеологом 1851 году, и был отстранен на административную Сибирь. С 1853 года — на поселение, там же в сентябре 1856 года он перебрался в Ужгородский уезд.

О Людвике Шада, который считался политическим ссыльным, которое представлял от своего как милосердие. Известно, что он уроженец Люблинского уезда Польского королевства. За время в 1848 году в Люблине, вступил в политическое общество «Уния» и участвовал в создании и работе «Общества» в Варшаве. Был сослан на каторжные работы в Западную Сибирь.

Почему он был направлен на поселение в Восточную Сибирь, неизвестно. В октябре 1856 года он прибыл в село Ужгородское, и продолжил там вместе с женой и семьей около года, а затем выехал на родину. В сентябре 1857 года Людвик Шада с семьей выехал в Варшаву.

Конечно, обо всех ссыльных поляках известно очень и очень мало. Известно, о каких-то деталях их пребывания в Енисейской губернии можно узнать из разнообразных исторических архивных документов. В частности, такие материалы могут находиться в Государственном архиве Красноярского края. Судьба этих трех людей, для многих других поляков, которые отбывали ссылку на территории края в течение двух последних столетий, еще ждет своего исследователя.

Ссылные в нашем районе.

Большееулуйский район славен тем, что в былые годы в нем проживали люди, которые стали впоследствии достаточно известными. И не только в крае, но и во всероссийском масштабе. У нас жили журналисты и художники, писатели и поэты, чиновники и военачальники, учителя и врачи. А кое-кто попадал в наш район в качестве ссылных:

1. Рабинович, 1910 года рождения, скульптор, г. Ленинград. с. Большой Улуй, 1952-1953гг.

Упоминается в книге И.В. Маевской «Вольное поселение». М., 1993.

http://www.memorial.krsk.ru/martirof/sk.htm#ra_rai.htm

2. Скалыга Александр Никифорович, 1920 года рождения, корректор г. Москва, арестован в 1948 году, с. Большой Улуй, с 1950 года – художественный руководитель районного Дома культуры.

3. Торопов Иван Васильевич, 1891 года рождения, фотограф, г. Кинешма, арестован в апреле 1937 года. д. Александровка, с 1950 года – заведующий медпунктом дома инвалидов. Умер там же, 10 августа 1964 года.

4. Маршак Циля /Цицилия/ Александровна, арестована в 1949 году, осуждена на пять лет ссылки по статье 7-35, с. Большой Улуй, 1949-53гг., освобождена по амнистии. Мать известного драматурга Михаила Шатрова. Умерла в 1988 году.

5. Налбадия Ашхен Степановна г. Москва, с. Большой Улуй, 1950-53гг., вышивальщица. Мать поэта, писателя и певца Булата Окуджавы.

Источник: Ссылные в нашем районе: [мемориал] // Вести.- 1995.- 27 июля.- С. 5, 6.

6. Цукман Антон Константинович, 1919 года рождения. Учащийся Новосибирского драматического училища. Арестован в 1937 году, осужден на восемь лет лишения свободы. Живет в Большом Улуе.

7. Маевская Ирина Витольдовна родилась в Калуге. Окончила Московский педагогический институт иностранных языков. Ее муж главный инженер большого машиностроительного завода в Сибири. В 1949 году была арестована в Москве и осуждена на пять лет ссылки в Красноярский край. Почти весь этот срок она прожила в Большом Улуе. Единственной ее виной было то, что она являлась дочерью «врага народа».

После полной реабилитации и возвращения в Москву становится профессиональным литератором. В 1962 году в издательстве «Советский писатель» выходит ее роман о Сибири «Два счастья», который через два года переиздается в Новосибирске. А повесть «Ийе-кут», посвященная Якутии и людям, которые там живут, увидела свет в издательстве «Современник» в 1982 году. В 1993 году небольшим тиражом была напечатана книга «Вольное поселение». Это непридуманный рассказ о том, как она была арестована, осуждена, прошла по этапу до Туруханска, а после операции попала в Большой Улуй.

Время от времени наша районная газета публиковала ее письма – она помнит о Большом Улуе. Красвед Владимир Васильевич Усков до конца жизни вел с ней переписку.

Писательница и член «Мемориала» Ирина Витольдовна Маевская

скончалась 8 октября 2008 года в городе Сендариоке в Германии на 89-м году жизни.

УДАЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Так сложилось, что в деревне Удачное в тридцатые и сороковые годы было арестовано органами НКВД и увезено много мужчин. Сколько, пока точно неизвестно. Однако есть предварительный список, в котором 18 фамилий. И это далеко не все, кто тогда попал под жернова репрессий.

Познать точное количество пострадавших пока невозможно, так как многие их ближайшие родственники с тех пор из деревни разъехались, кто куда. А для поиска человека, нужно, как правило, чтобы в этом был кто-то заинтересован. Ведь для запроса в компетентные органы необходимо, как минимум, указать фамилию, имя, отчество, год и место рождения, а также хотя бы примерную дату ареста каждого из репрессированных.

Многие факты с годами стираются из памяти. Однако поиск пострадавших вести нужно хотя бы для того, чтобы восстановить историческую справедливость, вернуть потопкам честные имена их родителей.

Что люди эти пострадали совершенно бесвинно, нет никаких сомнений. Да и как им быть, если большинство из 18 удачинцев реабилитированы еще в 1958 году.

Тогда, в конце пятидесятых-шестидесятых годов, прошла так называемая первая волна реабилитации. В это время оставались живы еще многие из сотрудников бывшего НКВД, в свое время арестовывавшие и расстреливавшие, а некоторые, более того, еще продолжали служить в органах. Поэтому акция останавливалась в правах посмертно с

огадкой, осторожно. Чаще всего родственникам сообщали, что такой-то был осужден на 10 или 15 годов лишения свободы, и, находясь в заключении, умер. И придумывали какой-нибудь диагноз-например, простороннее воспаление легких.

Хотя те, кто писал эти линовые строчки о болезни, прекрасно знали, что человек был расстрелян еще тогда, в тридцатых годах, вскоре после своего ареста.

Уже в те, пятидесятые годы, находились люди, которые пытались узнать правду о своих погибших родственниках.

Например, сын крестьянина Сергей Семеновича Филипенко, арестованного в Удачном в начале 1938 года и расстрелянного тогда же, в сентябре, работала инженером на шахте. Он написал запрос в комитет государственной безопасности.

Оттуда пришел стандартный ответ: "Ваш отец, находясь в заключении, умер от такой-то болезни". Сын, вероятно, не поверил в такую версию, и написал второе письмо с просьбой подробнее рассказать об обстоятельствах гибели отца, а также просил сообщить, где он похоронен.

Второй ответ был написан крайне грубо и откровенно-ослимо, будешь еще писать, то сам окажешься там, где твой отец.

Вполне возможно, что отвечал один из тех, кто сам в тридцатые и сороковые годы служил в органах НКВД, и на чьей совести была не одна загубленная душа.

Кстати сказать, та волна реабилитации, и так усеченная и осторожная, сошла почти на нет в начале шестидесятых.

А вновь стали приоткрываться архивы гот безопасности лишь в 1989 году, после выхода закона "О реабилитации жертв политических репрессий".

И лишь в середине нынешнего года читателям районной газеты "Вести" смогли познаться со списком жителей нашего района, репрессированных в годы культа личности. И даже этот, явно неполный перечень фамилий певнино пострадавших наших земляков, свидетельствует об огромном размахе репрессий, захвативших всю страну.

При ближайшем знакомстве со списком арестованных выясняется, что Удачное оказалось на втором месте после Большого Улуя по числу расстрелянных.

В чем дело, почему так получилось? Ведь в некоторых из деревень Приудачья репрессированных было не так много-буквально единицы. А объяснение удачинской трагедии и простое, и страшное одновременно-в деревне проживало несколько человек, которые активно помогали органам НКВД.

Старожилы помнят их имена. Известны они и редакции. Однако назвать их не станем лишь по одной причине-их дети до сих пор живут в нашем районе, и они не могут отвечать за то, что совершили когда-то их родители.

Как проходили аресты в Удачном, можно восстановить по документам, а также по свидетельствам старожилов. Очевидно, существовал некий список тех, кто не стесня вступать в колхоз и, как правило, имел крепкое хозяйство. Были это много-

детные семьи, в которых обычно воспитывалось от трех до восьми детей, а то и больше.

Вряд ли можно даже по тем меркам назвать их кулацкими: скорее всего, стоит отнести их к середнякам. Впрочем, в число репрессированных попали даже те, кто имел бездизкое происхождение.

Главное значение, очевидно, имело то, как человек относился к колхозникам. Если кто-то имел строптивый характер, то вполне мог оказаться в начале в "черном" списке, а затем-в числе арестованных и расстрелянных.

А вершиной эти дело представляла дочка Пришка, а также взрослые Марк, Алексей, Ануфрий, Григорий.

Причем, по воспоминаниям односельчан, почему-то определяющее значение имела, все-таки, эта самая Пришка. А уж остальные из нерасстрелянных мужиков активно участвовали в изъятии имущества у "кулаков". И дала эта история более десяти лет.

Началось все еще в 1930 году. Именно тогда арестовали Тараса Федоровича Кожемяко, и он в деревню больше не вернулся.

К сожалению, пока ничего конкретного о его судьбе документально установить не удалось. По крайней мере, в архиве красного управления бывшего КГБ, а ныне федеральной службы безопасности, никаких данных о нем не оказалось.

МЕМОРИАЛ

УДАЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

(Оконч. Начала 10 стр.)

Зато известна судьба его сына, Мирона Тарасовича Кожемяко, 1904 года рождения. В июне 1932 года он был осужден вместе со своим односельчанином Кротовым за невыполнение твердого задания по продаже хлеба государству к лишению свободы сроком на один год и доп. административному штрафу в 500 рублей. Откуда можно было взять такие немалые по тем временам деньги, если даже очень большая пятистенная изба семьи Кожемяко оценивалась именно в 500 рублей?

Очевидно, представители властей, чтобы выискать с осужденных эту сумму, продали часть их имущества.

Затем, в 1935 году, у семейства Кожемяко изъяли дом с оставшимися вещами, а в 1938 году арестовали и расстреляли Мирона Тарасовича.

Примерно также действовали представители президиума Удачинского сельского Совета и по отношению к другим семьям - Ефрема Михайловича Антонова, Ефима Васильевича Ковалева, Якова Даниловича Масловского, Сергея Семеновича Филипенко, и других.

Правда, дома у их семейств не забирали, зато имущество изымали. Причем приходило по несколько раз, вытребали зерно, картошку, съестные запасы. Ольга Сергеевна Ариушко-Фили-

пенко и сейчас проживающая в Удачном, вспоминает, что вся семья была в поле, а она одна оставалась дома из-за болезни, когда пришли из сельсовета. Забрали все, кроме ведра ржи, да и то уцелело только из-за того, что его припрятала на русской печи находившаяся там же заболевшая Ольга.

Иногда реквизиторы, не стесняясь, надевали отобранные вещи на себя.

Так, старожилы вспоминают, что Марк, однажды, напялил на себя только что изъятый у "кулаков" овчинный полушубок.

Надо ли говорить, какой плач стоял по деревне, когда по улицам шли представители сельсовета, чтобы забрать нажитое с огромным трудом? А для устрашения у представителей властей имелись револьверы. Причем иногда, их пускали в ход.

Так, Александр Ефимович Ковалев вспоминает, что однажды один из тех, кто раскулачивал, прямо в доме выстрелил из нагана поверх головы причитающей женщины, и она упала без сознания.

А иногда, поскольку в деревне многие были дальними или близкими родственниками, то один брат, или родной, или двоюродный, изымал имущество у другого.

Самое страшное началось в 1938 году. 15 февраля забрал первую группу мужчин, среди них М.Т. Кожемяко, Я.Д. Масловско-

го, Е.М. Антонова, С.С. Филипенко. Четвертого мая настала очередь другой партии, среди них был Е.В. Ковалев.

Всего арестовали, по неполным данным, 11 человек. Их судила тройка, в один день, 26 мая 1938 года, и в этом же году, 20 сентября, всех расстреляли в городе Ачинске. Кроме этого, возможно, тогда же лишились жизни Андрея Михайловича Филипенко и Ивана Михайловича Устиновича. Правда, документальных свидетельств этому пока нет. И нет еще подтверждения, в 1938 году или нет были арестованы Федор Моисеевич Кротов, Илларион Михайлович Антонов и Федор Ануфриевич Савченко.

Они отсидели по нескольку лет в тюрьме и впоследствии вернулись в Удачное. А семья Ф.М. Кротова - жена и дочери была отправлена в ссылку, супруга там и скончалась.

На этом репрессии в Удачном незакончились. 14 июля 1941 года был арестован 19-летний Василий Антонов, а девятого января 1942 года его расстреляли в городе Ачинске. О судьбе парня подробно рассказано в районной газете "Вести" от 17 октября 1995 года.

Второго августа 1941 года был арестован Анисим Васильевич Ковалев, 1903 года рождения. Его осудил Красноярский краевой суд девятого сентября того же года по

статье 59-6 Уголовного Кодекса РСФСР /отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или выполнения повинностей/ к восьми годам лишения свободы. Анисим Васильевич вернулся в Удачное. Время, проведенное в тюрьмах, сильно сказалось на его здоровье.

К сожалению, пока не ясно, будет ли он хотя бы посмертно реабилитирован, однако сделан соответствующий запрос в прокуратуру Красноярского края.

Мы только приоткрыли страничку истории страшного времени, и лишь на примере одной деревни нашего района. Она еще очень неполная, поскольку известны не все фамилии репрессированных. Да и невозможно в пределах одного газетного номера рассказать о всех бедствиях и страданиях, выпавших на долю жителей сибирской деревни Удачное.

Однако наш святой долг перед всеми арестованными, раскулаченными и расстрелянными, па-ведать о том, как все происходило, хотя бы о части тех мучений, которые испытали на себе ни в чем повинные люди. Без этого, без покаяния перед погибшими, без памяти о них будет очень трудно жить всему нашему поколению.

ВЛАДИМИР
УСКОВ.

“ЗА МЯГКОСТЬЮ НАКАЗАНИЯ...”

Летом в редакцию зашел житель райцентра Василий Николаевич Антонов. Он сообщил, что в опубликованный список репрессированных жителей нашего района вошел далеко не все. Так, арестованных жителей деревни Удачное в газете “Вести” за 15 июля 1995 года значится всего 14, а на самом деле их было намного больше. Василий Николаевич назвал несколько здравствующих и поныне потомков тех, кто подвергся в тридцатые годы политическим репрессиям. А также привел данные, в которые поверить трудно. Он рассказал, что вместе со взрослыми мужчинами из Удачной, которых определяли в кулаки, был арестован и совсем молодой парнишка, Василий Антонов. Его судили, а потом расстреляли. За что, почему? Ответ на эти вопросы нет.

О судьбе В.Е. Антонова запросили управление федеральной службы безопасности, расположенное в Красноярске. А уже в середине августа его родная сестра, Антонина Ефремовна Асташчук, проживающая в деревне Удачной, получила ответ. В нем написано:

“Ваш брат Антонов Василий Ефремович, 1922 года рождения, уроженец и житель д. Удачное, Ачинского района Красноярского края, был арестован 14 июля 1941 года органами НКВД. Он не обоснованно обвинялся в том, что, якобы, проводил контрреволюционную агитацию против Советской власти и Красной Армии, направленную на свержение Советской власти и восстановление капиталистического строя в стране”.

Итак, обращают на себя внимание два обстоятельства: Василий арестован вскоре после начала Великой Отечественной войны. А ему, девятнадцатилетнему парню, нужно было, вероятно, через некоторое время идти на фронт. Однако, вместо этого он попадает... в тюрьму. И мы, наверное, никогда уже не узна-

ем, что такого мог натворить парнишка из сибирской деревни, чтобы его посадили, лишили самого дорогого — свободы. Он не украл, не убил, не был разбойником с большой дороги. И не жил ни одного дня при капитализме, поэтому как мог агитировать за его восстановление? Какие слова он сказал, чтобы его, не имевшего даже среднего образования, обвинили в проведении контрреволюционной агитации?

Повторяю: этого мы никогда не узнаем. Зато известно то, что последовало вскоре за арестом.

“Приговором Высшей сессии Красноярского крайового суда от 5 августа 1941 года Антонов В.Е. осужден на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на три года”.

Случилось страшное событие — парня за что-то а теперь это доказано с абсолютной достоверностью/ осужден на большой срок и должен был самые лучшие десять лет своей жизни провести за решеткой в одиночку. И этого некоторым представителям органов показалось мало.

“Приговор в мягкости наказания был оспорен прокурором. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 19 сентября 1941 года приговор прокурора удовлетворен. Дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд. Высшей сессией Красноярского

Суда от 5 июля 1941 года Антонов В.Е. по ст. 58-10 ч.2 У К РСФСР приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 января 1942 года в г. Ачинске. В связи с отсутствием документации место захоронения Вашего брата установить не представляется возможным.

Реабилитирован Антонов В.Е. прокуратурой Красноярского края 20 мая 1993 года, куда Вы вправе обратиться за справкой о реабилитации брата.

По вопросу регистрации смерти и выдачи свидетельства о смерти Антонова В.Е. Вы можете обратиться в Красноярский крайовой суд. При аресте Антонова В.Е. имущество не изъято и не конфисковано.

Высылаем в Ваш адрес фотографию брата. Приложение: фотография 1 шт. Зам. начальника управления ФСБ РФ по Красноярскому краю Н.М.Новоселов”.

Что можно еще сказать по этому поводу? Возможно, каким-то образом повлияла на вынесение столь строгого приговора родословная Василия Антонова. Его отец, Ефрем

Михайлович, также необоснованно был арестован и расстрелян в сентябре 1938 года. А рез парнишка был сломан “враг народа”, то и разговор с ним должен быть коротким. Все-таки, что же послужило конкретным поводом к его аресту?

Скорее всего, это могли быть необоснованные слухи, сказанные им в адрес правительства, Советской власти, а то и, страшно сказать, вождя всех времен и народов — И.В.Сталина. Конечно, это только наши предположения. Ясно лишь одно: его арестовали благодаря чему-то благодетельному слуху, причем это был кто-то из жителей деревни. На совети этого человека /или группы людей/ оказалась смерть не одного и даже не двух односельчан, а многих. Причем точное число жертв из деревни Удачное до сих пор неизвестно. Их было гораздо больше, чем 16, а список из этого количества арестованных в распоряжении редакции есть. Более того, вам известны имена некоторых из доносчиков, которые в течение нескольких лет докладывали о своих односельчанах “куда надо”. Это — тема для отдельного разговора.

В.УСКОВ.

На снимке: один из самых молодых репрессированных жителей нашего района, Василий Ефремович Антонов, которому на момент ареста исполнилось 19 лет.

Фото из архива управления федеральной службы безопасности по Красноярскому краю. Снимок был сделан в тюрьме.

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ ВЫЧЕРКНИ НАС ИЗ СПИСКА...

/ПРОДОЛЖЕНИЕ
НАЧАЛО В N88/

Бывший батрак по прозвищу Сорока, став председателем Альбитуйского Совета, что в Забайкалье, сидел за своим столом будто каменное изваяние. Не шелохнется.

Все его внимание было приковано к бумаге, которую заполнял, слюнявя химический карандаш. Кривыми карандашами, строчка за строчкой, дожидаясь все новые фамилии крестьян, подлежащих раскулачиванию.

Жирная муха цепкими лапами скользила по его рябому лицу. Лица к носу, щека стала отвислую, ослоняющую нижнюю губу.

Сорока и пальцем не пошевелил, чтобы согнать ее. Пусть бы его даже колоди толстым шилом шорника, не отвлекся бы от великого дела Системы, уничтожающей кулака, как класс. Его личного врага.

Он тутов был верхом усестся на эту бумагу, как на сырого племенного жеребца Осипа Шорникова и кричать на всю губернию:

-Что, нажались на труде бедняков, хануги! На Соловки вас, богачи!

Он вымещал злобу за издевки над ним, насмешательства за его беспросветную лень.

Проснется, когда солнце уже поднимается к полудню, зевая протрет грязной рукой глаза, почешет через дырявую мощную завшивевшее тело и садится на завалину покосившейся, никогда не отремонтированной хаты. Растягивает меха чудом уцелевшей гармошки и орет:

-Ах, вы сени, мои сени!

Сени новые мои. Сени новые, клешневые.

Решетчатые... Хохочут, хватаются за бока, бабы, стыдят мужики:

-Лодыряга!
-Самогут, "Сени новые" - ко сие приснались.

Они уже вволю поработались на сенокосе, вставши раным-рано. В росу только и косить. Едут в знойную пору дня коней понты, пообедают, да к вечеру снова косить до заката солнца.

А Сороке для кого косить? Ни кола, ни двора, ни животины. Крысы разбежались от голода.

-Пришел и на мою уадию праздник, отыгрался на всех вас,- злощял Сорока после победы красных и установления Советской власти, особенно ридовался и злобствовал с началом раскулачивания.

...Возле него сидели кружком его поддекалы из Бодайбы, комсомолята.

Когда список не вместился в одну бумагу, шестерки с готовностью протянули сразу несколько листов, и справа, и слева, ерзая от нетерпения штанами по лавкам, едва не кричали инквизитору:

-Сидорова запиши!

-А Шорникова не забыл?

-Как же, "забыл"! Первым подлежит изгнанию.

Ишь ты, семнадцать коней расплодил... - едва ли не с пенной у рта шипел Сорока.

Я слышал про все это, стоя с пацанами под раскрытым окном сельсовета. Побежал и рассказал дону.

Бати с матерью - к Сороке:

-Подлый ты чело-

век! Мы своим трудом развили хозяйство, а ты пролежал на боку. Вычеркни нас из списка. Ты же наш родственник.

-Я вычеркну, так вычеркну, что вам еще отрыгнется, оскорблять меня заду-мала,- угрожал председатель.

В тот же день забрали наших лошадей в колхоз, выгребли зерно из закромов. Разорили хозяйство. Приада, мать успела сказать моему брату Исаку:

-Тебе уже семнадцать. Приживешь без нас. Запрягай пару лучших коней и съезжай поскорее в Петропавловск-Забайкальский. Авось не найдут.

Оттуда Исак переехал добывать золото в Бодайбу...

В это время произошел случай, усугубивший наше и без того тяжелое положение.

Нерядивые, бесхозяйственные артезианщики спустили жеребца и загнали пасти меж глубоких оврагов. Тяжелый жеребец свалился с крутого обрыва и разбился.

Отца обвинили во вrede колхозу. Дали ему пять лет каторги. А мать с нами, шестерыми малолетками, погрузили на подводы и отвезли до железнодорожной станции.

Измучились за 250-километровый путь донелья. Проклинали про себя и Сороку, и новую власть, принесшую людям столько горя, лишения и неволю.

С нами было еще несколько подвод с первой партией раскулаченных. В том числе и мой старший брат Василий, давно отделившийся от отца.

Не дощадил Система ни одной, понастоящему трудовой семьи подлинных хозяев земли русской.

Записал
Е. ВОРОНОВ.
/Окончание следует/.

"ВЫЧЕРКНИ НАС ИЗ СПИСКА" 33

[Окончание начало в NN 88-89]

ССЫЛКА

Из далекого села Забайкалья - Аалбитуйа отправляли первую партию раскулаченных. В нее попали наша семья и старшего брата Василия, он еще не успел встать на ноги. Имел по паре лошадей, да коровенок. Иными словами, середняк.

-Его-то куда? Оставайтесь, просили председатели Совета Сороку.

-Под корень все родымые вырвать,- был ответ.

-Истребим кулацкие до одного!-кричали комсомольцы.

На бедолаг угрожающе, острым холодным блеском глядя на штыки ликвидаторов. И слышались их строгие и решительные.

-По-та-рацаивайтесь!

И на глазах у изгнанных голытьба и актив растаскивали из хат все оставшееся - стали, сумки, кровати, тачки, станки, ступы. Ведь раскулаченных разрешалось брать только самый младый скарб.

Голосали бабы, причитали, как по покойнику.

-Прощай родимая сторонка. Не ходить нам по росным твоим лугам, не питаться твоим хлебушком земля-кормилица. Понуро, склонив голову, стояли мужики,

ее радтели, вахари и селяны. Нет-нет, да и смеживали с зарюлами и обветренных лиц горькие слезинки прощания. За что, за какую провинность перед Россией-Родиной такая жестокая кара? А ведь кормили державу, грудью защищали ее в смертельном бою.

Тронулся обоз и мне дагло казалось, что безрезки тихо машут нынче вдали зловоние зелеными веточками, грустную прощальную песню поют птички в кустах.

До ближайшей железнодорожной станции представляло промучиться в зной и проливной дождь аж 250-километровый путь. Весь этот косяк был отмечен по обочинам разбитой дороги свеженерпытыми широтскими могилами. Умирал, не вынося тягот, дряхлые старики, бывалые дети.

Настрадался мы и в железнодорожных товарных вагонах, пока ехали к месту назначения - в Майский район Краснояря. Поселенцев определен и село Орешное. Хотя и называли нас так и миру, в Системе же значились, как раскулаченные.

Всем было тяжело. Нам казалось, что мыме особенно. Представьте, на ее руках нас шестеро. Старшему братику еще и двенадцати не исполнилось, а мне - четыре годика. О бедности и

обездоленности крестьян, понижших и безвинную немилость Советской власти, рассказывать не стоит: об этом написано немало книг, поставлена фильмы.

Дождался отца с каторги. Большого, беспомощного, тем не менее стало легче и маме, и мне. Где-то садеает по своим снам, поддерживает, поддерживает лаской, теплым словом.

Все выросли, закончили по семь-десять классов. Ахия вечные гудны встала семья вставшей на ноги. Только и остался в памяти людской странном ПЗЗ-й год, где уже и по Красноярской земле выросли многочисленные могилки сданных. Скосила людских смерть и старых, и молодых.

"ТЫ-СЫН КУЛАКА..."

Выросли все шестеро. Мечтали о лучшей жизни. Да не пришлось этому сбыться: зарплата Ванкая Отечественная войны. В смертельных схватках с лютым врагом оборвалась жизнь двух Шорниковых. Яков, получив сильные ранения при защите Сталинграда, скончался в госпитале. Григорий ушел в лыжную разведку, в тыл врага, и не вернулся. Провал без вести.

Николай отдался ранением. Живы остались Михаил и Иван. Мне же, к сожалению,

не удалось отстоять приз за прилутую кровь и гибель братьев. Я несколько раз поступал в военные училища: Тихоокеанское артиллерийское береговой обороны, авиационное, бронетанковое и связи, и каждый раз звучал отказ.

"Ты -сын кулака". Сдавая экзамены, даже уже получила форму и меня всякий раз отчисляли.

До сих пор непонятно, почему же в таком случае моих братьев Якова, Николая, Григория приняли и они стали офицерами?

Есть одна версия. С каким-то из своих школьных друзей и был саником откровенен, и высказал недовольство политикой Системы по отношению крепких крестьянских хозяйств - как основы могущества России. Он и донос на меня куда следует. И это недоверие и неблагоприятности преследовало меня в лучшие молодые годы. То недоверие до сих пор лежит тяжелой обидой на душе. Хотя я горжусь, что являюсь сыном патристального труженика земли, ее подлинного хозяина.

Ахия, жизнью доносил. Посвятил ее в ослепленном лесному делу. В Большом Уауе был первым директором межлесхоза. Вырастали с женой Эмилией Михайловной троих детей. Несказанно рад правнукам: род наш, Шорниковых, живет, увеличивается...

Рисковал записал
Е.ВОРОНОВ.

ССЫЛЬНЫЕ В НАШЕМ РАЙОНЕ

Сегодня мы продолжаем публиковать список ссыльных. Начало его смотрите в газете "Вести" от 27 июля 1995 года. Список по-прежнему не завершен, и будет подготовиться по мере подготовки к печати.

Алабушев Михаил Федорович, Член ВКП/76/ Свердловская область, г. Нижний Тагил, 1937 г. Арестован в 1937 году, с.Новая Еланка, с 1949 года. Умер там же. В 1951 году, похоронен на местном кладбище. Реабилитирован посмертно.

Альтергот Амалия Готфридовна, 1910 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Новониколаевск, с 1943 г. "Заготскот".

Альтергот Готфрид Христианович, 1906 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Новониколаевск, с 1943 г. "Заготскот".

Альтергот /Екимова/ Эрнэ Готфридовна, 1932 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Новониколаевск, с 1943 г. "Заготскот". Проживает в Большом Улае.

Альтергот Вольдемар Готфридович, 1935 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Новониколаевск, с 1943 г. "Заготскот".

Альтергот Роберт Готфридович, 1937 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, с 1943 г. "Заготскот".

Альтергот Рихард Готфридович, 1939 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана

по указу от 28 августа 1941 года, д.Новониколаевск, с 1943 г. "Заготскот".

Альтергот Эмилия Готлибовна, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Березовка. С 1941 по 1950 г. в д. и трудармий. Вернувшись, работала в детдоме, в колхозе, в школьной столовой.

Алыков Михаил, Калмыкия. Выслан в 1943 году, с.Большой Улау, аэродром.

Анкаев Илья, Калмыкия. Выслан в 1943 году, с.Большой Улау, маслозавод.

Бельджуевич Ирина, 1923 года рождения, Зап. Белоруссия. Выслана в 1941 году, с.Большой Улау. С 1943 г. - на фронте.

Бужинская Антонина Ивановна, 1901 года рождения, г.Барановичи, Западная Белоруссия. Выслана 20 июня 1941 года, с.Большой Улау, уборщица и ночной сторож в средней школе. Вернулась в Польшу в январе 1946 года.

Бужинская Ирина Антоновна, г.Барановичи, Западная Белоруссия. Выслана 20 июня 1941 года, с.Большой Улау, рабочая в средней школе. Вернулась в Польшу в январе 1946 года.

Бужинский Роман Антонович, г.Барановичи, Западная Белоруссия. Выслана 20 июня 1941 года, с.Большой Улау, рабочий и учащийся средней школы. Вернулся в Польшу в январе 1946 года. Побывал в Большом Улае летом 1989 года.

Братко Бронислава, дочь Яна, 1923 года рождения, полячка. Троицкий сельсовет, 1942-44 гг.

Братко Евгения, дочь Шимона, 1899 года рождения, полячка. Троицкий сельсовет, 1942-44 гг.

Братко Ян, сын Яна, 1897 года рождения, Поляк. Троицкий сельсовет, 1942-44 гг.

Беллер Лидия, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д.Александровка.

Вендельштейн Юрий Германович, г.Москва/77/ с.Большой Улау, с 1948 года. Учитель математики, физики и химии Большеулуйской средней школы. Умер в Москве, в 1969 году.

Вундерлих Ольга Григорьевна, 1889 года рождения, г.Москва, с.Большой Улау, 1950-53 гг., состояла под гласным надзором районного отделения министерства государственной безопасности, 1,15 числа каждого месяца была обязана являться туда на регистрацию.

Горьев Бадма, Калмыкия. Выслана в 1943 году, с.Большой Улау, "Заготскот".

Долбанов Александр, Калмыкия. Выслана в 1943 г. с.Большой Улау, колхоз им. Кирова.

Залевские, польская семья из Западной Белоруссии. Выслана в 1941 году, с.Большой Улау. Вернулись в Польшу в январе 1946 года.

Зверева /Степанова/ Нина Николаевна, 1925 года рождения, с.Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, в г. Ачинск.

Зверева Татьяна Николаевна, 1920 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка. Умерла в 1958 году, там же.

Зверев Анатолий Николаевич, 1932 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка.

Зверев Михаил Николаевич, 1927 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года. Умер в 1975 году.

Зверев Валентин Николаевич, с.Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка. Восследствие жил в с.Борисоглебске Воронежской области.

Зверева Алла Николаевна, 1938 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка.

Зверева Любовь Николаевна, 1935 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка.

Зверева, их мать, 1897 года рождения, с.Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка. Умерла в 1981 году. По ее просьбе похоронена в д. Александровка.

Зверева Анна, с четырьмя детьми, с.Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д.Александровка.

Ильчук Владимир Лаврентьевич, 1919 года рождения, украин. Осужден военным трибуналом Ковельской железной дороги 16 декабря 1944 года и военной железнодорожной коллегией Верховного Суда СССР 26 января 1945 года. С октября 1949 года - в ссылке в Большом Улае. Реабилитирован 2 марта 1960 года. Умер в Большом Улае в 1994 году.

Котняев Михаил, Калмыкия. Выслан в 1943 году. "Заготскот".

Кремер Виктор Христианович, 1927 года рождения, д.Краснояр, республика немцев Поволжья. Выслан по указу от 28 августа 1941 го-

/Продолжение на 5 стр./

МЕМОРИАЛ

РАССТРЕЛЯНЫ И... РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

Сегодня мы публикуем список жителей Большесудского района, арестованных в тридцатых годах. Подавляющее большинство из них осуждено тройкой УНКВД, а затем расстреляно или погибло в заключении. Документ далеко не полный, и нуждается в уточнении. Его составил по нашей просьбе Владимир Биргер из краевого общества "Мемориал". В сопроводительном письме он пишет: "Вообще у нас почему-то очень мало сведений по вашему району. Поясняю: данные по арестам - это в основном из реабилитационных папок крайсуда и отдела записей актов гражданского состояния. У меня только один раз, давно, прошел наш район, этот мемориал вам тоже отправляю / он будет опубликован в районной газете - ред./... Почему по крайсуду так мало пересмотров по вашему району - не очень понятно. Вообще у нас в среднем по какому-либо району данные на несколько сот арестов / например, по Уярскому - с полтысячи /

Внимательно и читайте в эти фамилии. В некоторых случаях нет никаких указаний на то, где проживал арестованный, встречаются неточности. Документ составлен лишь на тех лиц, которые, как правило, уже реабилитированы. Он еще будет пополняться. Внизу помещаем дополнительные сведения по тем данным, которые были собраны ранее журналистами газет "Вести" и "Красная звезда". В настоящее время готовится список со сланных на территорию нашего района, также представленный краевым "Мемориалом".

Антонов Ефим Михайлович, 1898 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Арбузов Данил Михайлович, 1891 года рождения, д. Листьянка, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Аузен Карл Мартынович, 1893 года рождения, д. Окунево, латыш, расстрелян 22.02.38 г. в г. Ачинске.

Беленя Даниил Иванович, 1904 года рождения, колхозник колхоза имени Громова /Новая Елонка-77/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Белешапкин Василий Никифорович, 1898 года рождения, крестьянин, с. Большой Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в Ачинске.

Бочарников Макар Михайлович, 1893 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Вахромеев Максим Лукьянович, 1877 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Вигровский Алексей Денисович /по нашим сведениям - Данилович/, 1899 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. к высшей мере наказания.

Власов Трофим Павлович, 1868 года рождения, колхозник, д. Симоново, расстрелян 16.11.37 г. в г. Ачинске.

Волонт Станислав Станиславович, 1895 года рождения, крестьянин, д. Красная, расстрелян 27.05.38 г. в г. Ачинске.

Гайда Сергей Иванович, 1910 года рождения, пожарник льнозавода, с. Большой Улуй, расстрелян 22.02.38 г. в г. Ачинске.

Горюнков Никифор Петрович, 1886 года рождения, крестьянин, д. Ишимка, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Деньгуб Тарас Иванович, 1879 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Донов Григорий Николаевич, 1887 года рождения, д. Счастлиное, осужден тройкой 25.09.30 г. к высшей мере наказания.

Дутов Дмитрий Петрович, 1879 года рождения, колхозник, д. Симоново, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Ефремов Василий Тимофеевич, 1868 года рождения, крестьянин, д. Бобровка, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Жинкин Никифор Никифорович, 1885 года рождения, с. Большой Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Заболотец Степан Миронович, 1908 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Завьялов Николай Николаевич, 1909 года рождения, служащий, директор машинно-тракторной станции, с. Большой Улуй, арестован 16.12.37 г., освобожден 16.07.39 г. за недоказанностью вины.

Иванов Александр Иванович, 1886 года рождения, бывший урядник, д. Новоникольск, осужден тройкой 9.12.37 г. на восемь лет лишения свободы за антисоветскую агитацию /АСА/.

Капитонов Иван Осипович, 1906 года рождения, д. Листьянка, осужден 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Каширин Григорий Степанович, 1888 года рождения, д. Листьянка, арестован 15.01.38 г., осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Киселевич Иван Иванович, 1894 года рождения, крестьянин, д. Троицкое, депортирован /выслан/ в январе 1930 года.

Кобылкин Александр Иванович, 1897 года рождения, крестьянин, с. Большой Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Ковалев Ефим Васильевич, 1892 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Кожемякин /правильно - Кожемяко/ Мирон Тарасович, 1904 года рождения, крестьянин, д. Удачное, арестован 15.02.38 г., осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания, расстрелян 20.09.38 г. в г. Ачинске.

Кондратенко Савелий Петрович, 1892 года рождения, колхозник колхоза имени Громова /Новая Елонка-77/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Костюков Михаил Амосович, 1892 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Кравченко Петр Федорович, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Кузнецов Алексей Калинович, 1909 года рождения, с. Большой Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Кузнецов Александр Георгиевич, 1881 года рождения, священник, протоиерей, д. Новоникольск, арестован в 1936 г., погиб в заключении в 1936 году.

Кулаков Тимофей Семенович, 1903 года рождения, заведующий базой машинно-тракторной станции с. Большой Улуй, арестован 2.12.37 г., осужден тройкой 9.12.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Лоч Иван Андреевич, 1907 года рождения, латгалец, колхозник, д. Окунево, осужден тройкой 4.12.37 г. за антисоветскую агитацию на 10 лет лишения свободы, предположительно, срок отбыл в Усольяге.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 6 СТР.)

МЕМОРИАЛ

РАССТРЕЛЯНЫ И... РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

(ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА 5 СТР.)

Масмаскиев Федор Иванович, 1884 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Мослюкин Яким Давыдович, 1888 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Мотыков Владимир Федорович, 1886 года рождения, крестьянин, д. Анствинка, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Михаилев Сергей Дмитриевич, 1889 года рождения, крестьянин, д. Шимановское, арестован 30.03.37 г., осужден тройкой 5.10.37 г. к высшей мере наказания, расстрелян 17.10.37 г.

Михайлов Иван Филиппович, 1912 года рождения, Большеулуйский район, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Нёшев (Мил /Мисюц/ Елисейевич, 1870 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Пикаревский Тимийон Трифимович, 1873 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Прейна Василий Григорьевич, 1892 года рождения, д. Красноя, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Прикитчук Андрей Васильевич, 1892 года рождения, крестьянин /милота "К. Партизан"/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Прикитчук Влор Васильевич, 1887 года рождения, крестьянин милота "К. Партизан"/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Прукин Гавриил Тихонович, 1903 года рождения, землемель, с. Большая Улуй, осужден тройкой 27.06.33 г. на 5 лет лишения свободы.

Ригила (Ригила) Петр Варфимьевич, 1890 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Ригулин Иван Андреевич, 1891 года рождения, крестьянин, с. Большая Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Рубен Федор Яковлевич, 1900 года рождения, дачник, колхозник, д. Олуга, арестован 25.10.37 г., осужден тройкой 2.02.38 г. к высшей мере наказания, расстрелян 5.03.38 г. в г.Ачинске.

Рязанов Владимир Николаевич, 1907 года рождения, монтер завода связи, с. Большая Улуй, осужден тройкой 14.09.37 г. за антипартийскую агитацию к высшей мере наказания.

Сражиков Виктор Аннуфриевич, 1903 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Стефанов Георгий Иванович, 1908 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Светлицкий Константин Селиверстович, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Причальский" /зротно, Алтайский район/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Слепачев Елисей Андреевич, 1902 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. к высшей мере наказания.

Сидоров Василий Лаврентьевич, 1874 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. на 8 лет лишения свободы.

Сидорин Иван Лаврентьевич, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Средовцев Иван Емельянович, 1871 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Суцков Николай Асташинович, 1895 года рождения, крестьянин, д. Сучинка, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Тыныкин Василий Алексеевич, 1883 года рождения, с. Большая Улуй, расстрелян 3.07.31 г. в г.Томске.

Тихонов Денис Иванович, 1906 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Тихонов Николай Иванович, 1908 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Тихонова Петр Алексеевич, 1890 года рождения, крестьянин, с. Большая Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Филиппов Назар Никифорович, 1889 года рождения, разнорабочий приюта реки, Большеулуйский район, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Филиппов Павел Михайлович, 1887 года рождения, колхозник, колхозник, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Филиппов Сергей Семёнович, 1897 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Хавский Иван Петрович, 1903 года рождения, колхозник, колхозник, д. Удучное, арестован в январе 1938 года, осужден к высшей мере наказания.

Храменко Алексей Федорович, 1875 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Чавушкин Кирилл Максимович, 1891 года рождения, крестьянин, д. Удучное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Чернов Василий Степанович, 1914 года рождения, селянин, д. Красноя, осужден тройкой 9.03.38 г. на восемь лет лишения свободы.

Черепанов Григорий Варфимьевич, 1890 года рождения, бригадир, д. Красноя, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Черепанов Егор Николаевич, Большеулуйский район, осужден тройкой 13.05.33 г. на пять лет лишения свободы.

Черепанов Павел Иванович, 1908 года рождения, крестьянин, д. Сучинка, расстрелян 16.07.30 г. в г.Ачинске.

Черепанов Андрей Иванович, 1881 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Шоков Яков Иван, 1873 года рождения, д. Микрацкая, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ
Алексеев Фалер Филитович, 1875 года рождения, колхозник, д. Секретарка, осужден тройкой 25.10.37 г. за антипартийскую агитацию к высшей мере наказания, расстрелян 30.10.37 г. в г.Ачинске. Реабилитирован.

Андреев Петр Акимович, 1914 года рождения, д. Александровка 77, осужден 17.10.42 г. на старую 33-10, 33-14 на 10 лет лишения свободы, содержался в Красноярском лагере с 19.02.42 г. по 12.03.43 г. Власовскими - выведен Великий Отечественный войны.

Ефинов Федор Перфилович, 1898 год рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 27.11.38 г. на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован.

Ригулин (Филипп Андреевич, 1885 год рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 30.10.29 г. на пять лет лишения свободы. Свободен из лагеря в Сиблаге, умер 16.03.31 г. Реабилитирован.

Речин (Ремизов) Лука Власович, 1884 год рождения, д. Черемшанка, арестован в 1936 году.

Суккобков Марк Акимович, 1895 г., д. Троицк, осужден тройкой 29.12.37 г. на 10 лет лишения свободы. Умер в Большом Улуе в 1967 году. Реабилитирован.

Федоренко Иван Лаврентьевич, 1867 года рождения, д. Каравановка, осужден тройкой 24.01.33 г. Реабилитирован.

Чайко Петр Данилович, 1900 года рождения, д. Троицк, осужден тройкой 19.03.33 г. на 10 лет лишения свободы. Вернулся из лагеря в 1943 году. Умер в 1968 году. Реабилитирован.

Как, вероятно, заметили читатели, в опубликованный список практически не вошли жители района, раскулаченные и высланные за его пределы. По этому его еще предстоит составлять, с помощью наших читателей, колхозников, любителей репрессированных. Все, кто хотел бы внести уточнения, замечания в опубликованный список, обратиться в редакцию районной газеты "Вести", к заместителю редактора Владимиру Васильевичу Ускову, телефон 2-12-80.

МЕМОРИАЛ ССЫЛЬНЫЕ В НАШЕМ РАЙОНЕ

Мы публикуем список ссыльных, большинство из которых проживало на территории Большеулуйского района в сороковые-пятидесятые годы нашего столетия. Его подготовила редакция Владимир Биргер из краевого общества "Мемориал". В списке - 37 фамилий. К нему сделано дополнение, подготовленное на основании публикаций журналистов районной газеты. Однако и при этом услывий он далеко не полный, поскольку не сохранились журналы Большеулуйской спецкомендатуры. Именно в них должны были отмечаться ссыльные раз или два раза в месяц. Везать за пределы района запрещалось. Сведения о некоторых из подпольных граждан неполные, их нужно уточнить.

Абызов, место ссылки - Бобровка, счетовод в

колхозе.

Биглий Вера Михайловна, 1889 года рождения, медик, работала в Киеве, ВРЗ Арестована 25.09.39 г. Сослана в д.Бычки, с 1944 года заведовала больницей.

Батышев Владимир, 1947 года рождения, инж-т, г.Москва. Арестован в апреле 1966 года, приговорен к пяти годам ссылки по указу от 1961 года. Село Большой Улуй, 1966-68 гг.

Бессер Михаил Иванович, 1891 года рождения, медик, д.Бобринка, с 1949 года - заведующий фельдшерским пунктом.

Боммер, химик, г.Москва. Арестован в 1937 году, с.Большой Улуй, 1952-53 гг.

Бронский Иван Прокопьевич, 1893 года рождения, медик, Подольский район. Арестован в 1937 году, осужден по статье 58-10 на 10 лет лишения свободы, д.Но-

воинкольск, 1950 г. - заведующий фельдшерским пунктом. Брудечар Вера Владимировна, с.Большой Улуй, 1952-53 гг.

Биоградов Николай Иванович, 1833 года рождения, медик, г.Москва. Арестован 25.01.33 г., осужден коллегией ОГПУ по статье 58-7, с.Большой Улуй, с 1950 года - лаборант, врач, умер в Большом Улае, в 1970 году, 23 августа.

Гладков Юрий Михайлович, 1901 года рождения, медик, г.Ленинград. Арестован в марте 1936 года, осужден на восемь лет лишения свободы, отбывал наказание в Белбалтаге, с.Большой Улуй, с 1949 г. - фельдшер, хирург, жил в райцентре с женой и двумя детьми. Национальность - китаец.

Гусева Вера Федоровна, 1902 года рождения, медик, Саратов, арестована в 1937 году, с.Большой Улуй, с 1955 года - терапевт. Умерла в райцентре 2.12.1971 г.

Клещук Кирилл Трофимович, 1897 года рождения, медик, г.Новгород. Арестован 09.02.38 г., осужден на восемь лет лишения свободы, наказание отбывал в СВИТАе - северно-

восточных исправительно-трудовых лагерях /на Колыме/ с.Большой Улуй, с 1949 года - терапевт, затем д.Удачное, ин. медпунктом.

Кожемьякин Степан Домидович, г.Куйбышев 22/1, с.Большой Улуй, 1952-53 гг.

Краковецкая Елизавета Александровна, 1890 года рождения, г.Кузнецк. Арестована в 1937 году, осуждена на 10 лет лишения свободы, наказание отбывала в СВИТАе - северно-восточных исправительно-трудовых лагерях /на Колыме/ с 1949 года - в Большом Улае, с 1951 года - медсестра.

Лавинев Арво Яковлевич, 1917 года рождения, эконоимст., г.Таллин. Арестован в 1945 году, осужден по статьям 17, 58-1а, с.Большой Улуй, с 1955 года - медстатистик в райбольнице. Умер в райцентре 2.10.1976 г.

Лактионова Надежда Николаевна, 1886 года рождения, медик, г.Ленинград, арестована в 1938 году, с.Большой Улуй, с 1951 года - терапевт в райбольнице.

(Оконч. на 6 стр.)

МЕМОРИАЛ ССЫЛЬНЫЕ В НАШЕМ РАЙОНЕ

(Оконч. Н.Р. на 5 стр.)

Домови Наталья Григорьевна, г. Москва, Арестована в августе 1937 года, осуждена на 10 лет лишения свободы, с. Большой Улуй, 1949-50 гг.

Манукян Рачия Сердакович, 1898 года рождения, хирург, г. Баку, Арестован в 1936 году, осужден на 10 лет лишения свободы, Большой Улуй, 1950-52 гг., эпидемиологическим отделением райбольницы.

Марда Леонгард Бернгардович, 1901 года рождения, г. Таллин, Арестован 14.06.41 г., осужден на шесть лет лишения свободы, отбывал наказание в Норильском лагере, д. Березовка, 1949-50, заведующий фельдшерским пунктом.

Марицак Циная (Цинилия) Александровна, арестована в 1949 году //, осуждена на пять лет ссылки по статье 7-35, с. Большой Улуй, 1949-53 гг., освобождена по амнистии. Мать известного драматурга Михаила Шатрова. Умерла в 1978 году.

Миников Петр Александрович, 1914 года рождения, хирург, г. Тернополь, арестован в

1948 году, с. Большой Улуй, с 1949 года - врач /Кирурги/.

Набодян Ашкен Степановна, г. Москва, с. Большой Улуй, 1950-53 гг., вышивальщица. Мать поэта, писателя и поэта Булата Окуджавы.

Нестерова Надежда Николаевна, 1912 года рождения, медик, г. Оренбург. Арестована в сентябре 1937, осуждена на 10 лет лишения свободы, срок отбывала в лагере в Кемеровской области, с. Большой Улуй, с 1950 года - зубной врач. Умерла в райцентре 27.01.1982 года.

Петраев Владимир Николаевич, 1891 года рождения, медик, г. Ярославль, арестован в 1938 году, д. Горелово, 1949-54 гг., заведующий фельдшерским пунктом.

Пыхов Веря Ефимовна, 1909 года рождения, комсомольский работник, г. Камышин, горком комсомола. Арестован в 1937 году, с. Большой Улуй, 1950-55 бухгалтер в райбольнице, после амнистии осталась в этой же должности.

Рабинович, 1910 года рождения, скульптор, г. Ленинград, с. Большой Улуй, 1952-53 гг.

Ролан Аняна Эрнестовна, 1901 года рождения, студентка медицинского института, г. Ленинград. Арестована в 1938 году, административным наказанием за службу, д. Окуджаво, с 1948 г. - заведующий медпунктом.

Саримча Петр Иванович, 1891 года рождения, медик, Краснодарский край, арестован в 1934 году, д. Бычки, с 1951 года - заведующий фельдшерским пунктом.

Скадына Александр Никифорович, 1920 года рождения, корректор, г. Москва, арестован в 1948 году, с. Большой Улуй, с 1950 года - художественный руководитель районного Дома культуры.

Смирницкий Александр Александрович, 1887 года рождения, медик, г. Москва, Арестован в 1938 году. Осужден "особым совещанием" /ОСО/, д. Березовка, с 1949 года - врач детдома, затем заведующий медпунктом в Александровском доме инвалидов. Умер в Красноярске.

Торюпов Иван Васильевич, 1891 года рождения, фотограф, г. Кинешма, арестован в апреле 1937 года, д. Александровка, с 1950 года - заведующий медпунктом дома инвалидов. Умер там же, 10 августа 1964 года.

Ушакова Раиса Яковлевна, 1890 года рождения, фельдшер, г. Москва, Арестована в 1939 году, осуждена "особым совещанием"

/ОСО/, с. Большой Улуй, 1953-56 гг., медсестра в райбольнице.

Фиделлопович Сергей Густавович, 1897 года рождения, медик, г. Москва, Арестован 01.06.37 г., с. Большой Улуй, 1949-52 гг., врач в райбольнице, с 1952 года - врач в д. Бычки. Умер в г. Мпц-ке.

Хаскин Марк Сидорович, 1893 года рождения, медик, инженер, г. Москва, арестован в 1936 году, с. Большой Улуй, с 1948 года - врач в райбольнице, затем заведующий фельдшерским пунктом в д. Бычки, потом уехал на север Красноярского края.

Цавловский Александр Александрович, с. Большой Улуй, 1949-50, с 1952 г. // - агроном в колхозе, д. Бобровка.

Чудоташев Степан Макарович, 1905 года рождения, с. Большой Улуй, с 1949 года.

Шаханов Всеволод Игльевич, 1880 года рождения, инженер, г. Москва //, с. Большой Улуй.

Юдаевич Исай Веняминович, 1902 года рождения, медик, г. Москва //, Арестован в 1933 году, д. Новая Беловка /на самом деле д. Беловка/. С 1953 года - заведующий фельдшерским пунктом в Беловке похоронена его жена.

Продолжение списка будет опубликовано по мере его поступления
в с т а т и

ССЫЛЬНЫЕ В НАШЕМ РАЙОНЕ

(Продолжение.
Начало на 4 стр.)

до д. Баженовка, потом д. Александровка.

Кремер Мария Андреевна, д. Краснояр, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка, затем - в трудовую, в Башкирии, с 1946 года - д. Александровка.

Лиджиев Балдр, Калмыкия. Выслана в 1943 году, с Большой Улуй, слесарь Большеулуйской машинно-тракторной станции.

Новикова А.Г., с двумя детьми, с. Буссе, Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д. Александровка.

Мангутов Дюдя Аристевиц, Калмыкия. Выслана в 1943 году, с Большой Улуй, слесарь Большеулуйской машинно-тракторной станции.

Корнев Иван Харитонович, 1896 года рождения, д. Мартыново, Оятского района Ленинградской области. Арестован 26.12.30 г., осужден тройкой 30.01.31 г. на 10 лет концлагерей. После отбытия части срока - ссылка в Большеулуйский район.

Корнева Пелагея Богдановна, 1898 года рождения, д. Мартыново, Оятского района Ленинградской области. Выслана в 1935 году, д. Баженовка.

Корнева Пелагея Христофоровна, 1874 года рождения, д. Мартыново, Оятского района Ленинградской области. Выслана в 1935 году, д. Баженовка.

Корнева Нина Ивановна, 1924 года рождения, д. Мартыново, Оятского района Ленинградской области. Выслана в 1935 году, д. Баженовка.

Корнева Анна Ивановна, 1926 года рождения, д. Мартыново

Оятского района Ленинградской области. Выслана в 1935 году, д. Баженовка.

Корнев Виктор Иванович, 1931 года рождения, д. Мартыново, Оятского района Ленинградской области. Выслан в 1935 году, д. Баженовка.

Кочнева Е., с четырьмя детьми, с. Буссе, Кумарского района Амурской области. Высланы в октябре 1938 года, д. Александровка.

Майер Александр Александрович, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка.

Онаев Николай, Калмыкия. Выслана в 1943 году, с Большой Улуй, колхоз им. Кирова.

Подкорытова У.Г. с пятью детьми, с. Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д. Александровка.

Петров Алексей Артемьевич, 1910 года рождения, Минусинский район Красноярского края. До 1947 года - в заключении на Колыме, с 1948 года - ссылка, с января 1950 года - в Большом Улуе. Реабилитирован в 1956 году, вернулся в Минусинск.

Папст Александр Каспарович, 1928 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, с. Большой Улуй. Сейчас живет в Сосновоборске.

Палад-заде Аджик Аскерович, азербайджанец, г. Баку, работник министерства сельского хозяйства Азербайджана. Новая Еловка, зоотехник.

Семья Полач. Польша. Выслены в июне 1941 года, с Большой Улуй. Вернулись в Польшу в январе 1946 года.

Риттер Генрих Генрихович, республика немцев Поволжья,

Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка.

Риттер Екатерина Каспаровна, 1905 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка.

Риттер Екатерина Каспаровна, 1931 года рождения, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка.

Рогозный Федор Павлович, 1904 года рождения, г. Анжеро-Судженск, Кемеровской области.

Осужден тройкой 2 апреля 1934 года по статьям 58, ч. 10 и 58, ч. 11 к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Сослан по заключению в Большой Улуй. Умер здесь же в 1981 году. Реабилитирован в 1989 году.

Синякевич Мария Феликсовна, 1876 года рождения, г. Барановичи, Западная Белоруссия, депортирована в 1941 году, Большой Улуй. Вернулась в Польшу в январе 1946 года.

Синяевская Рита Марковна, г. Москва. Сослана в Большой Улуй.

Симон Карл Яковлевич, 1910 года рождения, д. Краснояр, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Секретарка, затем - трудовая в Свердловской области, с 1949 года - Новая Еловка.

Симон Софья Карловна, 1909 года рождения, д. Краснояр, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Секретарка, с 1949 года - Новая Еловка.

Сорочинский Иван Евдокимович, 1907 года рождения, Алтайский край. Арестован 14.03.1933 г. Осужден по ст. 58, срок отбывал в Горной Шории, Архангельской области. С 1950 года - ссылка в

Большеулуйском районе. Был зоотехником, заместителем и председателем колхоза им. Кирова, председателем сельсовета, директором комбината бытового обслуживания, ответственным секретарем общества "Знание", уполномоченным "Вторчермета" по Большеулуйскому району. Живет в Большом Улуе.

Тарасова, мать бывшего первого секретаря Ленинградского обкома комсомола, с. Большой Улуй, ул. Красного Октября.

Терпугова Е. с шестью детьми, с. Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д. Александровка.

Терпугова, с. Буссе Кумарского района Амурской области. Выслана в октябре 1938 года, д. Александровка.

Уткин, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ. Ссылка в Большеулуйском районе.

Фелькер Адам Адамович, 1922 года рождения, с. Ясная Поляна, Саратовской области. Выслана по указу от 28 августа 1941 года. Был в трудовой. Постановлением Особого совещания от

17.06.1944 г. осужден на восемь лет лишения свободы. Срок отбывал на станции Решоты, Красноярского края, в Карагайде. На поселении в Тухтетском районе. С 1956 года - в с. Новая Еловка.

Фенрих Екатерина Богдановна, 1915 года рождения, Ленинградская область. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, в марте 1942 года, Большеулуйский район.

Франц Карл, республика немцев Поволжья. Выслана по указу от 28 августа 1941 года, д. Александровка.

Харманджиев Анка, Калмыкия. Выслана в 1943 году, с. Большой Улуй, промкомбинат.

(Оконч. на 6 стр.)

МЕМОРИАЛ

ССЫЛЬНЫЕ В НАШЕМ РАЙОНЕ

/Окончание.

Начало на 4-5 стр./.

Цукман Антон Константинович, 1919 года рождения. Учащийся Новосибирского драматического училища. Арестован в 1937 году, осужден на восемь лет лишения свободы. Живет в Большом Улуе.

Швэфель Андрей Андреевич, республика немцев Поволжья. Выселен по указу от 28 августа 1941 года, д. Новая Еловка, с 17.02.42 г. по 18.06.46 г. - в трудармии. Живет в Новой Еловке.

Швайгерт Мария Христьяновна, республика немцев Поволжья. Выселена по указу от 28 августа 1941 года, д. Баженовка.

Швайгерт /Петракова/ Эмма Давыдов-

на, 1940 года рождения, республика немцев Поволжья. Выселена по указу от 28 августа 1941 г., д. Баженовка.

Шпакович Павел Павлович, 1907 года рождения, г. Барановичи, Западная Белоруссия, депортирован в 1941 году, с Большой Улуй, машинно-тракторная станция. Вернулся в Польшу, в январе 1946 года.

Шпакович Анатолий Павлович, 1929 года рождения, г. Барановичи, Западная Белоруссия, депортирован в 1941 году, с Большой Улуй. Вернулся в Польшу, в январе 1946 г.

Эрднеев Александр, Калмыкия. Выселен в 1943 году, с Большой Улуй, льнозавод.

В Е С Т И

Основана
в августе
1944 года
ВТОРНИК
23
ДЕКАБРЯ
1997 года
№ 154 (6416)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА БОЛЬШЕУЛУЙСКОГО РАЙОНА

**ГЕРОИ ГАЗЕТНЫХ
СТРАНИЦ**

ПЕРЕДОВОЙ МОТОРИСТ

В районной газете в семидесятые и восьмидесятые годы не раз писали об Эвальде Генриховиче Шадте, который трудился в Новоеловских мастерских объединения «Сельхозтехника», был одним из самых уважаемых людей на предприятии. Он занимался ремонтом автомобильных двигателей, и дело свое знал досконально. К мастеру обращались из многих деревень района, и даже из Ачинска, Красноярска.

Вот уже несколько лет, как Эвальд Генрихович расстался с родным коллективом. Сделал это вынужденно, из-за болезни. Сейчас на пенсии. В канун столетия Новой Еловки мы повстречались с ним и попросили рассказать о том, как сложилась его судьба с самого начала жизни. Эвальд Генрихович в своем повествовании был немногословен.

—Родом я из села Красный Яр, что в Саратовской области. Тогда, до войны, этот регион назывался республикой немцев По-

волжья. Я был совсем небольшим, когда всех нас, по указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года, выслали в Сибирь. Как рассказывали мои родители, взяли мы сундук с тряпками, мешок сухарей и мешок муки. И все это — на 11 человек. На быках нас довели до железной дороги, а потом посадили в вагоны-телятники. Пока ехали много суток, двери открывать запрещалось. Дело происходило в сентябре, и по ночам уже было прохладно. Когда прибыли в Ачинск, приказали выходить. И потом на подводах нас увезли в деревню Изыкчуль.

Отца, Генриха Генриховича, вскоре отправили отбывать трудовую повинность. Вначале в Кировскую область, а потом в Ачинск, на марганцевый рудник. А мы, Таня, Катя и я, остались на попечение у матери, Анны Христиановны. Хаатила она тогда лиха-трудно пересказать словами. Достаточно упомянуть, что мама до высылки совершенно не умела говорить по-русски.

И осваивала она новый для себя язык в течение трех лет. Она и сейчас говорит с большим акцентом.

В 1948 году вернулся отец, стал работать в колхозе кузнецом. К этому времени в Изыкчуле осталось всего две семьи немцев, которые находились «под комендатурой». Мы никуда не отлучались из деревни, а комендант Гайдов сам приезжал к нам, и проверял, на месте ли мы. Но из-за двух семей ездить, конечно, было ему не с руки, и поэтому встал вопрос о переводе нас в Большой Улуй. А директор Комсомольской

машино-тракторной станции узнал об этом, и поскольку отец был хорошим кузнецом, попросил, чтобы нас перевели не в районный центр, а в Новую Еловку. Так в 1949 году мы переехали в эту деревню. На одном предприятии с отцом трудилась и наша старшая сестра Татьяна.

К нам, ссыльным немцам, отношение сначала было плохое, особенно, к молодым. Могли и оскорбить, и побить, особенно пацаны. Правда, и жалел нас кто-то, но находились и те, кто не понимал, что мы такие же люди. Я ходил только в первый класс, а потом бросил учебу, а в 1952 году устроился на машино-трак-

торную станцию. И отработал на этом предприятии почти 42 года. И еще бы трудился, если бы не случился у меня два инфаркта.

Слесарил, токарил. Больше всего работал мотористом — около 30 лет. Ремонтировал автомобильные двигатели. По плану в месяц их нужно было отреставрировать 12, а делал обычно больше. Например, приходилось восстанавливать и 30-35 двигателей за месяц. Поскольку занимался реставрацией двигателей для легковых автомобилей, то ко мне обращались практически все руководители из тех хозяйств, предприятий, которые находились в Большеулуйском и Ачинском районах. Когда уже действовала «Сельхозтехника», то ремонтировали и двигатели для грузовых автомобилей. А мне приходилось почти все делать самому, начиная с разборки. И мойка, и расточка, и сборка, и регулировка — все было на мне. Только обкатывал другой человек, да колечка-валы шлифовали в Большом Улуе.

Почти вся жизнь прошла в Новой Еловке. Здесь в 1952 году родители купили домик, а до этого наша семья сменила пять квартир-жили потояльцами. Теперь из того домика получилась летняя кухня рядом с домом, который построили

уже в шестидесятые годы. Мать в послевоенный период трудилась на разных работах. Могли направить в обоз-хлеб вывозили и молотили вручную, зимой, никому такого не пожелаешь. Возила зимой трактористов на конных санях на машино-тракторную станцию из Александровки и Изыкчуля. Те жили неделю, ремонтировали технику, а обратно чаще всего уходили пешком.

Сейчас матери уже 82 года, отец умер в 1978 году. Старшая сестра, Татьяна, живет в Ачинске. Екатерина, после учебы на курсах бухгалтеров работала в сельпо, а потом в «Сельхозтехнике». А младшая сестра, Мария, родившаяся уже в Новой Еловке, работает заместителем главы сельской администрации. Сын трудится в Ачинске шофером, а углозном розыске. Дочь жила в Норильске, сейчас в Ачинске, не работает. Есть две внучки, которых мы с женой Валентиной всегда с нетерпением ждем в гости. Держим корову, телок, двух свиней. И не только для себя, а и для детей, внучек. Они приезжают, помогают с сенокосом, управиться, да дров заготовить. Мне-то тяжелую работу сейчас нельзя выполнять.

Записал
В.УСКОВ.

На снимке: Эвальд Генрихович Шадт.

Фото автора

Жизнь, как роман

80
1934
2014
КРАСНОЯРСКИЙ
КРАЙ

Летом 1941 года Эмма Павликовская с четырёхлетней дочкой Эрной и матерью Эмилией Гутяр покидали родные места

Их выслали из города Маркса на Волге в Казахстан вместе с другими немцами. Людей везли в приспособленных вагонах, наспех переоборудованных в теплушки потому, что семей немцев Поволжья было много...

Что же помнит сегодня Эрна Ивановна Панасенко о пути, который тогда преодолевали вынужденные переселенцы? Детская память навсегда выхватила и сохранила вот такие картины того времени.

...Ехали долго, взрослые всё время говорили про какие-то казахстанские степи, называли город Алма-Ату, поезд часто останавливался и люди выбегали из теплушек, чтобы неподалёку от железнодорожных насыпей на костре сварить кашу, суп или вскипятить чай. А потом были снега и холод, и куда-то долго ехали на подводах...

АДРЕС ДЕТСТВА

Где остановились окончательно, Эрна Ивановна не помнит.

Только с мамой не пришлось пожить, по рассказам бабушки Эмили, её сразу же забрали в трудовую армию на уральские заводы. Вскоре умерла от болезни бабушка. Эрне не было ещё и семи лет... Её, осиротевшую, худощую, голодную направили в детприёмник села Тасеево Красноярского края. А оттуда - в Берёзовку Большеулуйского района: немецкую девочку забрала с собой директор детского дома Дебора Исаевна Юдович. Шла

Педагоги старались отдавать детям все свои душевные силы, оставляя дома собственных детей. Взрослым казалось, что родные дети всё стерпят и дополучат нежность потом, позже, когда-нибудь в выходные дни... А детдомовские ребята отзывались на любовь и заботу, впитывая эти чувства как основу для своего будущего. Вероятно поэтому, все воспитанники детдома, эвакуированные с "первой волной", выросли порядочными и профессиональными людьми.

Эрна окончила семь классов Берёзовской школы, а дальнейшую учёбу продолжила в Большом Улуе.

Жить в райцентре было негде. Но ей всегда везло на хороших людей. Завуч Фаина Антоновна Адлер поселила ученицу у себя.

На выходные дни и каникулы Эрна вместе с Галей Кувшиновой и Надей Полубинской шли домой в Берёзовку - пешком. Возвращались в Большой Улуй тем же пешим ходом. Транспорт почти не встречался по дороге. Очень редко им везло, если мимо проезжал трактор с санями. Тогда девчата быстрее добирались до райцентра. Эрна приносила с собой паёк из детдома - булку хлеба, масло, крупу.

Период обучения в Большеулуйской школе Эрна Ивановна вспоминает, как плодотворный и интересный путь познаний. Учительский коллектив был сильным. В марте 1953 года, когда умер Сталин, на несколько дней школа погрузилась в траур. Ученики и весь персонал надели на себя единую форму - чёрные или коричневые платья и, обязательно

чёрные, отороченные красным кружевом фартуки. Школа утопала в слезах, плакали все - взрослые и дети... Эрна тоже сильно плакала.

В 1954 году она окончила школу. И сразу же вернулась в стены родного детского дома. Стала работать старшей пионервожатой и воспитателем по совместительству. Через два года Эрна Павликовская поступила в одно из педагогических училищ Красноярска. Обучалась успешно, никогда не пожалев, что выбрала для себя профессию учителя начальных классов. База практики была серьёзной - здесь же, в краевом центре, в 28-й школе, железнодорожной и "суриковской". После окончания педучилища Эрна осталась работать в Красноярске.

Однажды на совещание в край-оно приехал заведующий Большеулуйским отделом народного образования. И он сказал: "Вот эту девушку я забираю домой..." Так Эрна Ивановна Павликовская ста-

Вглядываясь в старые фотографии...

Коллектив Берёзовской школы, середина 60-х. Эрна - справа в первом ряду.

Валентина и Эмма Ивановна Павликовские.

ла работать в Симоновском специализированном детском доме.

Но не всё её устраивало в работе этого учреждения. И она попросилась учительствовать в Берёзовскую школу. Хотелось бы вернуться в родной детдом, но его расформировали в 1961 году. Так или иначе, Эрна Ивановна стала жить по адресу детства.

ВСТРЕЧА С МАМОЙ

У Эрны родилась дочь Света. Воспитывала её одна.

В этот период особенно не покидала мысль о маме, с которой они расстались в 1941 году. Где она, как живёт, здорова ли? Эрна написала письмо в редакцию одной немецкой газеты, издававшейся большим тиражом в СССР. Но ответ не пришёл.

Как-то зачитавшись роман-газетой с публикацией документальной повести "В конце концов", где действующим лицом был главный прокурор СССР Роман Андреевич Руденко, являющийся представителем на Нюрнбергском процессе, Эрну осенила мысль: "Неужели этот человек мне никогда не поможет?" И написала письмо на его имя.

Ровно через неделю пришла открытка с текстом: "Ваше дело передано в министерство охраны общественного порядка СССР". Прошла ещё одна неделя. И снова пришла открытка с адресом... мамы! В ней значилось: "Казахская ССР, Североказахстанская область, село Полудино..."

И радость, и смутнение, и слёзы обрушились на Эрну. Она не представляла, как же они встретятся с мамой через столько лет, что скажут друг другу.

А события уже разворачивались полномасштабно! В Берёзовку первыми приехали тётя

Софья, сестра мамы с сыном Фёдором. Оказывается, они жили недалеко от наших мест - в Кемеровской области. Тётя Софья первым делом, расцеловав племянницу, попросила её... раздеться. На спине Эрны были родинки, о них тётюшка знала, поэтому убедилась в том, что перед ней настоящая племянница.

Тем временем пришёл ответ из немецкой газеты. Но это было лишь подтверждением того, что поиски человека в огромной стране увенчались успехом.

Мама приехала в январе 1967 года. Её ждал весь коллектив Берёзовской школы. Волновались, то и дело, заглядывали в окна и открывали входную дверь. Но гости всё не было видно.

Смятение охватило Эрну Ивановну. Кое-как надев пальто, она побежала домой. Январский холод и снег, привычная сельская картинка, как лекарство привели чувства в порядок. И она открыла калитку навстречу маме. Оказывается, из самого Ачинска её везла в Берёзовку Евдокия Панасенко, односельчанка Эрны Ивановны. Не передать словами момент встречи родных людей, потерянных из-за войны более чем на четверть века.

Мама работала в школьной столовой села Полудино. Каникулы завершались, ей нужно было уезжать домой. Бабушка забрала с собой внучку Свету. А дальше решили так, Эрна приедет к маме навсегда, как только закончится учебный год.

Так и было. Только проведя целое лето в Полудино, Эрна Ивановна решила снова вернуться в Берёзовку. Не пришлось ей по душе ни казахстанский климат, ни чужие люди, ни новая жизнь. Её тянуло назад, домой, в Берёзовку. В эту единственную родную географическую точку на земле.

С ЧИСТОГО ЛИСТА

После возвращения из Полудино, Эрна Ивановна вышла замуж за Владимира Панасенко.

У них родились двое детей - Сергей и Ирина. Оказывается, он давно присматривался к одинокой учительнице, худенькой, миниатюрной, но такой сильной духом. Выходит, что мама Владимира, ничего ещё не имея в виду, вместе с матерью Эрны Ивановны привела в дом настоящее женское счастье.

Эмма Ивановна Павликовская после войны, когда вернулась из трудовой армии, родила дочь Валю (ставшую потом учителем немецкого языка в Кокчетаве). Но никогда ни на минуту её не составляли боль и думы о первой дочке - Эрне. Мать всё время искала свою кровинку, не теряя надежды на встречу.

А в семье Эрны Ивановны Панасенко воцарились покой и умиротворение, после замужества жизнь началась, словно с чистого листа. Выросли дети и внуки, с первого дня муж стал крепкой опорой во всём, и сегодня она не представляет, как могла жить без него - такого надёжного человека. Владимир Панасенко - коренной сибиряк, от предков в нём заложен огромный запас работоспособности, ответственности и порядочности. Он младше своей жены. Но по-прежнему видит в ней ту крупную женщину, которую хочется оберегать как фарфоровую статуэтку...

В декабре Эрне Ивановне исполнится 78 лет. Хотя, как говорила мама, она родилась золотой осенью. А день рождения 21 декабря ей поставили в Берёзовском детском доме...

Надежда СТЕФАНЕНКО, фото автора и из домашнего архива Э.И. Панасенко (АП).

исходилил перед новым годом. В школе конец четверти, отчеты, экзамены, и всякая неопределенность. А она, она же, она же, работала тоже в школе, поваром, и всё до коникул тоже не отсутствовала с работы. И мы считали дни до нашей встречи.

А вот тебе с братом Фёдоровым нашлись благодаря газете быстро. Они приехали ко мне. Представьте, каково было мне узнать во взрослой женщине пятнадцатилетнюю девочку! Тебя признала меня, я оказалась положкой на родственника. Но она ещё вспомнила, что у её маленькой племянницы Эры было родимое пятно на спине. (Ованч. в следующем номере)

НЕВЫДАУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Т. ЧУМАКОВА,
учитель Кытатской средней
школы.

В свой 54 день рождения я сбежала с урока. Был урок по Древней Греции в Берёзовской средней школе, и там собрались учителя истории со всего района. А я решила заняться немецкой историей, которая началась в начале сороковых годов прошлого века.

Мой знакомство с немцами состоялось довольно рано. Мне было лет пять, когда к нам в деревню стали приезжать трактористы из МТС. Большинство из них были немцами. В деревню относились к ним очень уважительно. Все они были хорошими специалистами и свою работу делали на совесть.

Детская память зафиксировала немецкие фамилии: Шрайнер, Визаль, Карл.

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЕБЕ

З.И. (ПАВЛИКОВСКАЯ) ПАНАСЕНКО.

дидлись какие-то дела. Посёлок называется так, ну и называется, живут немцы, ну и живут — страна наша многонациональная, мало ли в ней разных людей?

А на уроках истории мы изучали историю партии, революции свои и французские, съезды, конференции, лакированные биографии большевиков. Правда, учебники уже молчали о Сталине. И я даже не знала его настоящей фамилии. Так и закончила я педучилище, не зная настоящего прошлого страны, пройдя мимо столько интересных людей!

После окончания школы я стала учиться в Енисейске. У нас в педучилище директором был всеми уважаемый Борис Францевич Крещук, судя по отчету, тоже немец.

В одной группе со мной учились девочки по фамилии Арндт, Булах, Деринг. Национальность тогда никого не волновала — учились себе, дружили, ходили к Ольге Булах на чай с немецким пирогом, её мама стряпала такие классные пироги, я забыла, как назывались они по-немецки. Жила я во время учёбы на окраине города. Окраина называлась почему-то посёлком Куйбышево. Остановиться, чтобы задуматься, было некогда, у нас постоянно нахо-

Моя самостоятельная учительская жизнь началась за Чулымом — в деревне Удачное, где я подружилась с Марией Генриховной Филузиной, которая называла себя Андреевской.

Мне так нравилось её настоящее отчество, и я никак не могла понять, почему его надо менять на русское? Прошло довольно много времени, прежде чем моя подруга рассказала мне, как и почему появились немцы в Сибири. Вот с этого рассказа Марии Генриховны о своей семье началось моё понимание трагической истории русских немцев.

С того времени прошло тридцать три года. Многое измени-

лось в нас, в нашей стране, которая стала совсем другой, многое ушло в прошлое. Время даёт нам возможность взглянуть на прошедшее со стороны.

ЗНАКОМСТВО

Эту энергичную учительницу, героиню моей повести, я знала в лицо давно. Мы встречались на районных педагогических конференциях, когда собирались учителя истории. В ней чувствовался бывший комсомольский работник.

Таких убеждённых и идейных мы в юности в шутку называли коммунистками. А она и была членом компартии. Помню, когда нача-

Я схватила пальто, сунула ноги в первую попавшуюся обувь и выскочила на улицу. По дороге к моему дому в протёртом пальто шла пожилая женщина. Из под платка виднелась прядь седых волос.

А память подсказывала совсем другой мамин портрет: молодая красивая женщина, в белом беретике, с модной заколочкой на боку!

лась перестройка, мы все переживали крушение идеалов в обществе. А она переживала это особенно остро. Видимо, сказалось её детдомовское прошлое. Мы, домашние дети, слушали в школе и по радио о жизни страны одно, а дома другое, порой спорили с родителями, доказывая, что они не понимают главного. Родители осторожно объясняли правду жизни, что закладывало сомнения в наши доверчивые сердца. Эти сомнения позволяли нам смотреть на многие происходящие в стране события с иной точки зрения, а не с той, что нам навязывала официальная пропаганда.

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Жизнь продолжалась со всеми её послеперестроечными рытвинами и ухабами. Нам месяцами не платили зарплату, мы бастовали, судились с родным РОНО, нас пытались ставить на место, создавали разные преграды, портили нервы всякими проверками.

Когда жить стало чуточку легче, случались и праздники. Осенью 2002 года была организована встреча для педагогов — ветеранов. Здесь и произошло более близкое знакомство с Эрной Ивановной Павликовской.

Мы разговорились за праздничным столом. Я поинтересовалась у Эрны Ивановны, как она нашла свою мать: когда-то давно слышала, что они с матерью потерялись во время войны, а потом через много лет нашлись. Рассказ моей знакомой увёл нас далеко от праздничного стола. Все шумели, что-то говорили, рядом сидели чудесные люди, но мы уже никого не замечали. Эрна Ивановна заново переживала случившееся, а я слушала, забыв про всё на свете.

Знаете, — начала свой рассказ моя собеседница, — я очень долго о себе ничего не знала, так как воспитывалась в детском доме с пяти лет.

Детская память сохранила мамино молодое лицо в красивом беретике, да бабушку с больными ногами. Помню какой-то амбар, на приступке лежит бабушка (ходить из-за больных ног она не может). И всё, больше ничего не помню. Уже взрослой я смотрела фильм про войну, где немцы уводят людей, среди которых молодая женщина. А на пороге остаётся маленькая девочка. И почему-то именно этот эпизод вызвал у меня какое-то внутреннее беспокойство. Мне просто стало плохо! И каждый раз, когда я смотрела этот фильм, всё повторялось. Мне становилось плохо именно в этом месте!

Я помнила, как меня зовут, помнила, что мою маму звали Пав-

ликовской Эммой Ивановной, а папу Павликовским Иваном Ивановичем, знала, сколько мне лет. Но я не помнила своего дня рождения, поэтому в детдоме мне в документах записали такую же дату, как у Сталина — 21 декабря. Память сохранила эпизод, как меня с какой-то девочкой перевозили из одного детского дома в другой. Запомнился школьный класс, где на газетах в углу нас уложили спать. Может быть, это был класс, где мы сейчас сидим, ведь это здание старой школы? Выросла я в Берёзовском детском доме. Он назывался тогда специальным детским домом (детский дом для детей репрессированных). В нём в разное время жили разные дети: немцы, калмыки, латыши, латгальцы, литовцы, украинцы. Там я закончила семь классов и поехала учиться в районную среднюю школу. Сначала я жила в общежитии, а потом меня взяли к себе на квартиру завуч школы.

Вспоминается март пятьдесят третьего, смерть Сталина, всеобщая скорбь. Казалось, что земля рухнет от такого страшного горя!

На стене большой портрет вождя в траурном убранстве, и я, девятиклассница, в почётном карауле с зарёванными глазами. Если бы я тогда знала всю правду! Мало того, что вся моя жизнь изломана по вине этого человека, так я ещё всю жизнь должна помнить о его дне рождения!

Летом на каникулах я уезжала в Берёзовку, где вместе с директором работала — подменяла ушедших в отпуск учителей. Надо было содержать себя. Так я закончила десять классов и поехала в свой детский дом работать уже полноправным воспитателем.

13 августа 1954 года — начало моей взрослой самостоятельной жизни.

Работала я и пионервожатой, потом в райкоме комсомола, потом снова в родном детском доме, постоянно училась, если этого требовала жизнь.

В 1961 году наш детский дом расформировали. Я отвезила последних воспитанников из Берёзовки в Курагино. Сама после этого уехала в Красноярск и устроилась на работу в детский сад. Потом я закончила ещё одни учительские курсы и по распределению поехала на работу в наш район, в Симоновский детский дом.

Жизнь сложилась так, что мне пришлось снова вернуться в Берёзовку. Теперь уж надолго.

Работала я и в школе, и в садике, и снова в школе учителем истории. Здесь росла моя маленькая дочь. Все эти годы я ни на минуту не забывала о матери. Всю свою жизнь искала её. Надежда всегда жила в моей душе. Став матерью, ещё больше ощутила потребность в родном человеке.

Однажды попала мне книга о Нюрнбергском процессе "В конце концов" (имени автора сейчас не помню). Запомнилась фамилия советского обвинителя — Руденко Роман Андреевич. И пришла мне в голову сумасшедшая идея! Я решила написать ему письмо: "Уважаемый Роман Андреевич, Вы судили немецких фашистов, Вы можете многое, наверное, найти мою маму Вам не составит много труда... Найдите мою маму! ..."

Чуть раньше я написала письмо в газету "Новая жизнь", выходящую на немецком языке, с такой же просьбой. Самое интересное, что прокурору Руденко я написала просто: Москва, генеральному прокурору Руденко Роману Андреевичу. Видно, время было уже другое, и письмо моё дошло! Уже через неделю мне прислали извещение, что "...дело принято к сведению". Буквально через три недели после этого пришло сообщение: "Ваша мама, Павликовская Эмма Ивановна, проживает в Казахской ССР в селе Палудино..."

Так я нашла свою маму. Одновременно появилось сообщение в газете о том, что мы с мамой нашли.

Все эти события происходили перед новым годом. В школе конец четверти, отчёты, ёлка, и меня не отпустили к маме. А она, оказывается, работала тоже в школе, поваром, и её до каникул тоже не отпустили с работы. И мы считали дни до нашей встречи.

А вот тётя с братом Фёдором нашлись благодаря газете Быстро. Они приехали ко мне. Представьте, какое было имя узнать во взрослой женщине пятилетнюю девочку! Тётя признала меня, я оказалась похожей на родственников. Но она ещё вспомнила, что у её маленькой племянницы Эрны было родимое пятно на спине. (Оконч. в следующем номере)

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Т. ЧУМАКОВА,

учитель Кытатской средней

школы.

(Продолжение. Нач. в № 16).

Теперь уж точно убедились в родстве!

А потом ко мне приехала моя мама. Так получилось, что моя будущая свекровь ехала с ней вместе. Я была дома, когда прибежала соседка: "Эрна Ивановна, к вам идёт ваша мама!"

Я схватила пальто, сунула ноги в первую попавшуюся обувь и выскочила на улицу. По дороге к моему дому в про-

нечно, были слёзы, много слёз. Но вот первый миг встречи был таким!

Праздник для учитель закончился. Мы разъехались по домам, но история жизни Эрны Ивановны не давала мне покоя.

Съездить в Берёзовку у меня не было возможности, обещанного письма я не получила. А тут

разыскивать фотографии. Теперь я не только слушала, но и записывала всё, что узнала Эрна Ивановна от своей матери.

РАССКАЗ МАМЫ

"Тород, где мы жили до войны, назывался Маркс Штадт, это в Саратовской области на берегу Волги.

Семья наша была такой: моя старенькая мама, мой младший брат Федя, твой отец Иван, я, ты и Ваня - твой маленький братик. Я работала на заводе токарем, отец заведующим. Се-

ла, я так и не узнала.

В этом же 1941 году всех немцев из нашего города отправили в Сибирь. Нас определили в село Тасеево Красноярского края. Но я там долго не задержалась. На уральские военные заводы нужны были рабочие. Моя специальность токаря особенно ценилась. И снова пришли за мной люди из органов и увели, ничего не объясняя. А ты осталась с больной бабушкой.

Как же было тяжело нам в так называемой трудармии! Мало того, что работали, как проклятые. Из-за того, что работали на вредном производстве, падали в голодные обмороки. Так ещё и охранники издевались над нами.

Как же, "немки, жёны врагов народа", можно не церемониться! Особенно тяжело было красивым

ла. Не знаю, как я выжила, но видно, так угодно было Богу. После войны нас отправили в Казахстан. Здесь я сошлась с мужчиной, тоже немцем, и в 1947 году родилась у меня дочка Валя. Так что ты не одна на белом свете, у тебя есть сестра. А тебя я не забывала никогда, искала очень долго. Но из детских ответов приходили ответы, что такой девочки нет. Отчаявшись, я посчитала, что тебя нет в живых - в детстве ты была очень маленькой, худенькой и болезненной девочкой".

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ

Мама погостила на каникулах у меня в Берёзовке, в когда уехала, забрала с собой внуку.

У нас тогда не было садика, и мне приходилось таскать дочку всюду с собой. Мы решили с мамой, что после окончания учебного года я уеду в Казахстан. Но жизнь снова распорядилась по-своему. Казахстанский климат мне не подошёл, да были и другие причины, и я в который раз вернулась в Берёзовку. Когда мы с дочкой уезжали, мама сказала: "Видимся, дочка, наверно, в последний раз". Я стала её успокаивать, обещала приехать на каникулах. Но мама оказалась права - больше я её не увидела ни живую, ни мёртвую. Тяжёлая и вредная работа способствовала развитию рака желудка. Умерла она на пятьдесят шестом году, не успев получить ни разу своей пенсии.

Узнав о смерти мамы, мы с мужем поехали на похороны. Но судьбе было угодно, чтобы мы туда не попали. На железной дороге произошла авария, и мы три дня просидели в Ачинске на вокзале. На самолёт у нас не было денег. Так и вернулись назад.

Узнав о смерти мамы, мы с мужем переехали на похороны. Но судьбе было угодно, чтобы мы туда не попали. На железной дороге произошла авария, и мы три дня просидели в Ачинске на вокзале. На самолёт у нас не было денег. Так и вернулись назад.

Узнав о смерти мамы, мы с мужем переехали на похороны. Но судьбе было угодно, чтобы мы туда не попали. На железной дороге произошла авария, и мы три дня просидели в Ачинске на вокзале. На самолёт у нас не было денег. Так и вернулись назад.

А моя младшая сестра Валя - учительница иностранного языка, жила с мужем - украинцем в Казахстане.

Когда началась эта перестроечная кутерьма, и казахи стали враждебно относиться к русским, они уехали на Украину. Вот в это непростое время мы снова потерялись. Сегодня я не знаю, что с ними, где они живут, не знаю, свидимся ли мы когда-нибудь ещё.

(Окончание на 5 - й стр.)

ДОЛГАЯ ДОРОГА К СЕБЕ

Узнав о смерти мамы, мы с мужем поехали на похороны. Но судьбе было угодно, чтобы мы туда не попали. На железной дороге произошла авария, и мы три дня просидели в Ачинске на вокзале. На самолёт у нас не было денег. Так и вернулись назад.

**Э.И. (ПАВЛИКОВСКАЯ) ПАНАСЕНКО (СПРАВА)
С МАТЕРЬЮ.**

В СТОЛОВОЙ БЕРЕЗОВСКОГО ДЕТДОМА.

стенком пальто шла пожилая женщина. Из-под платка виднелась прядь седых волос. А память подсовывала совсем другой мамин портрет: молодая красивая женщина, в белом беретике, с модной заколочкой на боку!

Я просто остолбенела и не могла сдвинуться с места, пока мама не подошла! Потом, ко-

мне в день рождения выпала возможность навестить свою знакомую.

Как только наш автобус остановился около школы, я побежала разыскивать нужный дом. Время у меня было ограничено. Эрна Ивановна, зная специфику учительской работы, понимала меня с полуслова. Её муж, видя нашу спешку, помогал нам

мья была дружная. У нас было много хороших знакомых, друзья. Жили, работали, растили детей. Праздники мы всегда проводили весело, вместе с друзьями. Но хорошая жизнь закончилась в 1938 году, когда однажды ночью арестовали твоего отца. Друзья сразу исчезли. Опасно было дружить с женой арестованного. Хороший мой знакомый, который работал в органах, при встрече сказал быстро и мимоходом, чтоб я не ждала мужа, назад он уже не вернётся никогда. Сказал и быстро прошёл мимо.

Так мы остались одни. А через некоторое время пришли и забрали меня с маленьким Ваней. Он ведь был ещё грудным! Стояло лето, в камере духота, свежего воздуха нет, Ванюшка заболел. Потом меня выпустили. Как меня забирали, ничего не объяснив, так и выпустили без всяких объяснений. А Ванюшка уже не поправился - дома поболел ещё немного и умер.

Когда началась война, брата Фёдора забрали на фронт. Где он воевал, что с ним произош-

ЭРНА ИВАНОВНА С ВОСПИТАТЕЛЯМИ ДЕТДОМА.

В КРУГУ ВОСПИТАНИКОВ.

ДОЛГАЯ ДОРОГА

К СЕБЕ

(Окончание. Нач. на 4 - й стр.)

Я сейчас на пенсии, отработала 44 года в народном образовании".
Моя собеседница замолчала, а я заторопилась в школу. Урок немецкой истории не по учебнику длился ровно сорок минут. Эрна Ивановна оказалась хорошей учительницей, полученный материал по истории одной немецкой семьи, даже если захочешь забыть, не забудешь!

***
СПРАВКА: немцы в Россию на жительство были приглашены ещё Екатериной Второй в По-

волжье. До немцев там не было постоянного населения, так всякий бродячий, "вольный" народ.

Екатерина решила колонизовать данную территорию постоянным населением. При переселении немцам было предоставлено много льгот: давали деньги на переселение, 30 десятин земли (32,7 га), на 30 лет они освобож-

дались от всяких податей и налогов и от рекрутских повинностей. Немецкие поселения отличались от русских чистотой и аккуратностью. Широкие улицы с красивыми чистыми домами были обсажены деревьями. В домах всегда подметены полы, в комнатах стояла мебель. Мужчины и женщины отличались аккуратностью и в одежде. Занимались немцы хлебопашеством, огородничеством, табаководством и разведением горчицы. Немцы принесли со своей родины в Россию культуру, свои знания, свои приёмы ведения хозяйства.

***
В 1924 году была образована автономная немецкая республика.

28 августа 1941 года был принят указ о выселении немцев из Поволжья. Правительство опасалось массового предательства. Так русские немцы стали заложниками двух диктаторов: для германцев они русские, а для русских они немцы – для всех чужие!

В 1939 году в нашей стране проживало 1,4 миллиона немцев. С 3

сентября 1941 года пошли на восток эшелоны, в которых находились поволжские немцы. Из бывшей республики было отправлено 438 тысяч 280 человек. Так была ликвидирована республика. Депортации были подвергнуты все жители этой национальности со всех уголков страны. Всех немцев военнопленных отправили в трудовую армию на шахты и заводы, где они умирали от непосильной работы, голода, дистрофии. Только в наш край в сентябре 1941 года было выслано 67 тысяч человек. В начале 42 года были депортированы 1 миллион 210 тысяч человек. Коренное население не встречало их приветливо. Высланным насильно из Поволжья людям запрещалось иметь приусадебные участки, их перебрасывали с места на место, ущемляли их и материально, и морально. Они должны были отмечаться раз в месяц в комендатуре (и взрослые, и дети, начиная с 16 лет).

А после войны русские немцы до 1956 года находились под административным надзором. Только в 1976 году им было разрешено возвращение на родину.

УТРЕННЯЯ ЛИНЕЙКА В БЕРЕЗОВСКОМ ДЕТДОМЕ.

В 40-е годы советские немцы пережили трагическое время. Потеряли кров и все имущество, нажитое годами, вплоть до кухонной утвари.

Были объявлены врагами народа и сосланы в Сибирь. Когда стало известно об Указе от 28 августа 1941 года "О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья", людям дали всего 24 часа на сборы. Посадили в вагоны и повезли в неизвестном направлении. Многие были одеты по-летнему, а привозили на места их уже зимой. очевидцы вспоминают, как их месяцами везли в душных вагонах, не давали еды и воды. Многие рассказывают, как во время поездки в Сибирь умирали люди, которых ночью просто выбрасывали из вагонов.

ОТГОЛОСКИ ПРОШЛОГО

Андрею Андреевичу Четверикову (Аулю) из Березовки в 41-м было 12 лет.

То дни и ночи, проведенные в поезде, он вспоминает, как страшный сон. Но все же, уверен, что нынешнее поколение должно знать и об этом событии. И рассказывает то, о чем не пишут в учебниках истории.

- Везли нас долго, но напрямую, в через Казахстан, чтоб никто не видел. В вагонах - душно, потому что народу было очень много. Нас почти не кормили и относились, как к животным. В вагоне ставили одно ведро, чтобы ходить в туалет. А там же все вместе были: и девчонки совсем молоденькие и мужики. Так стыдно было и до сих пор стыдно. Но мы это пережили.

Память не дает забыть и те страшные моменты, когда они с семьей оказались в незнакомой сибирской деревне без средств к существованию. Отца забрали в трудовую армию, и мама осталась одна с шестью детьми. Тогда двенадцатилетний подросток уже взял ответственность за свою семью. Андрей Андреевич устроился на форму водовозом. За хорошую работу одна из доярок поощряла парня: давала поллитра молока и несколько яиц. Этим кормилась вся его семья. А со временем Аули разработали землю, на которой стали выращивать картофель и другие овощи. Потом даже обзавелись небольшим хозяйством. Стало немного легче. Но отношения коренных жителей с переселенцами оставались, мягко говоря, натянутыми.

- Мы стеснялись говорить на родном языке, - вспоминает Андрей Андреевич, - немец с немцем встречаются, а говорят по-русски. Потому что боялись, что нас засмуют, а то и изобьют.

Родители тайком читали детям немецкие сказки, скромно отмечали национальные праздники. Но учиться в русской школе многие так и не смогли.

По иронии судьбы Андрей Андреевич Ауль полюбил русскую девушку. И она ответила ему взаимностью. Несмотря на запреты родителей, сыграли свадьбу. На которой невестка назвала свекровь мамой и папой. Сердце строгих родителей дрогнуло, и они приняли Нину в свою семью. И даже простили сызу то, что он

"СВОЙ ВЕК МЫ ПРОЖИЛИ НЕ ЗРЯ ..."

История 20 века оставила о себе не самые лучшие воспоминания: гражданская война, революция, нестабильность экономики. 1941 год для каждого из нас ассоциируется с началом Великой Отечественной войны. В некоторых семьях этот период ознаменовался еще одной скорбной датой и страшным словом - репрессии.

Участники встречи, посвященной Дню памяти жертв политических репрессий.

взял фамилию русской жены - Четвериков. Душа в душу прожили Андрей с Ниной 55 лет. Теперь о своей жене, покинувшей этот мир, Андрей Андреевич вспоминает с прежней любовью и уважением. Говорит, что умнее и красивее его Нины, нет ни одной женщины на земле. В браке у Четвериковых родилось трое детей. Сейчас у Андрея Андреевича восемь внуков и четыре правнука.

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ: КТО ОНИ

- Мы не фашисты, - говорит Мария Андреевна Сидорова в начале нашего разговора.

Женщина настолько устала от постоянных насмешек, что к каждому, кто начинает интересоваться ее судьбой, даже сейчас, относится настороженно.

Когда начались репрессии, Марии Сидоровой (Вигель) было два года. В этом возрасте ее семью привезли в д. Березовку Большеулуйского района. Сама она этого, конечно не помнит. Но мама рассказала ей, как в 1941 году их - несколько семей, поселили в одном доме. Так жили полгода, потом отца, как и многих мужчин, забрали в трудовую армию. Сестер отдали в детский дом. Доучиться в школе Маше так и не пришлось - не выдержала насмешек сверстников.

- А однажды, - говорит Мария Андреевна, - учительница заставила исполнить на уроке песню на немецком языке. Я спела, но в школу больше не пошла.

С детских лет Мария работала на ферме, потом на лесозаготовке. Трудилась наравне с мужчинами, а после тяжелого дня домой шли пешком, 18 км по тай-

ге. По дороге пели песни и радовались, что еще один день позади. Несмотря на усталость, бегали на танцы. Как говорит Мария, танцевали до седьмого пота и боли в ногах. А с утра вновь на работу. И сколько не зарекались - высыпаться, вечером вновь бежали на танцы. Судьба тоже свела Марию Андреевну с простым русским парнем. С которым они прожили долгую, непростую, и все-таки счастливую жизнь. И на вопросы о том, поехала бы она в Германию, если представится такая возможность, звучит уверенное: "Нет!".

- Помню время, - вспоминает она, - когда у нас на всю семью были одни кирзовые сапоги. Я прихожу с фермы, снимаю их, муж обувает, идет на работу, потом брат обувает. А теперь у меня столько сапог - за всю жизнь не переносить. И платяев полный шкаф. Хорошо теперь живем.

Самое главное, со слов Марии Сидоровой, это то, что дети и внуки чтят семейные традиции и никогда о ней не забывают. Просят совета, делятся радостями, помогают по хозяйству. И, конечно же, ни одно семейное событие не обходится без ее участия. Для кого-то это покажется обычным делом, а для Марии Андреевны, это самое большое счастье. Впрочем, как и для многих других переселенцев, которые сумели выдержать все горести и беды тех страшных лет.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

В Красноярский край было депортировано 500000 спецпоселенцев.

Среди них были и немцы Поволжья. Так Большеулуйский района стал местом приюта 76 человек - это пятнадцать семей. Сегодня их дети живут в Новоникольске, Березовке, Сучково, но больше все-

павали и попутно переводили эту задорную песенку. А ученики школы рассказывали стихи на немецком языке и исполняли шуточные сценки.

В рамках проекта активно ведется исследовательская работа. Потомки по крупицам собирают всю информацию о жизни немцев Поволжья. А также документы, фотографии, литературу. Сейчас в Александровском СДК оформлена выставка предметов бытового обихода, книг, фотографий. Все это бережно хранилось в семьях русских немцев и передавалось из поколения в поколение.

НЕМЕЦКОЕ СООБЩЕСТВО

Руководитель краеведческого клуба "Родные истоки" из райцентра Людмила Ускова привезла на встречу большой альбом.

Присутствующие с удовольствием посмотрели фотографии с их встреч в разные годы. Кроме того, Людмила Викторовна рассказывала о работах своих воспитанников. В которых они говорят о жизни своих дедов - переселенцев из Поволжья. Так проект о депортации немцев Поволжья в Красноярский край, начатый Евгением Христом, дипломантом краевого форума "Молодежь и наука" 2006 года, продолжил Иван Лавринович. Он изучил историю семьи Альтергот, которая подверглась политическим репрессиям. Людмила Ускова призвала юных участников встречи к совместной работе по изучению родных корней.

Говоря в целом о мероприятии, нужно отдать должное его организаторам и руководителю проекта. Ведь для того, чтобы реализовать эту программу, и собрать вместе людей с одним прошлым, они обработали огромный пласт информации. Благодаря им, будущее поколение узнает об истории своих семей, немецких традициях, а главное сохраняют родной язык.

Кроме того, заместитель председателя районного совета депутатов Владимир Гейнц сообщил собравшимся радостную весть. С этого дня начнется работа по объединению переселенцев из Поволжья в немецкое сообщество. Он отметил, что для него, тоже немца по национальности, важно, чтобы наш район на самых разных мероприятиях могли представлять участники объединения. Надо ли говорить, как приняли эту новость присутствующие? Ведь для них это значит, что встречи, которые для многих являются последней отдушиной в жизни, будут продолжаться.

Эту уникальную фотографию передал нам житель деревни Черемшанка нашего района Дмитрий Степанович Денгуб.

На старом портрете размером 20 x 25 см запечатлен его дед, Тарас Иванович Денгуб. Сухие строчки документа, полученных еще в 1989 году из управления КГБ по Красноярскому краю, свидетельствуют о его семейном по-

МЕСТО РАССТРЕЛА - ГОРОД АЧИНСК

3 декабря 2005г

ложению и месте жительства. В справке сказано:

«Денгуб Тарас Иванович, 1879 года рождения, уроженец дер. Перелаз Суражского района бывшей Черниговской губернии, на день своего ареста 4 октября 1936 года проживал в деревне Черемшанка, Бобровского сельского совета, Ачинского района, Красноярского края, работал

рядовым колхозником в колхозе «Пятилетка» этого же сельсовета, имел следующий состав семьи:

- жена Денгуб Пелагея Ивановна, 58 лет;

- сын Степан, 30 лет;

- дочери Анисья, 27 лет, Прасковья, 16 лет.

Зам. начальника Управления

А.Е. Сафонов».

Можно добавить к этому, что Т.И. Денгуб, по семейному преданию, ранее был председателем Черемшанского сельсовета. А в канун ареста работал в колхозе «Пятилетка» молоканщиком. Когда Тараса Ивановича арестовали сотрудники НКВД, у семьи Денгубов местные активисты забрали корову и заготовленный пиломатериал. Правда, документального подтверждения этого факта пока нет, но сделан соответствующий запрос в архивный отдел администрации города Ачинска. Надо ли говорить, что обвинения в адрес Т.И. Денгуба были полностью надуманными и необоснованными? Не мог бывший председатель сельсовета быть антисоветчиком, врагом или шпионом - это просто абсурд.

О дальнейшей судьбе сельча-

нина рассказал документ, который называется «Свидетельство о смерти». В нем записано, что «гражданин Денгуб Тарас Иванович умер 30 октября 1937 года... в возрасте 58 лет... Причина смерти - расстрел. Место смерти: город Ачинск.»

Добавим, что одновременно с Т.И. Денгубом были расстреляны еще несколько человек из деревень, которые ныне входят в Большееулуйский район. Среди них - крестьянин из д. Ишимка Никифор Петрович Горюнков, колхозник из Симоново Дмитрий Петрович Дутов, колхозник из Секретарки Фаддей Филимонович Аникеев и другие сельчане. Все они, как Тарас Иванович Денгуб, были впоследствии реабилитированы. Посмертно. Место их захоронения «установить не представляется возможным...». Последние строчки - из официального ответа органов КГБ-ФСБ.

К сказанному можно лишь добавить, что во всех официальных бумагах, рассказавших о судьбе нашего земляка, нет лишь одного - извинения. Или хотя бы такой строчки: «К сожалению...» Как нет

и какой-либо компенсации за его незаконные арест, содержание под стражей и расстрел. Подобные выплаты «наследникам не производятся». Это - тоже строчки из официального ответа.

Единственное, на что могут рассчитывать наследники первой очереди - на выплату компенсации за конфискованное имущество. Но в данном случае таковых просто не оказалось в живых - даже внуку Тараса Ивановича нынче исполнилось 72 года. А ведь факт изъятия имущества еще нужно доказать.

Вместо послесловия. Кстати, мы впервые публикуем снимок одного из незаконно расстрелянных наших земляков. Других попросту не сохранилось. Этот портрет обязательно будет перефотографирован, а копия помещена в экспозиции районного музея.

В. УСКОВ,

секретарь районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Правда, это не помешало советской правоохранительной системе по надуманному обвинению вначале осудить его на тюремный срок (который он отбыл полностью), а затем к ссылке на поселение в Большеулуйский район. Звали его Михаил Иосифович Бессер.

Этот человек имел очень интересную биографию. Он родился 15 сентября 1891 года в польской семье на территории Минской губернии, что в Белоруссии. Отец был лесником у помещика. Миша очень хотел учиться, но условий для этого не было. И тогда он в возрасте 8 лет уезжает к дяде Эдуарду, который взял его к себе на воспитание. Тот служил на железной дороге в Минске. Он и отдал племянника учиться в местную гимназию.

В 1911 году Михаил Бессер успешно закончил обучение и тогда же поступил на медицинский факультет Варшавского университета. Помогло в житейском плане знание польского языка, а Варшава в то время была частью огромной Российской империи.

Когда летом 1914 года началась первая мировая война, Михаил из-за боевых действий переехал в Киев и продолжил обучение в местном университете. Закончил полный курс в 1916 году. Тогда же стал работать врачом в Донецкой области, на станции Ханженково, в городе Харьцызск. Женится.

ИЗ СССР - В ПОЛЬШУ

После завершения одной войны, началась другая - гражданская. И хотя Михаил Иосифович исправно лечил больных, его многое не устраивало в новой власти.

И в 1922 году он получил польское гражданство, которое было подтверждено двумя народными комиссариатами - внутренних и иностранных дел. Тогда же выехал в Польшу, в Пинскую губернию.

Вместе с ним последовало все семейство - жена Лидия Петровна, 1894 года рождения, сын Виктор, 1918 года рождения, и дочь Юлия. Михаил Иванович работал врачом в сельских больницах до 1929 года, затем они переехали в город Пинск. Тогда же, в канун переезда, у них родилась дочь Ирэна. А вот Юлия умерла - это было огромным горем для семьи Бессер. Однако еще большие испытания ждали их впереди.

ИЗ ПОЛЬШИ - В СССР

В 1939 году советские войска вошли в Западную Белоруссию, куда относился и город Пинск. Вначале для семьи врача ничего не изменилось - он продолжал лечить больных.

Однако вскоре последовала целая серия политических репрессий против всех, кто мог представлять какую-либо угрозу советской власти. В число "неблагонадежных" попали отец и сын Бессер, которые были арестованы. Это произошло 13 апреля 1940 года. Михаила Иосифовича, как "социально-опасный элемент", по этапу вывезли вместе с другими поляками в Казахстан. Он был поселен в село Имантав Арыкбалыкского района Акмолинской области вместе с женой и дочерью Ирэной. О судьбе сына

В нашем районе отбывали ссылку в советские времена видные ученые, писатели, врачи, журналисты и преподаватели. Некоторые из них имели высшее образование. Но человек, о котором сейчас пойдет речь, выделялся даже среди них. И имел, как оказалось, подданство Польши.

Виктора, также арестованного, им ничего не удалось узнать.

По отношению к полякам, которые попали в жернова репрессий, советское правительство придерживалось двойственной политики. С одной стороны, их безжалостно арестовывали и ссылали, с другой, заигрывали, словом, применялись методы "жнута и пряника". Особенно важным оказалось последнее после начала Великой Отечественной войны, когда понадобилось привлечь хотя бы часть поляков на свою сторону. Действовало польское посольство в СССР, даже было объявлено о создании польского правительства в изгнании на территории Советского Союза. А в августе 1941 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому для многих польских граждан объявлялась амнистия. Попал в это число и Михаил Иосифович Бессер.

ПОЛЬСКИЙ ДОВЕРЕННЫЙ

Очевидно, он пользовался у польских ссыльных авторитетом.

Поэтому был назначен на должность "доверенного по оказанию помощи находящимся в районе польским семьям". То есть стал служащим польского представительства по Арыкбалыкскому району Акмолинской области Казахстана.

Скорее всего, Михаил Иосифович посчитал, что в данный момент эта работа намного важнее, чем врачебная практика. Очевидно, слишком многие поляки в Казахстане оказались просто в бедственном положении, без работы, без средств к существованию. Ведь, несмотря на амнистию, уезжать оттуда куда-либо им запрещалось.

Однако продолжалась эта деятельность не слишком долго. Ведь поляки представляли для органов НКВД просто благодатный "материал". Часть из них долгое время жила в буржуазных государствах - Западной Украине и Белоруссии, кто-то приехал в Казахстан из Англии, причем на вполне легальных основаниях. Ну, чем не предлог - рядом находятся представители капиталистических стран, готовые шпионы.

И не столь важно, что доказательства враждебной деятельности полностью отсутствовали. Главное - отрапортовать, что раскрыта деятельность шпионской организации. В это число якобы входило 8 человек, в том числе и М.И. Бессер. Он был арестован в феврале 1943 года. Михаил Иосифович на допросах усиленно доказывал, что ни в чем не преступил закон. Даже в обвинительном заключении записано, что он "виновным признал себя частично". Однако какие-либо аргументы в свою защиту следствие просто отменяло. М.И. Бессер был осужден особым совещанием на пять лет лишения свободы.

НАДЕЖДЫ НЕ ОПРАВДАЛИСЬ

Отбыв срок заключения во Владимирской тюрьме, Михаил Иосифович был освобожден, и получил на руки справку с точным указанием, что он является польским гражданином и польским подданным.

Польша в послевоенный период была воссоздана, как независимое государство. Именно там находилась его семья, с которой он был разлучен с 1946 года. Поэтому Михаил Иосифович поехал в Москву, явился в польское посольство. И получил польский паспорт и... право выезда в Польшу. Казалось бы, все проблемы сняты, и можно ехать. Однако его зачем-то направляют за визой в Пинск, в органы МВД. А там польский паспорт у него изъяли, визу на выезд по неизвестным причинам не выдали. Словом, все надежды в одну минуту рухнули.

Пришлось Михаилу Иосифовичу устраиваться на работу врачом в городе Дрогоичин Пинской области. Он был терапевтом, рентгенологом и хирургом. Однако проработал он там лишь семь месяцев. 29 декабря 1948 года следует новый арест. В СССР тогда развернулась очередная волна репрессий. И были арестованы многие из бывших политических заключенных, уже отбывшие свой срок. В это число попал и М.И. Бессер. Причем никакого обвинения ему не предъявляли, а лишь повторно рассматривалось его старое дело. С той лишь разницей, что его именовали не польским гражданином, а советским.

Напрасно М.И. Бессер доказывал, что он имеет польское подданство, и это подтверждалось материалами в его первом деле, и является польским гражданином. Никакие названные им документы следователи к делу не приобщили (а точнее, не захотели приобщить). 31 декабря 1948 года ему предъявили постановление об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей. И только 21 января 1949 года заполняется анкета арестованного во внутренней тюрьме управления МГБ Пинской области. Очевидно, было очень много арестованных, если анкету заполнили не сразу, а почти через месяц после ареста.

ССЫЛКА В СИБИРЬ

В июне 1949 года под грифом "совершенно секретно" составляется наряд на отправку заключенного М.И. Бессера в ссылку на поселение в Красноярский край.

Этот документ зарегистрирован в УМГБ Красноярского края 16 июля 1949 года. А прибыл Ми-

хаил Иосифович в Большой

Улуй 9 сентября 1949 года. Был направлен в Бобровку, где работал врачом в местном фельдшерском пункте. В его личном деле, до сих пор хранящемся в архиве ФСБ в городе Красноярске, есть заполненная им собственноручно автобиография. Датирована она 22 сентября 1951 года.

После смерти Сталина в марте 1953 года начался процесс освобождения политических ссыльных. М.И. Бессер ходатайствовал перед управлением МВД Красноярского края об освобождении его из ссылки и выдаче разрешения на выезд в Польскую Народную Республику.

29 марта 1954 года появляется документ краевого управления МГБ, который называется "Заключение об освобождении из ссылки на поселении". В нем есть все данные на Михаила Иосифовича, причем он не только именуется гражданином Польши, но и сказано, что "...представил документы, подтверждающие его польское гражданство". Более того, "президиум Варшавского горсовета Польской Народной Республики изъявил согласие на приезд Бессер М.И. из СССР в Польшу." При этом было подтверждено - за время нахождения в ссылке компрометирующих материалов на него в УМВД края не поступало. Как написал в справке под грифом "совершенно секретно" начальник Большеулуйского РО МВД капитан Каминский, "за время нахождения на поселении в Большеулуйском районе Бессер склонности к совершению побега не проявлял. В Б-Улуйском РО МВД по оперативным учетам не проходит".

А завершал упомянутый документ предложение: "Бессер Михаила Иосифовича из ссылки на поселении освободить. Настоящее заключение с лично-учетным делом на Бессер направить в МВД СССР на рассмотрение в установленном законом порядке".

ИЗ БОЛЬШОГО УЛУЯ - В ПОЛЬШУ

Как говорится, дело вроде сделано, но еще не завершено. И только 30 сентября 1954 года в нем появляется новый документ - постановление об освобождении из ссылки на поселении.

В нем сказано, что ссыльнопоселенец Бессер Михаил Иосифович из ссылки освобождается, а его личное учетное дело сдается "на хранение в архив 1-го Спецотдела УМВД Красноярского края". Его, кстати, утверждал не только начальник краевого управления МВД, но и прокурор Красноярского края. Но если первый - 30 сентября 1954 года, то второй 2 октября 1954 года. То есть в октябре этого года М.И. Бессер, судя по всему, должен был выехать из Большого Улуя к своей семье в Польшу.

Мы, к сожалению, не располагаем какими-либо сведениями о дальнейшей судьбе Михаила Иосифовича. И будем благодарны всем, кто что-либо знает о подробностях его пребывания в ссылке, либо о жизни после возвращения в Польшу.

В. УСКОВ.

Материалы предоставлены Красноярским обществом "Мемориал".

ИМЕНА ВОЗВРАЩАЮТСЯ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

Недавно житель Березовки А.З. Елисеенко получил письмо из Регионального Управления федеральной службы безопасности по Красноярскому краю. Поскольку речь идет о трагической судьбе его деда, когда-то проживавшего в деревне Ишимка нашего района, мы приводим текст практически полностью.

"Уважаемый Анатолий Захарович!

На Ваше заявление... сообщаем, что в архиве Регионального Управления ФСБ России по Красноярскому краю имеется архивное уголовное дело на Елисеенко Андрея Родионовича, в отношении которого сообщаем следующее.

Елисеенко Андрей Родионович, 1885 года рождения, уроженец Могилевской губернии, крестьянин-единоличник, проживавший в деревне Ишимка Ачинского района Красноярского края, был арестован 14.02.1930 г. органами ОГПУ по необоснованному обвинению в создании антисоветской кулацкой группировки. На день ареста состав семьи: 6 человек, из них 4 человека нетрудоспособных (других сведений не имеется).

Постановлением Особой Тройки при полномочном представителе ОГПУ по Сибкраю от 05.03.1930 г. Елисеенко А.Р. назначена высшая мера наказания – расстрел, семью выслать, имущество конфисковать. Постановление приведено в исполнение 14.03.1930 г. в городе

Ачинске. Сведений о месте захоронения в материалах дела не имеется. Документов, подтверждающих конфискацию имущества и высылку семьи Елисеенко А.Р., в деле не имеется. Смерть Елисеенко А.Р. зарегистрирована в отделе ЗАГС администрации г.Ачинска (актовая запись № 13 от 05.05.1989 г.)

Реабилитирован Елисеенко А.Р. 08.06.1989 г. Прокуратурой Красноярского края.

Дети Елисеенко А.Р. вправе обратиться в связи с необоснованным осуждением отца в Прокуратуру Красноярского края (660049, г.Красноярск, пр. Мира, 32), приложив документы, подтверждающие их родство с Елисеенко А.Р. (свидетельство о рождении).

*Начальник отдела
В.И. Кондоба".*

От редакции. К сожалению, пока не удалось получить документальное подтверждение о конфискации имущества и высылке семьи жителя Ишимки А.Р. Елисеенко. Об этом сделан соответствующий запрос в архив г. Ачинска.

Добавим, что один из сыновей Андрея Родионовича, Захар Андреевич Елисеенко, 1922 года рождения, впоследствии был призван в ряды Красной Армии и в годы Великой Отечественной войны стал прославленным разведчиком, сержантом, воевал на Калининском фронте. Был удостоен ордена Славы третьей степени, медали "За отвагу", других наград. Сейчас его уже нет в живых.

РЕПРЕССИРОВАН ДВАЖДЫ. РЕАБИЛИТИРОВАН ЛИШЬ РАЗ

Вестник 31 мая 2000г

В деревне Новая Еловка живет немолодая уже женщина Галина Станиславовна Ушакова. Проработав почти всю сознательную жизнь в лесной промышленности Томской области, она переехала с мужем в наш район недавно, к взрослой дочери. А родом Г.С. Ушакова из Игарки, с севера Красноярского края. Причем ее отец был сослан туда еще в 1930 году. Вот о судьбе этого человека и пойдет сейчас речь.

Итак, Станислав Людвигович Баран родился и проживал в местечке Городок Проксуровского района Каменец-Подольской области. Происходил из крестьян-бедняков, что впоследствии было скрупулезно зафиксировано в его следственном деле. Кстати, именно на данный документ, впрочем и на другие, мы и опираемся в этом материале. Был Станислав малограмотен, в партиях не состоял, по социальному положению являлся рабочим. И, кстати, был гражданином СССР. Одна деталь в биографии несколько отличала его от других - он являлся поляком. Что впоследствии здорово сказалось на его судьбе.

В 1926 году он впервые повстречался с советской административной системой - его судили "за хищническое уничтожение леса", приговорили к трем месяцам принудительных работ. То ли национальность сказала, то ли предвзятое отношение местных властей. Во всяком случае, после подачи кассационной жалобы С.Л. Баран был оправдан.

Однако подоспел 1930 год - время, когда осуществлялась массовая коллективизация. Вот тогда-то и осудила его "тройка" к пяти годам административной ссылки на север. Единственное послабление сделали для его жены - она осталась дома. Аделя Каспаровна нянчилась с малым ребенком, Сигизмундом.

Итак, Станислав оказался в Игарке. Как и все многочисленные местные ссыльные, он обязан был регулярно отмечаться в спецкомендатуре. Устроился на работу машинистом электростанции №2 на главном предприятии города - лесопромкомбинате. Через пять лет, когда истек первоначально назначенный срок ссылки, стало ясно - таких бедолаг оставляли здесь на неопределенный срок, практически навечно. Станислав так и написал в письме жене: "Этому, видно, не будет конца". И Аделя Каспаровна решила ехать к мужу. Собрала нехитрый скарб, а дом почти

со всем имуществом остался в распоряжении колхоза. Так семья оказалась вместе в Игарке. Вместе с Аделей приехала и мать мужа, Станислава Францевна, а также сын, Сигизмунд, которого отец не видел пять лет.

Семью нужно было где-то размещать. И тогда Станислав, договорившись с товарищем по работе Маршином Лысаковским, решил построить вместе с ним двухквартирный деревянный дом. Благо, что с лесом проблемы не было. Дом построили, заселились. В 1936 году родилась дочь Нина. Казалось бы, жизнь стала как-то налаживаться, насколько это вообще возможно в условиях ссылки на Север на неопределенный срок. И тут грянул 1937 год...

Восьмого октября Станислава Людвиговича арестовали. На следующий день вызвали на допрос. В протоколе, который сейчас вместе со следственным делом находится в Государственном архиве Красноярского края, есть немало странных моментов. Например, оперуполномоченный Игарского горотдела НКВД задал ему только два вопроса. Вначале спросил о знакомых, с кем он поддерживает связь, а также о родственниках, проживающих за границей. Последних, кстати, не оказалось. Станислав назвал имена четырех товарищей по работе, и трех человек родни, проживающих на Украине. И все, допрос на этом закончился. Ни слова об антисоветской, шпионской деятельности, о диверсиях и взрывах. То ли оперуполномоченный в душе понимал, что не мог этот рабочий совершить ничего противозаконного, то ли был так заматан непрерывными ежедневными допросами, что ему в голову не приходило вообще никакие мысли.

При аресте в доме был произведен и обыск. Кстати, проводил его сотрудник НКВД Наумов, а понятым был... его коллега Потапов. Единственной вещью, изъятой в ходе обыска, было "удостоверение на имя Баран С.Л., выданное Игарским ГО НКВД как адмиссылному". Таким образом, паспорта он не имел.

Несмотря на отсутствие каких-либо вещественных доказательств, и без предъявления любых обвинений в адрес Станислава, он был отправлен в Красноярскую тюрьму. И находился там... целый год. Не было ни допросов, ни очных ставок, ни следственных действий. Лишь к концу 1938 года вспомнили об

арестованном машинисте электростанции из Игарки. И... закрутилась машина. Огромную роль сыграла его национальность. На свет появляется постановление о продлении срока содержания под стражей и ведения следствия от 9 декабря 1938 года.

Вот что написал помощник оперуполномоченного XI отдела краевого управления НКВД в этом документе: "Допрошен два раза. Сознался в том, что являлся активным участником польской шпионско-диверсионной группы, завербован в 1924 году, поддерживал связь с польским разведчиком. В 1933 году создал и возглавил в Игарке шпионско-диверсионную группу, пытался поджечь и уничтожить Игарский лесопромкомбинат, 6-го июля 1937 г. взорвал цилиндр двигателя на электростанции №2, вследствие чего лесозавод №3 и в целом лесопромкомбинат стоял без работы 1,5 месяца..."

Не нужно быть специалистом, чтобы уловить явную неправду в этом документе. Во-первых, допрошен подследственный всего раз, ибо протокола второго допроса попросту нет. Если бы уж он и присутствовал, то там должна быть подпись С.Л. Барана. То есть, тем самым он признал бы все обвинения. А они явно выдуманы.

Уж если он "создал и возглавил шпионско-диверсионную группу", то по крайней мере надо было назвать число ее участников, в правильнее всего - перечислить их фамилии. Группы попросту не было, и обвинение в ее создании явно "притянута за уши". Что же нашел автор этого документа? Видя, очевидно, что доказать вину Станислава трудно даже в условиях массовых политических репрессий, он предложил: "Для полноты дела необходимо получить ряд документов, допросить дополнительно свидетелей и провести с ними очные ставки...". Поэтому он постановил: "Возбудить ходатайство перед прокурором Красноярского края о продлении срока содержания под стражей и ведения следствия по делу Баран сроком на один месяц, т.е. до 8-го января 1939 года".

Парадокс в том, что Станислав Людвигович просидел в тюрьме уже больше года, и никто срок пребывания продлить ему не собирался. А тут - на тебе, удусушили. Уже 19 декабря 1938 года ему показали постановление о предъявлении обвинения. Вот в этом документе уже фигурировали фамилии его "подельни-

ков". Оказывается, в состав возглавляемой Бараном группы входили "польские перебежчики". Удивительный факт - в закрытом городе, с усиленным пограничным режимом, со спецкомендатурой, вдруг появляются ни с того, ни с сего выходцы из Польши. Скорее всего это были обычные ссыльные польской национальности. И лишь по воле работников НКВД, от которых требовали раскрытия антисоветских организаций, они оказались автоматически зачисленными в шпионско-диверсионную группу.

Кстати, обвинялся С.Л. Баран по статьям 58-6, 58-9 УК РСФСР. А в обвинительном заключении от 20 декабря 1938 года появляется еще и статья 58-11. Вообще, это вполне тянуло на смертную казнь, либо, в лучшем случае, на большой срок заключения. И помощник оперуполномоченного делает вывод: "Настоящее следственное дело за №21413, по обвинению Баран Станислава Людвиговича в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-6, 58-9 и 58-11 УК РСФСР, подлежит рассмотрению Военного Трибунала"

Мы, очевидно, никогда уже не узнаем, почему не передали его дело в этот грозный орган. Уже истек установленный срок содержания под стражей и ведения следствия, прошло еще несколько месяцев. И лишь 19 июля 1939 года появляется постановление о прекращении следдела № 21413. Его составил исполняющий обязанности следователя следственной части УГБ УНКВД Коптев. Волшебным образом из обвинения исчезает статья 58-11.

Коптев пишет: "Баран арестован... Игарским ГО НКВД по каким признакам, из дела не видно". Далее он продолжает: "Обвинение предъявлено Баран по статье 58-6 и 58-9 УК, следствием не доказано..." И потому он постановил: следственное дело прекратить, С.Л. Баран из-под стражи немедленно освободить.

Однако этот документ должен был быть согласован еще с двумя старшими следователями, а потом утвержден начальником управления НКВД. Подпись последнего датирована 27 июля 1939 года. И лишь на следующий день в деле появляется подпись С.Л. Баран - он получил долгожданную свободу. Таким образом, провел в заключении совершенно безвинно год и девять месяцев. По семейному преданию, о его освобождении ходатайствовали представители трудового коллектива, в котором он

работал. Дело в том, что он был специалистом, что называется, от Бога. И на слух определял неисправности механизмов, что помогало их своевременно ремонтировать. Конечно же, и в мыслях он не предполагал "неоднократно... поджечь Игарский лесокмбинат путем оголения подземных электропроводов высокого напряжения, в результате чего на бирже экспортного сырья и пиломатериалов возникали пожары".

Итак, Станислав Людвигович вернулся в Игарку, к семье, вновь вышел на прежнюю работу. Однако, скорее всего, так и оставался на положении ссыльного - от этого его никто не освобождал. Работал, отдавал все силы производству и тогда, когда началась Великая Отечественная война. А в 1943 году, весной, призвали и его, несмотря на положение ссыльного. Причем, неожиданно оказалась востребована его национальность. Станислава зачисляли в Польскую дивизию Тадеуша Костюшко, которая формировалась на территории Советского Союза. Как видно, вопрос о его благонадежности никого уже особо не волновал. А в октябре 1943 года их дивизия, в том числе и 2 польский пехотный полк, в котором служил рядовой С.Л. Баран, прибыла на фронт. В первом же бою, 12-го числа, он пропал без вести. Скорее всего, сложил свою голову. Было это в районе местечка Ленино Горьковского района Могилевской области, что в Белоруссии.

Все это было установлено недавно, после длительной переписки, которую вела Г.С. Ушакова с различными организациями. Кстати, она родилась в Игарке в 1942 году. Однако до сих пор не удалось документально установить, должна или нет она быть признанной пострадавшей от политических репрессий. Утешает ее лишь то, что отец, Станислав Людвигович Баран, реабилитирован Красноярским региональным управлением ФСБ. Было это 11 августа 1999 года. То есть, посмертно. Это за те один год и девять месяцев, что он провел в тюрьме. А вот за многолетнюю ссылку реабилитацию он пока не получил.

Жаль, что о его посмертном прощении родным государством так и не узнали близкие. Жена, Аделя Каспаровна, в 1963 году вернулась на свою родину из добровольной ссылки. Их дома уже не было. Она ушла из жизни в 1985 году. А в 1994 году, почти одновременно, умерли их дети Сигизмунд и Нина. Самый младший, Антон, родившийся в сентябре 1937 года, за месяц до ареста отца, умер совсем маленьким.

В. УСКОВ.

МОЯ СЕМЬЯ

В ТЕ ТРУДНЫЕ
ГОДЫ

Моя бабушка и дедушка, а зовут и мама, - советские немцы.

Начало своей истории как народа нашей страны они относят ко второй половине восемнадцатого века. Тогда царским указом Екатерины II в Россию двинулся первый поток немецких земледельцев и ремесленников. Поселенцы оседали в основном на Волге. В 1924 году была образована автономная союзная республика немцев Поволжья. Вот в этой республике, в селе Красный Яр Саратовской области и родилась в 1931 году моя бабушка Екатерина Каспаровна Риттер.

Немецкая республика была цветущим краем и считалась житницей страны. Семья Риттер жила неплохо. Был свой дом, большой сад, хозяйство. С началом Великой Отечественной войны вышел указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941, по которому немцев выселяли с объектов мест. Это весть встревожила людей. Ночью в селе никто не спал. Люди плакали. На сборы им дали 24 часа. Разршили брать с собой одежду, постельные принадлежности и в дорогу - еду. За всей этой подготовкой следили сотрудники НКВД. Все проверяли. На оставленные дом и хозяйство они выдавали расписки, но без печати и штампа.

Четвертого сентября началось погрузка. Опять надрывающе душу рыдания. На подводы грузили вещи, сажали больных, детей, стариков. Остальные шли рядом. Длинная вереница подвод в окружении солдат НКВД транулась из родного села... Вокруг слышались отчаянные крики: "Почему?", "За что?". Люди не понимали, что происходит, почему надо оставлять родные дома, могилы близким, любимую работу.

На станции всех погрузили в вагон для перевозки скота. Везли долго. И вот 19 сентября остановились в Ачинске. На вокзале переселенцев уже ждали колхозники из деревень. Привезли несколько семей в деревню Александровку. Расселили кого куда. Многие ждали приематривались и прибывшим с интересом: немцев привезли! Некоторые удивлялись, что они такие же люди, а многие говорят и по-русски.

Моя бабушка не умела

разговаривать на русском языке, ей было десять лет. В Поволжье она училась в школе и закончила два класса. Здесь они были чужими, и в школе их нередко обзывали, в то и били, особенно доставалось мальчишкам. Долго бабушка ничего не принимала, только сплывала у других ребят. Вскоре ее отца забрали в трудовую. Мать работала в колхозе, но денег не получала, есть было нечего. Привезенные с собой вещи выменивали на продукты. Жили тем, что кто-то даст, собирали колоски, ели траву.

Из школы бабушка ушла, сначала сидела дома с братом, потом помогала матери. Работала тогда от зари до зари, отдавая последние в фонд обороны. Вскоре семья узнала о гибели отца. Тогда бабушка пошла работать на свиноводник. И там она трудилась до самой пенсии, имела много правительственных наград.

А в ноябре 1948 года вышел другой указ, в нем говорилось, что выезд немцев с мест поселений без особого разрешения органов внутренних дел не положен. Подрабатывающих парней не брали в армию, родившихся детей тоже ставили на учет спецпоселения. С 1941 по 1986 годы советские немцы имели статус спецпереселенцев и были ограничены в гражданских правах. На них навешивали ярлык фашистов, они теряли свою национальную культуру, лишены раз боялись заговорить на родном языке. Но и после указа 1956 года немцы не имели права возвращаться на родину. Только в августе 1984 года они получили реабилитацию.

Как им забыть все горести и унижения? Когда их спрашивают о тех годах, многие не могут сдерживать слез. Но и нам нельзя этого забывать. Чтобы никогда это не повторилось.

Нам, потомкам, было приятно прочитать в газете призыв к местным властям о предложении в честь 66 - летия со дня Победы отмечать и тех, кто находился в рядах трудовых. Их осталось уже не много. Они ведь тоже внесли немалый вклад в общую Победу над злейшим врагом человечества - фашизмом.

ТАТЬЯНА ЛОЧМАН,
д. Новая Еложа.

МЕМОРИАЛ

РАССТРЕЛЯНЫ И... РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

Сегодня мы публикуем список жителей Большесудского района, арестованных в тридцатых годах. Подавляющее большинство из них осуждено тройкой УНКВД, а затем расстреляно или помещено в заключение. Документ далеко не полный, и нуждается в уточнении. Его составил по нашей просьбе Владимир Биргер из краевого общества "Мемориал". В сопроводительном письме он пишет: "Вообще у нас почему-то очень мало сведений по вашему району. Поясню: данные по арестам - это в основном из реабилитационных полков крайсудов и отдела записей актов гражданского состояния. У меня только один раз, давно, прошел ваш район, этот мемориал вам тоже отправляю / он будет опубликован в районной газете - ред./... Почему по крайсуду так мало передатчиков по вашему району - не очень понятно. Вообще у нас в среднем по какому-либо району данные на несколько сот арестов / например, по Уярскому - с полтысячи! "

Внимательно читайте в эти фамилии. В некоторых случаях нет никаких указаний на то, где проживал арестованный, встречаются неточности. Документ составлен лишь на тех лиц, которые, как правило, уже реабилитированы. Он еще будет пополняться. Внизу помещаем дополнительные сведения по тем данным, которые были собраны ранее журналистами газет "Вести" и "Красная звезда". В настоящее время готовится список сошедших на территорию нашего района, также предоставленный краевым "Мемориалом".

Антонян Ефим Михайлович, 1898 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Арбузов Данил Михайлович, 1891 года рождения, д. Листьянка, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Аузен Карл Мартынович, 1893 года рождения, д. Окуново, латыш, расстрелян 22.02.38 г. в г. Ачинске.

Беленин Данил Иванович, 1904 года рождения, колхозник колхоза имени Громова /Новая Елонка-7/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Белошапкин Василий Никифорович, 1898 года рождения, крестьянин, с. Большой Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Бочарников Макар Михайлович, 1893 года рождения, колхозник колхоза "К.Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Вакромев Максим Лукьянович, 1877 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Витовский Алексей Денисович /по нашим сведениям - Данилович/, 1899 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. к высшей мере наказания.

Власов Трофим Павлович, 1868 года рождения, колхозник, д. Симоново, расстрелян 16.11.37 г. в г. Ачинске.

Волот Станислав Станиславович, 1895 года рождения, крестьянин, д. Красная, расстрелян 27.03.38 г. в г. Ачинске.

Гивад Сергей Иванович, 1910 года рождения, пожарник лесхоза, с. Большой Улуй, расстрелян 22.02.38 г. в г. Ачинске.

Горюков Никифор Петрович, 1886 года рождения, крестьянин, д. Ишимка, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Декгуб Тарас Иванович, 1879 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Донев Григорий Николаевич, 1887 года рождения, д. Счастливец, осужден тройкой 25.09.30 г. к высшей мере наказания.

Дутов Дмитрий Петрович, 1879 года рождения, колхозник, д. Симоново, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске.

Ефремов Василий Тимофеевич, 1868 года рождения, крестьянин, д. Бобровка, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Жинкин Никифор Никифорович, 1885 года рождения, с. Большой Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Заболотец Степан Миронович, 1908 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Завьялов Николай Николаевич, 1909 года рождения, служащий, директор машинно-тракторной станции, с. Большой Улуй, арестован 16.12.37 г., освобожден 16.07.39 г. за недоказанностью вины.

Иванов Александр Иванович, 1886 года рождения, бывший уразник, д. Новоикольск, осужден тройкой 9.12.37 г. на восемь лет лишения свободы за антисоветскую агитацию /АСА/.

Капистонов Иван Осипович, 1906 года рождения, д. Листьянка, осужден 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Каширин Григорий Степанович, 1888 года рождения, д. Листьянка, арестован 15.01.38 г., осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Кисляевич Иван Иванович, 1894 года рождения, крестьянин, д. Троицкое, депортирован /выслан/ в январе 1930 года.

Кобылкин Александр Моисеевич, 1897 года рождения, крестьянин, с. Большой Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Ковалев Ефим Васильевич, 1892 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.03.38 г. к высшей мере наказания.

Кожемякин /правильно - Кожемяко/ Мирон Тарасович, 1904 года рождения, крестьянин, д. Удачное, арестован 15.02.38 г., осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания, расстрелян 20.09.38 г. в г. Ачинске.

Кондратенко Савелий Петрович, 1892 года рождения, колхозник колхоза имени Громова /Новая Елонка-7/ осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Костюков Михаил Амосович, 1892 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан", осужден тройкой 25.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Кравченко Петр Федорович, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Кузнецов Алексей Калинович, 1900 года рождения, с. Большой Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Кузнецов Александр Георгиевич, 1881 года рождения, священник, протоиерей, д. Новоикольск, арестован в 1936 г., погиб в заключении в 1936 году.

Кулаков Тимофей Семенович, 1903 года рождения, заведующий базой машинно-тракторной станции с. Большой Улуй, арестован 2.12.37 г., осужден тройкой 9.12.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Лоч Иван Андреевич, 1907 года рождения, латыш, колхозник, д. Окуново, осужден тройкой 4.12.37 г. за антисоветскую агитацию на 10 лет лишения свободы, предположительно, сраж отбыл в Усольяге.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ НА 6 СТР.)

МЕМОРИАЛ

РАСТРЕЛЯНЫ И РЕАБИЛИТИРОВАНЫ

(ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА 5 СТР.)

Маслянский Федор Иванович, 1884 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Маслянский Яков Данилович, 1888 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Матвеева Вавдичир Федорович, 1886 года рождения, крестьянин, д. Листвинка, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Михаил Сергей Дмитриевич, 1889 года рождения, колхозник, д. Нейновское, арестован 30.03.37 г., осужден тройкой 5.10.37 г. к высшей мере наказания, расстрелян 17.10.37 г.

Мишкин Иван Филиппович, 1912 года рождения, Большеулуйский район, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Монев Осип Исаич/Евгеньевич, 1870 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Пикаревский Леонид Григорьевич, 1873 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Пронин Василий Григорьевич, 1892 года рождения, д. Красная, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Приказчик Андрей Васильевич, 1892 года рождения, крестьянин, д. Партизан "К. Партизан"/, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Приказчик Влор Васильевич, 1887 года рождения, колхозник колхоза "К. Партизан" (Коченинск), осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Пракис Гавриил Тихонович, 1903 года рождения, капитан, с. Большая Улуй, осужден тройкой 27.06.33 г. на 5 лет лишения свободы.

Рогов /Рогов/ Петр Варфоломеевич, 1890 года рождения, крестьянин, д. Бибровка, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Роголин Иван Александрович, 1891 года рождения, крестьянин, с. Большая Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Рубин Федор Иванович, 1910 года рождения, матрос, колхозник, д. Олуго, арестован 25.10.37 г., осужден тройкой 2.02.38 г. к высшей мере наказания, расстрелян 5.03.38 г. в г. Ачинске.

Рязанов Владимир Викторович, 1902 года рождения, министр села, с. Большая Улуй, осужден тройкой 14.09.37 г. за антистабильные выступления к высшей мере наказания.

Сарченко Виктор Амфилович, 1903 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Сафринин Геннадий Иванович, 1908 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Светланский Константин Селиверстович, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Прикульский" (Алратино, Ачинский район), осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Славкин Евгений Андреевич, 1902 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. к высшей мере наказания.

Сакунин Василий Лаврентьевич, 1874 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. на 8 лет лишения свободы.

Савкина Илья Лаврентьевич, 1898 года рождения, колхозник колхоза "Дружба", осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Стрельцов Иван Емельянович, 1871 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Сучков Николай Антонович, 1895 года рождения, крестьянин, д. Сучково, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Тихонов Василий Александрович, 1883 года рождения, с. Большая Улуй, расстрелян 3.07.31 г. в г. Томске.

Тихонов Денис Иванович, 1906 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Тихонов Николай Иванович, 1908 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 13.05.33 г. на 10 лет лишения свободы.

Тихонов Петр Алексеевич, 1890 года рождения, крестьянин, д. Большая Улуй, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Филиппов Назар Николаевич, 1889 года рождения, рабочий приработчи, Большеулуйский район, осужден тройкой 25.10.37 г. к высшей мере наказания.

Филиппов Павел Михайлович, 1887 года рождения, колхозник, колхозник, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Филиппов Сергей Семенович, 1897 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Хавский Иван Петрович, 1903 года рождения, колхозник, д. Михайловка, арестован в январе 1938 года, осужден к высшей мере наказания.

Храповкин Алексей Федорович, 1875 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Чавуленко Корней Максимович, 1891 года рождения, крестьянин, д. Удачное, осужден тройкой 26.05.38 г. к высшей мере наказания.

Чернин Василий Степанович, 1904 года рождения, счетовод, д. Красная, осужден тройкой 9.03.38 г. на шесть лет лишения свободы.

Черновик Григорий Варфоломеевич, 1899 года рождения, бригадир, с. Красная, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

Черновик Петр Яковлевич, Большеулуйский район, осужден тройкой 13.05.33 г. на пять лет лишения свободы.

Черновик Павел Данилович, 1905 года рождения, крестьянин, д. Сучково, расстрелян 16.07.30 г. в г. Ачинске.

Черновик Андрей Иванович, 1881 года рождения, колхозник, д. Черемшанка, осужден тройкой 26.10.37 г. на 10 лет лишения свободы.

Шолов Яков Ильич, 1873 года рождения, д. Михайловка, осужден тройкой 9.03.38 г. к высшей мере наказания.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК АРЕСТОВАННЫХ
Алексеев Фаддей Филиппович, 1875 года рождения, колхозник, д. Секреторка, осужден тройкой 25.10.37 г. за антиколхозную агитацию к высшей мере наказания, расстрелян 30.10.37 г. в г. Ачинске. Реабилитирован.

Алгирин Петр Анисимович, 1914 года рождения, д. Александровка /?/, осужден 17.10.42 г. по статьям 58-10, 58-14 и 10 лет лишения свободы, содержался в Колпинском тырме с 19.02.42 г. по 12.03.43 г. Вспомогательный персонал Великой Отечественной войны.

Единцов Федор Порфирьевич, 1898 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 27.11.38 г. на 10 лет лишения свободы. Реабилитирован.

Исупов Филипп Андреевич, 1885 года рождения, с. Большая Улуй, осужден тройкой 30.10.29 г. на пять лет лишения свободы. Отбыл наказание в Сиблага, умер 10.03.31 г. Реабилитирован.

Кемин /Кемин/ Лука Власович, 1864 года рождения, д. Черемшанка, арестован в 1936 году.

Сухобок Марк Александрович, 1895 г., д. Троица, осужден тройкой 29.12.37 г. на 10 лет лишения свободы. Умер в Большой Улуй в 1967 году. Реабилитирован.

Федоренко Иван Лаврентьевич, 1867 года рождения, д. Колхозовка, осужден тройкой 24.01.33 г. Реабилитирован.

Чайко Петр Давыдович, 1900 года рождения, д. Троица, осужден тройкой 19.03.33 г. на 10 лет лишения свободы. Вернулся из тырмы в 1943 году. Умер в 1968 году. Реабилитирован.

Как, вероятно, заметили читатели, в опубликованный список практически не вошли жители района, раскулаченные и высланные за его пределы. Пикетину его еще предстоит составить, с помощью наших читателей, и сообщить, каким образом репрессированных. Все, кто хотел бы внести уточнения, замечания в опубликованный список, обращаться в редакцию районной газеты "Вести", к заместителю редактора Владимиру Васильевичу Ускову, телефон 2-12-80.

УДАЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Так сложилось, что в деревне Удачное в тридцатые и сороковые годы было арестовано органами НКВД и увезено много мужиков. Сколько — пока точно неизвестно. Однако есть предварительный список, в котором 18 фамилий. И это далеко не все, кто тогда попал под жернова репрессий.

Назвать точное количество пострадавших пока невозможно, так как многие их ближайшие родственники с тех пор из деревни рывались, кто куда. А для поиска человека, нужно, как правило, чтобы в этом был кто-то заинтересован. Ведь для запроса в компетентные органы необходимо, как минимум, указывать фамилию, имя, отчество, год и место рождения, а также хотя бы примерную дату ареста каждого из репрессированных.

Многие факты с годами стираются из памяти. Однако поиск пострадавших вести нужно хотя бы для того, чтобы восстановить историческую справедливость, вернуть потомкам честные имена их родителей.

Что люди эти пострадали совершенно безусловно, нет никаких сомнений. Да и как им быть, если большинство из 18 удачинцев реабилитированы еще в 1958 году.

Тогда, в конце пятидесятых — шестидесятых годов, прошла так называемая первая волна реабилитации. В это время оставались живы еще многие из сотрудников бывшего НКВД, в свое время арестовывавшие и расстреливавшие, а некоторые, более того, еще продолжали служить в органах. Поэтому людям восстанавливали в глазах посмертно с

оглядкой, осторожно. Чаще всего родственникам сообщали, что такой-то был осужден к 10 или 15 годам лишения свободы, и, находясь в заключении, умер. И придумывали какой-нибудь диагноз — например, правостороннее воспаление легких.

Хотя те, кто писал эти липовые строчки о болезни, прекрасно знали, что человек был расстрелян еще тогда, в тридцатых годах, вскоре после своего ареста.

Уже в те, пятидесятые годы, находились люди, которые пытались узнать правду о своих погибших родственниках.

Например, сын крестьянина Сергея Степановича Финицко, арестованного в Удачном в начале 1938 года и расстрелянного тогда же, в сентябре, работал инженером на шахте. Он написал запрос в комитет государственной безопасности.

Оттуда пришел стандартный ответ: "Ваш отец, находясь в заключении, умер от такой-то болезни". Сын, вероятно, не поверил в такую версию, и написал второе письмо с просьбой подробнее рассказать об обстоятельствах гибели отца, а также просил сообщить, где он похоронен.

Второй ответ был написан крайне грубо и откровенно — если, мол, будете еще писать, то сам окажетесь там, где твой отец.

Вполне возможно, что отвечал один из тех, кто сам в тридцатые и сороковые годы служил в органах НКВД, и на чьей совести была не одна загубленная душа.

Кстати сказать, та волна реабилитации, и так усеченная и осторожная, сошла почти на нет в начале шестидесятых.

А вновь стали открываться архивы год без опасности лишь в 1989 году, после выхода закона "О реабилитации жертв политических репрессий".

И лишь в середине нынешнего года читатели районной газеты "Вести" смогли познакомиться со списком жителей нашего района, репрессированных в годы культа личности. И даже этот, явно неполный перечень фамилий невольно пострадавших наших земляков, свидетельствует об огромном размахе репрессий, захвативших всю страну.

При ближайшем знакомстве со списком арестованных выясняется, что Удачное оказалось на втором месте после Большого Улуя по числу расстрелянных.

В чем дело, почему так получилось? Ведь в некоторых из деревень Приудачья репрессированных было не так много — буквально единицы. А объяснение удачинской трагедии и простое, и страшное одновременно — в деревне проживало несколько человек, которые активно помогали органам НКВД.

Старожилы помнят их имена. Известны они и редакции. Однако называть их не станем лишь по одной причине — их дети до сих пор живут в нашем районе, и они не могут отвечать за то, что совершили когда-то их родители.

Как проходили аресты в Удачном, можно восстановить по документам, а также по свидетельствам старожилов. Очевидно, существовал некий список тех, кто не спешил вступать в колхоз и, как правило, имел крепкое хозяйство. Были это много-

детные семьи, в которых обычно воспитывалось от трех до восьми детей, а то и больше.

Вряд ли можно даже по тем меркам назвать их кулацкими; скорее всего, стоит отнести их к середнякам. Впрочем, в число репрессированных попал даже те, кто имел безмятное происхождение.

Главное значение, очевидно, имело то, как человек относился к доносителям. Если кто-то имел строптивый характер, то вполне мог оказаться в начале в "черном" списке, а затем — в числе арестованных и расстрелянных.

А вершиной эти дела неграмотная девчонка Иришка, а также иркутские Марк, Алексей, Ануфрий, Трофим.

Причем, по воспоминаниям односельчан, почему-то определяющее значение имела, встает ли самая Иришка. А уж остальные из перечисленных мужиков активно участвовали в изъятии имущества у "кулаков". И длилась эта история более десяти лет.

Началось все еще в 1930 году. Именно тогда арестовали Тараса Федоровича Кужемяко, и он в деревню больше не вернулся.

К сожалению, пока ничего конкретного о его судьбе документально установить не удалось. По крайней мере, в архиве краевого управления бывшего КГБ, а ныне федеральной службы безопасности, никаких данных о нем не оказалось.

МЕМОРИАЛ

УДАЧИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

☞ (Оконч. Начи-
ло по 6 стр.).

Зато известна судьба его сына, Мирона Тарасовича Кожемяко, 1904 года рождения. В июне 1932 года он был осужден вместе со своим односельчанином Кротовым за невыполнение твердого задания по продаже хлеба государству к лишению свободы сроком на один год и дополнительному штрафу в 500 рублей. Откуда можно было взять такие немалые по тем временам деньги, если даже очень большая пятистенная изба семьи Кожемяко оценивалась именно в 500 рублей?

Очевидно, представители властей, чтобы взыскать с осужденных эту сумму, продали часть их имущества.

Затем, в 1935 году, у семейства Кожемяко изъяли дом с оставшимися вещами, а в 1938 году арестовали и расстреляли Мирона Тарасовича.

Примерно также действовали представители президиума Удачинского сельского Совета и по отношению к другим семьям - Ефрема Михайловича Антонова, Ефима Васильевича Ковалева, Якова Даниловича Масловского, Сергея Семеновича Фидипенко, и других.

Правда, дома у их семейств не забирали, зато имущество изымали. Причем приходили по несколько раз, выгребали зерно, картошку, съестные запасы. Ольга Сергеевна Армушко-Фили-

пенко и сейчас проживающая в Удачном, вспоминает, что вся семья была в поле, а она одна оставалась дома из-за болезни, когда пришли из сельсовета. Забрали все, кроме ведра ржи, да и то уцелело только из-за того, что его припрятала на русской печи находившаяся там же заболевшая Ольга.

Иногда реквизиторы, не стесняясь, надевали отобранные вещи на себя.

Так, старожилы вспоминают, что Марк, однажды, напялил на себя только что изъятый у "кулаков" овчинный полушубок.

Надо ли говорить, какой плач стоял по деревне, когда по улицам шли представители сельсовета, чтобы забрать нажитое с огромным трудом? А для устрашения у представителей властей имелись револьверы. Причем иногда, их пускали в ход.

Так, Александр Ефимович Ковалев вспоминает, что однажды один из тех, кто раскулачивал, прямо в доме выстрелил из нагана поперек головы причитающей женщины, и она упала без сознания.

А иногда, поскольку в деревне многие были дальними или близкими родственниками, то один брат, или родной, или двоюродный, изымал имущество у другого.

Самое страшное началось в 1938 году. 15 февраля забрали первую группу мужчин, среди них М.Т.Кожемяко, Я.Д.Масловско-

го, Е.М.Антонова, С.С.Филипенко. Четвертого мая настала очередь другой партии, среди них был Е.В.Ковалев.

Всего арестовали, по неполным данным, 11 человек. Их судила тройка, в один день, 26 мая 1938 года, и в этом же году, 20 сентября, всех расстреляли в городе Ачинске. Кроме этого, возможно, тогда же лишили жизни Андрея Михайловича Филипенко и Ивана Михайловича Устиновича. Правда, документы о свидетельстве этому пока нет. И нет еще подтверждения, в 1938 году или нет были арестованы Федор Моисеевич Кротов, Илларион Михайлович Антонов и Федор Ануфриевич Савченко.

Они отсидели по нескольку лет в тюрьме и впоследствии вернулись в Удачное. А семья Ф.М.Кротова - жена и дочери была отправлена в ссылку, супруга там и скончалась.

На этом репрессии в Удачном не закончились. 14 июля 1941 года был арестован 19-летний Василий Антонов, а девятого января 1942 года его расстреляли в городе Ачинске. О судьбе парня подробно рассказано в районной газете "Вести" от 17 октября 1995 года.

Второго августа 1941 года был арестован Анисим Васильевич Ковалев, 1903 года рождения. Его осудил Красноярский краевой суд девятого сентября того же года по

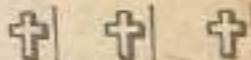
статье 59-б Уголовного Кодекса РСФСР /отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или выполнения повинностей/ к восьми годам лишения свободы. Анисим Васильевич вернулся в Удачное. Время, проведенное в тюрьмах, сильно сказалось на его здоровье.

К сожалению, пока не ясно, будет ли он хотя бы посмертно реабилитирован, однако сделан соответствующий запрос в прокуратуру Красноярского края.

Мы только приоткрыли страничку истории страшного времени, и лишь на примере одной деревни нашего района. Она еще очень неполная, поскольку известны не все фамилии репрессированных. Да и невозможно в пределах одного газетного номера рассказать о всех бедствиях и страданиях, выпавших на долю жителей сибирской деревни Удачное.

Однако наш святой долг перед всеми арестованными, раскулаченными, расстрелянными - поведать о том, как все происходило, хотя бы о части тех мучений, которые испытывали на себе ни в чем виновные люди. Без этого, без покаяния перед погибшими, без памяти о них будет очень трудно жить всему нашему поколению.

ВЛАДИМИР
УСКОВ.

“ЗА МЯГКОСТЬЮ НАКАЗАНИЯ...”

Летом в редакцию зашел житель райцентра Василий Николаевич Антонов. Он сообщил, что в опубликованный список репрессированных жителей нашего района вошли далеко не все. Так, арестованных жителей деревни Удачное в газете “Вести” за 15 июля 1995 года значится всего 14, а на самом деле их было намного больше. Василий Николаевич назвал несколько здравствующих и ныне потомков тех, кто подвергся в тридцатые годы политическим репрессиям. А также привел данные, в которые поверить трудно. Он рассказал, что вместе со взрослыми мужиками из Удачной, которых определяли в кулаки, был арестован и совсем молодой парнишка, Василий Антонов. Его судили, а потом расстреляли. За что, почему? Ответов на эти вопросы нет.

О судьбе В.Е.Антонова запросили управление в федеральной службе безопасности, расположенное в Красноярске. А уже в середине августа его родная сестра, Антонина Ефремовна Астапчук, проживающая в деревне Удачной, получила ответ. В нем написано:

“Ваш брат Антонов Василий Ефремович, 1922 года рождения, уроженец и житель д.Удачное, Ачинского района Красноярского края, был арестован 14 июля 1941 года органами НКВД. Он необоснованно обвинялся в том, что, якобы, проводил контрреволюционную агитацию против Советской власти и Красной Армии, направленную на свержение Советской власти и восстановление капиталистического строя в стране”.

Итак, обращают на себя внимание две обстоятельства. Василий арестовали вскоре после начала Великой Отечественной войны. А ему, девятнадцатилетнему парню, нужно было, вероятно, через некоторое время идти на фронт. Однако, вместо этого он понадеялся... в тюрьму. И мы, наверно, никогда уже не узна-

ем, что такого мог натворить парнишка из сибирской деревни, чтобы его посадили, лишили самого дорогого — свободы. Он не украл, не убил, не был разбойником с большой дороги. И не жил ни одного дня при капитализме, поэтому как мог агитировать за его восстановление? Какие слова он сказал, чтобы его, не имевшего даже среднего образования, обвинили в проведении контрреволюционной агитации?

Повторяю: этого мы никогда не узнаем. Зато известно то, что последовало вскоре за арестом.

“Приговором Выездной сессии Красноярского краевого суда от 5 августа 1941 года Антонов В.Е. осужден на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на три года”.

Случайно страшное событие — парень ни за что/ а теперь это доказано с абсолютной достоверностью/ осужден на большой срок и должен был самые лучшие десять лет своей жизни провести за колючей проволокой. И этого некоторым представителям органов показалось мало.

“Приговор за мягкостью наказания был опротестован прокурором. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 19 сентября 1941 года протест прокурора удовлетворен. Дело направлено на новое рассмотрение в тот же суд. Выездной сессией Красноярского краевого Суда от 5 ноября 1941 года Антонов В.Е. по ст. 58-10 ч.2 У К РСФСР приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 января 1942 года в г.Ачинске. В связи с отсутствием документации места захоронения Вашего брата установить не представляется возможным.”

Реабилитирован Антонов В.Е. прокуратурой Красноярского края 20 мая 1993 года, куда Вы вправе обратиться за справкой о реабилитации брата.

По вопросу регистрации смерти и выдачи свидетельства о смерти Антонова В.Е. Вы можете обратиться в Красноярский краевой суд. При аресте Антонова В.Е. имущество не изымалось и не конфисковывалось. Высылаем в Ваш адрес фотографию брата. Приложение: фотография 1 шт. Зам. начальника управления ФСБ РФ по Красноярскому краю

Н.М.Новоселов”.

Что можно еще сказать по этому поводу? Возможно, каким-то образом повлиять на вынесение столь строгого приговора родословная Василия Антонова, Его отец, Ефрем

Михайлович, также необоснованно был арестован и расстрелян в сентябре 1938 года. А раз парнишка был сыном “врага народа”, то и разговор с ним должен быть коротким. Все-таки, что же послужило конкретным поводом к его аресту?

Скорее всего, это могли быть неосторожные слова, сказанные им в адрес правительств, Советской власти, а то и, страшно сказать, вождя всех времен и народов — И.В.Сталина. Конечно, это только наши предположения. Ясно лишь одного: арестовали благодаря чьему-то бдительному слуху, причем это был кто-то из жителей деревни. На совести этого человека /или группы людей/ оказалась смерть не одного и даже не двух односельчан, а многих. Причем точное число жертв из деревни Удачное до сих пор неизвестно. Их было гораздо больше, чем 16, а список из этого количества арестованных в распоряжении редакции есть. Более того, нам известны имена некоторых из донощиков, которые в течение нескольких лет докладывали о своих односельчанах “куда надо”. Это — тема для отдельного разговора.

В.УСКОВ.

На снимке: один из самых молодых репрессированных жителей нашего района, Василий Ефремович Антонов, которому на момент ареста исполнилось 19 лет.

Фото из архива управления федеральной службы безопасности по Красноярскому краю. Снимок был сделан в тюрьме.

ВЕСТИ

О - ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА БОЛЬШЕУЛУЙСКОГО РАЙОНА

СПУТНИКИ ПОЖИЗНИ

Супружеская чета Цукман, Ольга Степановна и Антон Константинович (на снимке) интересны нашим читателям уже тем, что они являются долгожителями.

Но в биографии 90-летнего Антона Константиновича есть редкая страница. И об этом непременно стоит рассказать.

Антон Цукман – 18-летний паренек из деревни Счастлиное Бычковского сельсовета Большеулуйского района начинал свою актерскую карьеру в латгальской драматической труппе театра «Красный факел» города Новосибирска. Какой-то лихой человек донес в надзорные органы, что в труппе проводится антисоветская агитация среди народных масс, используя в своем репертуаре произведения Михаила Зощенко,

Аркадия Аверченко, Тэффи...

Осенью 1937 года он был арестован по 58-й статье Уголовного Кодекса РСФСР. Став в одночасье изменником Родины и узником ГУЛАГа. «Тройка» НКВД вынесла приговор: восемь лет в тюремных застенках и пять лет «поражения» – ограничения в правах и свободах.

В течение нескольких лет заключенный «Бурлага» А.К. Цукман работал на

строительстве железнодорожной насыпи для будущей Байкало-Амурской магистрали от станций Известковая – Ургал и Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре. А затем его пересели в другое место ссылки – в Коми АССР, где находился «Воркутлаг». Там он работал в адских условиях – в огне и дыму, тушил горящие угольные шахты.

(Окончание на 6-й стр.)

ениях почтовой связи Большеулуйского района открыта подписка на годие 2011 года. Цена составляет 220 рублей. Пенсионерам по «СТИ» можно подписаться и в редакции газеты (без доставки).

9 мая, 2010 г.

6 стр.

ВЕСТИ

ТРЕТИЙ ВОЗРАСТ

(Окончание.)

Начало на 1 - й стр.)

После возвращения из лагерей Антон Цукман начал новую жизнь. Даже попытался вернуться на историческую родину, к своим предкам – в Латвию, в город Балвы.

Но родина не приняла своего «сына». Поэтому он вернулся в Большешулуйский район, где нашли свой вечный приют его родители.

Уже более полувека Антон Константинович проживает в Большом Улуе. Он не нарадуется на свою вторую половину – жену Ольгу Степановну. С которой встретился более трех десятков лет тому назад. Сегодняшняя жизнь супружеской пары Цукман заслуживает большого уважения. Несмотря на то,

СПУТНИКИ ПО ЖИЗНИ

что 82-летняя Ольга Степановна серьезно болеет, она поддерживает чистоту и порядок в доме, много читает, смотрит новости и только хорошие сериалы по телевизору, и задает тон всему в домашнем хозяйстве. Но разве бы всего этого добились Ольга Степановна, если сейчас из-за болезни не может даже самостоятельно выйти во двор? Нет, все «крутится возле Антошки», как нежно на-

зывает она своего спутника жизни. И Антон Константинович, стараясь радовать жену, с раннего утра до вечера всё делает по хозяйству, приводит в порядок сад, огород, двор, баню, постройки. Поэтому их усадьба считается самой образцовой в райцентре. Несмотря на то, что супругам Цукман на двоих почти 173 года!.. Пятого декабря Антону Константиновичу исполнится 91 год.

"ОБВИНЕН НЕОБОСНОВАННО"

На страницах районной газеты в 1996 году вкратце уже рассказывалось о судьбе бывшего председателя колхоза «Новый путь» (д. Кумыры) Кирилла Ускова, который в начале 30-х годов был арестован, а затем расстрелян по надуманному обвинению. Сейчас он посмертно реабилитирован. Оказывается, пострадал он тогда не один. В прошедшем же году стало известно о судьбе его заместителя, Дмитрия Афанасьевича Андреева. Правда, он остался жив, и даже вернулся после заключения домой. Но... так и не узнал при жизни, что его реабилитировали.

Итак, документы, поступившие из управления федеральной службы безопасности по Красноярскому краю, свидетельствуют, что Дмитрия Афанасьевича Андреева, 1901 года рождения, уроженца и жителя д. Кумыры Ачинского района Западно-Сибирского края, работавшего заместителем председателя колхоза «Новый путь», арестовали органы ОГПУ 14 апреля 1933 года. Необоснованно обвинили в том, что, якобы, являлся «членом контрреволюционной вредительской организации».

Постановлением тройки при полномочном представительстве ОГПУ по Западно-Сибирскому краю от 23 апреля 1933 года Д. А. Андрееву назначили наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет. Поскольку осудили его по политическим мотивам, то таких заключенных, как правило, никогда не амнистировали, и они отбывали срок полностью. Если, конечно, им его во время заключения не добавляли.

Дмитрия Афанасьевича официально должны были отпустить из лагеря на Дальнем Востоке в апреле 1943 года. Поскольку шла Великая Отечественная война, политических заключенных, у которых заканчивался срок, домой не отправляли. Их переводили в категорию вольнонаемных, расконвоировали, и они должны были оставаться там же, при лагере, до конца войны.

Например, так произошло с известным советским поэтом, а потом политическим заключенным, осужденным на пять лет, Николаем Заболоцким. Да и не только с ним, а с десятками и сотнями тысяч зеков, которые получили срок до войны по печально известной 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР.

Дмитрий Афанасьевич, хоть и был официально освобожден, попал домой только в октябре 1945 года. Да и то, по семейному преданию, он вместе с такими же бедолагами был отправлен на Запад, на уборку урожая. А в Ачинске Дмитрий Афанасьевич самовольно слез с эшелона, чтобы после более 12 с половиной лет вернуться в родное село.

19 июня 1956 года по определению Военного Трибунала Сибирского военного округа постановление тройки ОГПУ, согласно которому Д. А. Андреев осужден на 10 лет, отменили, а дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Тогда же он был реабилитирован. Однако, по существующим порядкам, бывшим осужденным по политическим мотивам, если только они сами не обращались в правоохранительные органы, справки о реабилитации не выдавались. Поэтому соответствующий документ на своего отца из Новосибирска получила в прошедшем году его дочь, Прасковья Дмитриевна Урдаева, жительница райцентра. Прокуратура Красноярского края выслала ей также справку о признании ее пострадавшей от политических репрессий. Поскольку имущество у Андреевых при аресте главы семьи не изымалось, то вопрос о выплате компенсации наследниками не поднимался.

ГОДЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ В НЕВОЛЕ

В прошлой жизни нашего района есть страница, у которой одновременно и трагические, и оптимистические оттенки. Это послевоенный период, примерно с 1947 по 1955 год. Именно в это время у нас отбывали ссылку многие яркие представители советской интеллигенции - медики и инженеры, ученые и скульпторы, поэты и артисты. Мы расскажем сегодня об одном из них - Юрии Германовиче Вендельштейне.

АРЕСТ

Сразу оговоримся - рассказ далеко не полный, так как в нашем распоряжении нет никаких документов о его судьбе.

О периоде до ареста и последующей ссылки известно лишь, что Ю.Г. Вендельштейн жил в Москве, был заместителем директора по науке института неорганической химии, имел ученую степень кандидата химических наук. Юрия Германовича арестовали, скорее всего, в 1937 или 1938 году, и он стал одним из сотен тысяч незаконно арестованных и репрессированных жителей страны. Единственное, в чем "повезло", - его не расстреляли, как многих, а лишь осудили. Причем на большой срок - 10 лет. Как это сейчас досконально известно, сами арест и осуждение были незаконными, и инспирированы высшим руководством страны во главе с И.В. Сталиным.

Но об этом мы можем свободно говорить сейчас, спустя много лет. В 30-е же годы даже малейшее сомнение в правильности курса на массовые репрессии - "раскулачивание" и выселение в отдаленные районы страны, аресты и расстрелы, могло обернуться для человека (даже члена партии) или сроком, либо лишением самой главной ценности - жизни.

**Ю.Г. ВЕНДЕЛЬШТЕЙН ВМЕСТЕ
С ВНУЧКОЙ КАТЮШЕЙ В 1960 ГОДУ.**

Можно лишь догадываться, о чем передумал Юрий Германович за долгие годы пребывания в заключении. Ясно лишь одно: он свято верил в то, что все произошедшее с ним - трагическая случайность.

Это было заблуждение, причем прочно сформировавшееся, и не только у него одного. Сотни и десятки тысяч политических заключенных искренне считали, что оказались в неволе из-за нелепой ошибки кого-то из должностных

лиц. И лишь немногие люди из высшего руководства страны точно знали об истинном размахе арестов. И что делается это продуманно и целенаправленно.

"Верхушку" Советского Союза предстояло "повязать" кровью, что и было с успехом осуществлено И.В. Сталиным. Подтверждение этому - подписи членов Политбюро ЦК ВКП(б) на "расстрельных списках". Такие подписи ставили наркомы, руководители главков и крупнейших предпри-

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

ятий. И так - до уровня районов. Тем самым они давали согласие на расстрелы десятков и сотен ни в чем не виновных людей и становились ответственными за массовые репрессии.

Когда срок у Ю.Г. Вендельштейна истек, он рассчитывал, что сможет вернуться домой и объяснить родным и близким, что ни в чем не виноват. Однако он сразу же попал под вторую волну массовых политических репрессий и был отправлен в ссылку в Сибирь, в Большеулуйский район.

В БОЛЬШОМ УЛУЕ

Известно, что в наш райцентр он прибыл вместе с группой таких же ссыльных, среди которых был врач Сергей Густавович Филиппович. Очевидно, тогда же они подружились и поддерживали тесную связь все годы "вольного" поселения и даже после ссылки.

Можно смело утверждать, что Юрию Германовичу в Большом Улуе повезло - он смог работать по очень близкой ему специальности учителя. Ведь во время заключения даже речи об этом быть не могло. И если врачей там иногда использовали по их профессии, то таких специалистов, как Ю.Г. Вендельштейн - крайне редко.

Как вспоминает старейшая учительница района А.Я. Комлева, Юрий Германович вел в Большеулуйской средней школе физику и химию. Благодаря разносторонней эрудиции, высокому уровню образованности мог, в случае необходимости, подменить преподавателей и по другим предметам.

Педагогическая деятельность давала хоть какую-то возможность проявить себя, использовать свои незаурядные способности для обучения подрастающего поколения. Но угнетало то, что дважды в месяц нужно было отмечаться в Большеулуйской спецкомендатуре. Этой унизиционной процедуры избежать не мог ник-

то. И по-прежнему довлела мысль о том, что все происходящее - серьезная ошибка.

Поэтому Юрий Германович и еще двое ссыльных - женщина и историк (археолог) Шитов - написали очередные письма на имя И.В. Сталина с просьбой разобраться в их судьбе и за невиновность освободить от ссылки. Случайным свидетелем этого оказался мальчик Толик Комлев. Анатолий Федорович вспомнил об этом эпизоде нынче, во время приезда в Большой Улуй.

ПУТЬ ДОМОЙ

Однако все их обращения оставались безрезультатными. Более того, Ю.Г. Вендельштейна освободили от спецпоселения только в 1955 году, хотя многим ссыльным разрешили вернуться на родину еще в 1953-1954 годах, после смерти "вождя всех народов".

Однако, несмотря на реабилитацию, ему нельзя было жить в Москве и Ленинграде. Поэтому Юрию Германовичу пришлось ехать в Серпухов. И только спустя некоторое время С.Г. Филиппович, который после возвращения из большеулуйской ссылки лечил сына К.Е. Ворошилова, ходатайствовал перед Клементом Ефремовичем о том, чтобы Ю.Г. Вендельштейну разрешили жить в Москве. И такое разрешение было дано, но только в 1960 году.

Именно в этом году и сделан данный снимок. Юрий Германович вернулся в Москву через 23 года. Из них 18 лет прошли в лагерях и ссылке. Когда его арестовали, сыну было 11 лет. А после возвращения в Москву он впервые увидел внучку Катюшу.

В 1966 году Анна Яковлевна Комлева ехала на курорт и по пути остановилась в Москве. Вместе с сыном она заходила в гости к Вендельштейнам. Их тепло приветствовали сам Юрий Германович и его супруга Нина Николаевна. Это была их последняя встреча - в 1969 году Ю.Г. Вендельштейн скончался. Сказались на его здоровье годы, проведенные в неволе.

В. УСКОВ.

"СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ О ДЕДУШКЕ"

РЕЗОНАНС

В нашей газете от 13 сентября 2003 года был опубликован материал В. Ускова «Годы, проведенные в неволе» о судьбе ученого, педагога Юрия Германовича Вендельштейна, отбывавшего ссылку в нашем районном центре.

Осенью 2003 года старейшая жительница Большого Улуя А.Я. Комлева получила письмо из Москвы. Мы публикуем его с некоторыми сокращениями:

«Здравствуй, дорогая Анна Яковлевна! Спасибо Вам большое за Ваше письмо и память о дедушке - Юрии Германовиче. Пишет Вам его внучка Катя (на снимке-слева).

Нина Николаевна (вдова Ю.Г. Вендельштейна - У.В.) и Борис Юрьевич (его сын - У.В.) умерли. Бабушка в 1994 году, а папа - в 2001, встретил новое тысячелетие и умер 13 февраля. Мы живем теперь четвером - мама, мои дети Ваня и Зина и я.

Дедушка очень много расска-

зывал о своей жизни в Улуе. С большой благодарностью и любовью говорил он обо всех нас. Взять репрессированного человека на педагогическую работу в те годы было подвигом. Именно в этой работе он обрел тогда утешение и смысл жизни. Он рассказывал, какие замечательные дети у него учились. В каком-то смысле - это счастье, что он попал к вам в Улуй, где люди его полюбили и дали ему заниматься любимым делом.

Он рассказывал, что именно в Улуе понял, что призванием его была педагогическая работа. Он

очень любил своих учеников и радовался их дальнейшим успехам, когда уже жил в Москве.

Дедушка и бабушка очень любили театр. Большой радостью для него было ставить спектакли с ребятами, у нас сохранилось несколько фотографий этих постановок. Дорогая Анна Яковлевна, спасибо вам всем, что помните дедушку. К сожалению, до сих пор встречаются люди и довольно часто, которые думают, что в 30-е годы все было правильно, и сажали за дело. Дедушку посадили в 1933 году, когда ему было 35 лет, в расцвете сил.

Он 8 лет перед этим не был в отпуске, работал, не покладая рук. Поехал в отпуск в санаторий подлечиться, и тут его арестовали. В 1956 году получил справку, что

освобожден (от спецпоселения - У.В.) «за отсутствием состава преступления». Большое спасибо В. Ускову (к сожалению, не знаю его имени - отчества).

Анна Яковлевна, напишите, пожалуйста, о судьбе его учеников. Я сама видела только одну его ученицу, очень милую, как ее зовут, не помню. Она приезжала к дедушке на старую квартиру (у него была тогда сломана нога). И она же приезжала после его смерти, когда узнала, что он умер, очень плакала.

Если можно, пусть нам напишут дедушкины ученики, что они помнят о нем. Когда дедушка умер, мне было 10 лет, поэтому, конечно, знаю о нем очень мало, особенно о его жизни в Улуе. Пишите нам, пожалуйста, по адресу: 119 296, г.Москва, Ленинский проспект, дом 69, корпус 2, кв. 311, Латышовой Марии Геннадьевне, Цариной (Вендельштейн) Екатерине Борисовне.

Еще раз спасибо Вам.

Е. ЦАРИНА

(Вендельштейн),»

30 ОКТЯБРЯ - ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ НЕ ВЕРНУЛСЯ...

В ходе подготовки публикации о деревне Баженовка (газета «Вести» от 20 сентября 2008 года, материал А.Д. Угайнова «Баженовке-115 лет») выяснилось, что до сих пор неизвестна судьба одного из первых жителей, переселенца из Донской губернии Сергея Ивановича Корниенко (на снимке).

виде заключения в ИТЛ сроком на 10 лет.

Кстати, его имя там было упомянуто - С.И. Корниенко избрали кандидатом в школьный совет Баженовской школы I ступени на собрании, состоявшемся 26 сентября 1927 года. Значит, человеком он был в деревне уважаемым - так просто в эту общественную организацию людей не выдвигали.

Чтобы узнать, что же случилось с Сергеем Ивановичем в начале 30-х годов XX века, нами был сделан запрос от имени его сына, Ивана Сергеевича Корниенко, в управление федеральной службы безопасности по Красноярскому краю. Недавно оттуда был получен ответ. Мы приводим его с небольшими сокращениями:

Реабилитирован Корниенко С.И. 06.10. 1989 г. Прокуратурой Красноярского края (пр. Мира, 32, Красноярск, 660049), куда вы можете обратиться за справкой о реабилитации отца и по вопросу о своей реабилитации...

К сухим строчкам этого письма необходимо сделать несколько пояснений.

- Уважаемый Иван Сергеевич!

На Ваше заявление от 15.08. 2008 г. сообщаем следующее.

Корниенко Сергей Иванович, 23.09. 1903 г.р., уроженец Донской области, русский, беспартийный, грамотный, из крестьян, проживавший в д. Баженовка Ачинского района Красноярского края, работавший полеводом в колхозе, был арестован 22.12. 1932 г. На день ареста, согласно анкетным данным, Корниенко С.И. имел следующий состав семьи: жена - Татьяна Ивановна, 27 лет; сын - Дмитрий, 3 г. (в справке об имущественном положении в составе семьи также значится дочь, 1932 г.р. - имя не указано).

Часть крестьян была подвергнута политическим репрессиям ещё во время коллективизации, то есть в конце 20-начале 30-ых годов XX века. Обвинения предъявлялись прежде всего тем хозяевам, которые не хотели вступать в колхоз. Меры тогда принимались самые жесткие, и объяснялись они так: все, кто не желает в них вступать - кулаки и приспешники. А они подлежат ликвидации, как класс. Вот и ликвидировали - кого расстреляли, кого посадили в исправительно-трудовые лагеря. Часть зажиточных крестьян вместе с семьями выслали в отдаленные районы страны.

Однако уже созданные колхозы в начале 30-х годов не оправдывали больших надежд советского руководства - количество собранного зерна было явно недостаточно. Значительную часть его продавали за границу, с тем, чтобы покрыть расходы на начинающуюся индустриализацию. У колхозов изымали хлеб не только по обязательным поставкам, но и зачастую выгребали весь семенной фонд. В стране начался голод.

Особенно обострилась ситуация в 1932 году. Летом во многих областях и

краях страны появились «парикмахеры», обычно из числа женщин, которые уже не могли выносить вида голодных детей. Они срезали ножницами колосья, порой даже на невызревших полях. Делалось это тайком, ночами. Когда началась уборка - а первые обмолоты вновь полностью вывозились на заготовительные пункты - появились «несуны». Зерно несли с токов в карманах, за пазухой.

И вот 7 августа 1932 года принимается Закон об охране социалистической собственности, написанный собственноручно И.В. Сталиным. Он вводил в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты - расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». Амнистия по делам такого рода была запрещена. Действительный смысл того закона, вводившего фактически беззаконие, был современникам вполне ясен. «Закон о пяти колосках» - так назвали его в деревне. Его осуждали не только крестьяне, но даже в партийной среде.

Многие колхозы не смогли в 1932 году выполнить задания по сдаче хлеба государству. Когда И.В. Сталину доложили, что руководители Ореховского района Днепропетровской области Украины разрешили колхозам оставить себе фонды на посев, засыпать страхфонд, он впал в неистовый гнев. 7 декабря 1932 года за его подписью всем партийным органам был разослан циркуляр, в котором И.В. Сталин объявил этих руководителей «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую политику под флагом своего «согласия» с генеральной линией партии». Он потребовал «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет

тюремного заключения каждому». Такой же срок по его требованию давался «саботажникам» хлебозаготовок в других районах страны.

Дело в том, что Сергей Иванович Корниенко был полеводом, а также членом правления колхоза «2-я пятилетка», созданного в деревне Баженовка. Необходимо пояснить, что полевод в современном понимании слова - это агроном. То есть, будучи не только на должности главного ответственного за развитие зерноводства, но и члена правления колхоза, С.И. Корниенко как раз подходил на роль виновного за недостатки в сдаче зерна государству. Вот и было выдвинуто ничем не подкрепленное обвинение во вредительстве, и в том, что он не принял мер, зная о краже зерна. Причем обвинили его по статье 58, то есть за антисоветскую агитацию и пропаганду. Поскольку это было уже повседневной практикой в деятельности органов ОГПУ, и защита при предъявлении такой статьи обвиняемому не полагалась. То есть он почти на 100 процентов был обречен - либо на расстрел, или на большой срок заключения.

К сожалению, в информационном письме управления ФСБ по Красноярскому краю об этом ничего не сказано. Поэтому нами был сделан запрос от имени И.С. Корниенко в информационный центр управления внутренних дел по Томской области. К сожалению, у них не сохранились архивные сведения о том, когда точно ушел из жизни житель деревни Баженовка, заключенный Томской тюрьмы Сергей Иванович Корниенко. Возможно, они есть в архиве комитета ЗАГС по Томской области? Сейчас уже подтверждено документально, что пострадал он от политических репрессий совершенно безвинно. И умер в тюрьме, так ни разу и не увидев своего младшего сына Ваню. Которому сейчас идет 76-й год. Иван Сергеевич остался один из семьи Корниенко, поскольку его брат Дмитрий уже ушел из жизни. Последние годы Дмитрия Сергеевича Корниенко прошли в Молдавии.

В. УСКОВ, заместитель главного редактора районной газеты «Вести».

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ БЫЧКОВСКИЙ СЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ БОЛЬШЕУЛУЙСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ РЕШЕНИЕ № 62 10.10.2008г. с.Бычки
О назначении публичных слушаний.

С целью выявления и учета мнения населения по разрабатываемым и принимаемым муниципальным правовым актам, в соответствии с Положением о публичных слушаниях, утвержденным Решением Бычковского сельского Совета депутатов от 15.11.2006 года № 21, на основании ст. 38 Устава Бычковского сельсовета, Бычковский сельский Совет депутатов РЕШИЛ:

1. Назначить публичные слушания на 15 часов 5 ноября 2008 года в здании Бычковского СДК.
2. На публичные слушания вынести отчет об исполнении бюджета Бычковского сельсовета за 2007 год (приложение № 1).
3. Опубликовать настоящее решение вместе с Приложением № 1 в районной газете «Вести».

Глава сельсовета В.В. Лавринович.

АКТ проверки исполнения бюджета по Бычковскому сельскому Совету депутатов Большеулуйского района Красноярского края за 2007 год
16 июня 2008
с. Большой Улуй

Проверка была проведена на основании плана работы ревизионной Комиссии Большеулуйского районного Совета депутатов и соглашения о передаче, осуществления части полномочий, органами местного самоуправления муниципального района за № Состав проверяющих: контролер-ревизор Большеулуйского районного Совета депутатов Цурупа З.Д. Начало проверки 16 июня 2008 года. Окончание 20 июня 2008 г. Проверка проводилась в присутствии Главы Бычковского сельского совета Лавринович В.В. и начальника Бюджетного отдела Рубан Д.Ш. В процессе проверки испол-

Приложение № 1 к акту проверки Бычковского сельского Совета

п.п.	наименование	реализовано	установлено на 2008	поступило на 2008	исполнено %
1	Общественно-культурный центр	0190	3645,4	1470,5	40,3
2	Програм. по соц. защите	0200	18,2	11,4	62,6
3	нац. без. и прав. деятельность	0300	5,0	5,0	100,0
4	нац. безопасность	0400	330,2	280,6	85,0
5	ЗООХ.	0500	332,4	1440,9	433,5
6	культура	0600	1264,3	1111,4	87,9
7	Спорт	0700	30,0	28,8	96,0
8	Содерж. авт.	1000	100,0	60,0	60,0
			5470,2	4011,2	73,3

зованы следующие документы: годовой отчет Бычковского сельского Совета, положение о бюджетном процессе, решения сессий о принятии бюджета и об изменении бюджета.

Принятие бюджета произведено с нарушением статьи 187 п.2 БК РФ о сроках. Бюджет утвержден 23 января 2007 года.

Решения оформляются с множеством ошибок; решение № 4 без единичи изменения, № 7 в рублях, № 9 в тыс. рублях и так во всех решениях, в № 21 общая сумма решения не соответствует предыдущему решению. В приложении к решению суммы в одной колонке проставлены так же и в тысячах рублей. Учреждение дотационное, собственных средств почти не имеет.

Доходы бюджета составляют 4611,2 тысячи рублей, в том числе собственные 200 тыс. рублей, что составляет 4,3 процента от всех доходов.

Исполнение бюджета составляет 4606,4 тыс. рублей согласно приложению № 1. От запланированного 84,1%. В течение года было проведено 18 сессий по изменению бюджета. Первоначальная сумма бюджета, последняя сумма, принятая решением - 5475,0 тыс. рублей. Получено бюджета 4611,2 тысячи рублей, что является необоснованным завышением бюджетных средств.

Заключение 1. Совету депутатов потребовать от ответственных лиц, промещи анализ допущенных нарушений и в текущем году не допускать повторения ошибок прошлых лет.

1. Рекомендовать утвердить исполнение бюджета за 2007 год.

Контролер - ревизор Цурупа З.Д.
Глава Бычковского сельского совета Лавринович В.В.
Начальник Бюджетного отдела Рубан Д.Ш.
Копии актов получили:
Глава Бычковского сельского совета Лавринович В.В.
Начальник Бюджетного отдела Рубан Д.Ш.

Из архивной справки Управления Министерства безопасности Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу: «...факт ареста Ивана Харитоновича Корнева и его реабилитация в 1989 году подтверждаются. Сведений о высылке членов семьи Корнева И. Х. в архиве Управления МБ РФ по г. Санкт-Петербургу и области не имеются. Целесообразно обратиться в областной исторический архив города Выборга Ленинградской области».

Из Выборга пришел следующий документ: «В не-

полных документах архивного фонда исполкома Оятского райсовета Ленинградской области в списках лиц, лишенных избирательных прав по д. Мартыново Хмелевского сельсовета на 31.08.34 г., значатся: Корнев Иван Харитонович (1896 года рождения). Причина лишения — наём рабочей силы с целью увеличения прибыли, торговли товаром, спекуляция хлебом;

Корнева Пелагея Богдановна (1897 года рождения), жена. Причина лишения избирательных прав та же.

Сведениями о других членах семьи И. Х. Корнева — на основании чего они высланы из Ленинградской области, наш архив не располагает. Рекомендуем обратиться...»

Вот уже около двух лет дети Ивана Харитоновича Корнева, жившего тогда в Ленинградской области и репрессированного в 30-е годы, добиваются признания их пострадавшими от политических репрессий.

— Мама говорит нам: «Вы держитесь за лавку, может, тогда не смогут выгнать»: Куда там... Взломали двери и вышвырнули нас и маму. На улицу, зимой, — вспоминает дочь репрессированного в 1931 году И. Х. Корнева Нина Ивановна Куранова, жительница деревни Баженовка.

С 1935 года живут они здесь с сестрой Анной Ивановной. У обеих взрослые дети. Уже внуки и правнуки растут.

...Не по своей воле оказалась семья Ивана Харитоновича Корнева в далекой сибирской деревушке. Его родная сестра Федосья Харитоновна, жена — Пелагея Богдановна и четверо детей — Нина, Анна, Иван и Виктор вынуждены были уехать из родной деревни Мартыново Оятского района Ленинградской области в Сибирь после его ареста. В сельсовете сказали: «Уезжайте из района, куда хотите, но чтобы здесь вас не было!» А до этого их лишили всего: одежды, крова, домашнего скота. Жить было негде и не на что. Нина Ивановна вспоминает с грустью:

— Как отца арестовали, так и за нас взяли... Мы же хорошо жили — постройки все новые: и дом и сарай. Работников у нас не было. Отец нанимал их только раз, когда дом строил, а на полях сами все убрали. День и ночь трудились, не помню, чтобы родители когда-нибудь отдыхали. Хозяйство было большое

— три коровы, конь, овцы, куры.

Вначале хлеб забрали у оставшейся без кормильца семьи, потом скотину со двора.

— Мы сидели за столом, разговаривали на Пасху, — продолжает Н. И. Куранова. — Приходит наш родной племянник Саша и говорит: «Я за конем», — а сам заплакал. Мать сказала: «Не плачь, Санек, бери уздечки и уводи. Не ты, так другой бы забрал». Так постепенно всю скотину со двора и увели... Потом одежду из шкафа и сундуков забрали, свяжут в узлы наше добро и уносят.

А в один из зимних вечеров пришли выгонять из дома. Пелагея Богдановна, услышав лай — женщина из сельсовета всегда ходила с собачкой, побледила и сказала детям:

— Это к нам. Заприте двери и скажите, что меня нет дома, а если все-таки зайдут, держитесь крепче за лавку...

Закрыв дверь, для верности перекрой привязали дверную ручку, но ничего не помогло: взломали представителю Советской власти дверь в доме беззащитной семьи, и стали вышвыривать всех на улицу. На самого младшего Витеньку, ему еще и годика не было, мать успела только набросить какую-то тряпку (одежду давно забрали), как ее вытолкали из хаты. А ножки-то у сына голые...

— Кулаки не замерзают, — сказала женщина-уполномоченный в ответ на просьбу Пелагеи Богдановны дать надеть ребенку что-нибудь на ноги.

Первую ночь переночевали в избушке у одних стариков, раскулаченных также, как и они, а потом ушли к знакомой Пелагеи Богдановны в одну из ее избенок. Питались, чем Бог полагает, страшно вспоминать. Потом тетка из Ленинграда купила им корову и отнесла в сельсовет бумагу, что это ее дар бедной семье. А когда корова отелилась, телка пришла, забрали все равно. А потом стали выгонять из деревни.

От тяжелых раздумий у П. Б. Корневой болела голова: куда, к кому ехать? Кому она нужна с четырьмя малыми детьми? Посоветовавшись с сестрой мужа, Федосьей Харитоновной, которая была всегда с ними, решили ехать к двоюродному брату Пелагеи Богдановны — Виктору Васильеву, жившему в Сибире.

Так мы и оказались в Баженовке, — рассказывает Нина Ивановна. — Пожили немного у маминного брата, а там ведь своя семья, пришлось опять искать крышу над головой. У кого только ни жили, даже на квартире у одного дурач-

ка... Как сейчас помню: он

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ С НАДЕЖДОЙ НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

и нас с печки кирпичи бросал, зимой босой ходил.

Есть было нечего. Дети — Нина, Анна и Иван ходили по миру, мать по найму работала. Потом определили девочек в няньки: Нину — в Островное, Анну — в Новоникольск. До сих пор помнит Нина Ивановна своих питомцев и они ее не забывают, поздравляют открытками, в гости приглашают.

В 1937 году вернулся из тюрьмы отец. Ни единой весточки за семь долгих лет. И вот он на пороге — живой и такой родной. Найти семью помог случай и добрый человек. Когда Пелагея Богдановна ехала в поезд, один незнакомец заинтересовался, кто они и куда едет. Узнав, что ее муж в Уфе, пообещал передать ему новый адрес в Сибире, так как он тоже туда ехал.

Каким образом этот человек разыскал в Уфимской тюрьме И. Х. Корнева и передал ему адрес семьи, никому неизвестно до сих пор. Есть на земле добрые люди, на них-то и держится весь мир.

Отец сразу же забрал своих дочерей из нянек и отправил в школу. Сам в колхоз устроился работать. Домик купили. Родилось еще двое сыновей — Анатолий и Михаил. Анатолий сейчас живет и работает в Костроме, а Михаил — в Ульяновске.

Иван Харитонович умер, когда они были еще маленькими, мать болела очень — с печки не слезила. Какая уж тут учеба? Закончив шесть классов, Нина пошла работать в колхоз. В 20 лет вышла замуж за Ивана Кочанова из Новоселово. Бедный был этот старшина парохода... Как услышат девки пароходный гудок на Чулыме, так не у одной сердце замирало. Стали молодые жить в Новоселах, но недолго, всего девять месяцев. Связался Ваня с Амалией-немкой. Нина Ивановна шуточно говорит:

— А я не скандалила с ним. Собралась потихоньку и ушла к маме в Баженовку, а потом к соседке на квартиру. Родился сынок. Пришел мой Ванечка за мной: «Больше не обижу, только вернись». Вернулась... и та же история. Амалия эта все в Чипушево ходила, к колдуну. Она даже по деревне болтала: «Вот схожу два раза к Чипушево и Иван опять мой будет». Так и случилось. Ушла я на этот раз навсегда. А через полгода вышла замуж на Николая Филипповича Куранова. Он наверно, давно меня пригласил, потому что, когда и возвращалась к Ивану в Новоселы, он догнал меня на коне и говорит: «Зачем идешь к нему? Не ходи»

Потом баженовцы судачили — не будет Николай больше за тобой бегать. Вернулась из Новоселово через четыре месяца и Николай пришел с родителями сватать меня. Живем до сих пор. Дочерей вырастили — Валентину и Ольгу.

С Анной Ивановной Корневой я познакомилась в редакции, когда она пришла к нотариусу со своими архивными бумагами. Это удивительный человек! 16 лет на пенсии, и продолжает работать в АО «Верный путь» учетчиком-заправщиком. Не могут заменить... Да кто из молодых пойдет на такую адскую работу: дышать парами бензина (нет никаких приспособлений для измерения емкости, приходится «нырять» туда с головой и на глаз определять, сколько горючего осталось) и пешком ходить по полям и составлять отчеты по работе трактористов и комбайнеров. Бывает, до темной ночи приходится сидеть на поле, дожидаясь окончания сельхозработ, но зато обратно уж подвезут.

— Как-то шла я на Листвянижние поля, а у меня нога сильно болела, так я с палочкой, и председатель навстречу: «Ты почему пешком?» — говорит, а я смеюсь: «Нет у меня пока личной машины», — рассказывает Анна Ивановна. Ее энергия и работоспособность вызывают восхищение. 17 колес вручную накосила она в августе. Благо, что зарод помогли сложить знакомые механизаторы. Сена на второй зарод накопили дети, которые приехали к матери в отпуск. Сельчане говорят: «Славные ребята у Анны Ивановны, дай Бог каждому». Растила она их одна. Муж, Давид Швайгерт бросил Анну беременной с двумя детьми на руках. Но родственники и добрые люди не дали пропасть семье.

Так и живут в сибирской деревне Баженовка дочери репрессированного, а теперь реабилитированного крестьянина-единоличника Ивана Харитоновича Корнева. Живут, работают и радуются своим детям, внукам, правнукам. И надеются, что справедливость восстановится, и они попадут под действие Указа ПВС СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40 и начала 50-х годов».

Г. ДЕРБУШЕВА.

На снимке: Н. И. Куранова, И. И. Корнев.
Фото Н. Бобылева.

СЫНОВЬЯ СТАЛИ ЦЫГАНКОВЫМИ ВЫНУЖДЕННО

В управлении федеральной службы безопасности по Красноярскому краю хранятся сведения о тысячах репрессированных по политическим мотивам.

Есть среди них и наши земляки. Правда, многие из имён этих невинно пострадавших людей до сих пор неизвестны широкой общественности. Причин этого несколько. Одна из них – в нашем районе не осталось никого из их родных. Тем не менее люди должны знать эти имена. Хотя бы для того, чтобы в нашей стране никогда не повторился Большой Террор.

Недавно житель райцентра А.В. Цыганов получил письмо из управления ФСБ по Красноярскому краю. Мы приводим его с небольшими сокращениями:

- Уважаемый Алексей Васильевич!

В адрес Управления ФСБ России по Красноярскому краю поступило Ваше заявление с ходатайством о получении сведений о судьбе Вашего дяди Ф.С. Цыганова.

В архиве Управления ФСБ России по Красноярскому краю имеется архивное следственное дело № П-14622 по обвинению Цыганова Федота Самойловича, 1879 года рождения, уроженца д. Соболи Могилевской губернии. По национальности - белорус, по образованию - малограмотный, по социальному происхождению - из крестьян, беспартийный. С 1908 года и до момента ареста проживал в с. Троицкое Ачинского района Красноярского края. С 1917 по 1918 годы служил в Красной армии в особой дивизии в г. Гатчина бомбардиром. В 1931 году был раскулачен и лишён избирательных прав. Работал в колхозе «Красный Байкал» в 1935-1936 годах - председателем, затем - рядовым колхозником. Имел следующий состав семьи: жена Степанида Евменовна, сын Семён - 16 л., сын Иван - 12 л., дочь Екатерина - 14 л., сын Филипп - служил в Красной армии в г. Ворошилове.

18 декабря 1937 года Ф.С. Цыганов был необоснованно арестован и обвинён в том, что «систематически среди колхозников распространял контрреволюционные слухи о начале войны и неизбежной гибели Советской власти. Выражал активные террористические намерения против коммунистов и сельского актива». Постановлением Тройки УНКВД Красноярского края от 25.12.1937 года Ф.С. Цыганов был приговорён к высшей мере наказания - расстрелу с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Приговор в части расстрела приведён в исполнение 30 декабря 1937 года в г. Ачинске. Сведений о конфискации имущества в деле не имеется. Постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 18 ноября 1968 года дело в отношении Ф.С. Цыганова прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, Ф.С. Цыганов - реабилитирован.

**Начальник отдела
В.И. КОНДОБА.**

От редакции. Благодаря этому письму стала известна трагическая правда о судьбе ещё одного нашего земляка, невинно пострадавшего в период массовых политических репрессий почти 70 лет назад.

Поскольку тогда после арестов практически никому из родных и близких не сообщалось, что же случилось с тем или иным арестованным. А в 1953-1960 годы, когда началась первая волна реабилитации, их также никто не искал. Поэтому люди зачастую оставались в неведении, что тот или иной человек, их родственник, реабилитирован. Хотя бы и посмертно, как Федот Самойлович Цыганов.

Кстати, при его аресте в декабре 1937 года органы НКВД совершенно не взяли во внимание, что когда-то Ф.С. Цыганов служил в Красной армии, а в середине 30-х годов XX века работал председателем колхоза. У них был банальный план - репрессировать в крае и в каждом городе, районе определённое количество людей. И они эти плановые задания постоянно перевыполняли. Придумывали для каждого липовые обвинения, и на основании этого лишали невинных людей жизни, либо, в лучшем случае, обрекали их на большие сроки заключения.

Органы НКВД не собирались учитывать и тот факт, что сын Федота Самойловича, Филипп, на момент ареста отца служил в Красной Армии. Кстати, все три сына незаконно расстрелянного Ф.С. Цыганова впоследствии участвовали в Великой Отечественной войне. Правда, поскольку они являлись сыновьями «врага народа», то на довоенном семейном совете решили - записаться при оформлении документов Цыганковыми. С тем, чтобы избежать возможных крупных неприятностей. Именно под такой фамилией они записаны в «Книге памяти» и в издании «Никто не забыт...».

Как уже упоминалось, Филипп Федотович служил в декабре 1937 года в Красной армии в г. Ворошилове. Ныне это город Уссурийск Приморского края. Отслужив там срочную службу, вернулся домой. Как записано в третьем томе краевой «Книги памяти», Ф.Ф. Цыганков, 1919 года рождения, вновь призван в армию в самый канун войны, в мае 1941 года. Ещё известно, что он погиб в бою либо в январе 1944 года, или в апреле 1945 года. В этой же книге значится и его брат Семён Федотович Цыганков, 1920 года рождения. Был призван в армию в апреле 1941 года. Погиб в бою 5 июля 1941 года. Похоронен в г. Березань Киевской области.

Самый младший сын Ф.С. Цыганова, Иван, 1926 года рождения, был призван в Красную армию в 1943 году. Участвовал в боевых действиях до конца войны, вернулся с фронта. Сейчас его уже нет в живых.

В. УСКОВ.

«А НА ЛЕВОЙ ГРУДИ — ПРОФИЛЬ СТАЛИНА»

В районном центре Емельянов Красноярского края живет Галина Федоровна Воротникова. В прошлом году начала собирать документы о реабилитации своего отца, Федора Порфирьевича Ефимова, уроженца села Большой Улуй, 1898 года рождения. В итоге переписки с различными учреждениями собралась небольшая стопочка бумаг, официальных ответов из архивов, копий свидетельств о браке, рождении и так далее. На основе анализа этих документов и написан этот материал.

Первый из них, если брать по времени написания, датирован 30 февраля 1930 года. Это выписка из «Протокола заседания членов Большеулуйского сельсовета с участием бедноты и актива». В ней записано следующее:

«Слушали: рассмотрение списков и заявлений избирательных прав.

Постановили: Ефимов Федор Порфирьевич, бывший бандит, состоял в штурмовом отряде Ситникова. Участвовал под Камарчагой в боях. Зять сосланного контрреволюционера Бышшева В. А., и вторичный уход в банду. Имел мельницу. Поскольку Ефимов арестован органом ГПУ и участие его в карательном отряде и банде выясняется следственным органом, а поэтому передать на распоряжение райисполкома».

Второй документ — выписка из протокола № 6 заседания Ачинской районной комиссии по пере-

смотру списков лиц, лишенных избирательных прав от 25 июня по 8 июля (1930) года. Запись небольшая:

«Слушали: О пересмотре списков лиц, лишенных избирательных прав.

Постановили: Ефимов Федор П. лишен владения мельницы, находится под судом за участие в карательном отряде. Сельсоветом факт подтверждается, что он участвовал в карательном отряде. Находится в исправительно-трудовой колонии. Лишен избирательных прав».

Честно говоря, меня в первый момент эти два документа поразили. Выходит, речь идет о человеке, который воевал в колчаковской армии, да еще в карательном отряде. Можно ли говорить об его реабилитации?

Однако при внимательном и неоднократном прочтении обеих выписок мое мнение изменилось. Причин несколько, главная из них — то, что постановлением Президиума ЦИК СССР «Об амнистии» от 2 ноября 1927 года Ефимов, как и все другие белогвардейцы, освобождены от ответственности. То есть по закону ему не имели права предъявлять обвинения по поводу его службы в колчаковской армии.

Есть и другие настоятельные моменты в обоих процитированных документах. Например, почему не приведены фамилии людей, присутствующих на заседании сельсовета, которые засвиде-

тельствовали участие Ф. П. Ефимова в карательном отряде? Или это были просто слухи? Причем тут его зять, уже куда-то сосланный? Есть и другие вопросы, ответов на которые нет. Тем не менее, несмотря на постановление об амнистии, Ефимов был арестован и какое-то время, как минимум несколько месяцев или лет, просидел в тюрьме. Вероятно, выпустили его, так и не доказав действительной вины. Во всяком случае, произошло это еще до января 1934 года. Сделать такое заключение позволяет тот факт, что 31 августа 1935 года в семье Федора Порфирьевича и Ольги Федоровны Ефимовых в городе Красноярске появилась дочь Галина. Та самая, что сейчас ищет справедливости, и уже признана пострадавшей от политических репрессий.

Кстати, факт рождения Г. Ф. Ефимовой также зафиксирован в соответствующем документе от 10 сентября 1935 года.

Несмотря на то, что Ф. П. Ефимов был сравнительно быстро освобожден от тюрьмы, в 1938 году его вновь арестовали. Тогда же постановлением Тройки управления НКВД Красноярского края от 27 ноября он был осужден к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

В чем же обвинили Федора Порфирьевича на этот раз? Надо отметить, что «Ф. П. Ефимов соби-

рлял его дело. Несмотря на то, что само собой напрашивалось утверждение о том, что он служил в колчаковских войсках, этот момент даже не упоминается. При этом нужно учитывать, что самый пик репрессий пришелся на 1937 год. И даже столь поднаторевшие к концу 1938 года в подобных делах следователи — а через их руки проходили десятки и сотни таких политических подследственных — не стали записывать, что он воевал у белых. Да и как можно судить за одно и то же дважды? Или в самом деле факт этой службы был шит белыми нитками? Ведь сотни и даже тысячи сибирских парней были в свое время насильно демобилизованы в армию Колчака. Не попал ли Ф. П. Ефимов в их число? Впрочем, документы на этот вопрос не отвечают.

И все-таки, за что был осужден наш земляк? В деле есть следующая запись: «...принимал участие в контрреволюционных собраниях, на которых обсуждался вопрос о неизбежности поражения Советского Союза и захвата Сибири Японией, проводил среди рабочих контрреволюционную пропаганду, направленную на свержение Советской власти, высказывал по отношению руководителю партии и правительству террористические взгляды...»

Таким образом, обвинение по своей сути было высосано из пальца. Ведь ни одного факта о действительной контрреволюционной деятельности здесь не приведено. Если уж следовать формальности, то в деле должно быть записано примерно так: «Ф. П. Ефимов соби-

рал по десять человек, 20, 25, 30 сентября 1938 года призвал к свержению Советской власти, а также лично готовился к покушению на всех членов Политбюро». Но ведь ничего подобного не было. Не случайно дело в отношении Федора Порфирьевича Ефимова было прекращено «...за недоказанностью состава преступления», и постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 1 февраля 1958 года он был реабилитирован. То есть это сделано еще в конце пятидесятых годов, во время первой волны реабилитации, когда пересматривалось не так уж много дел репрессированных. К сожалению, мы ничего не знаем о дальнейшей судьбе Федора Порфирьевича. Отделил ли он свой срок полностью, или спину в сталинских лагерях? Или был реабилитирован еще при своей жизни?

Нельзя не сказать несколько слов о том, чего добивается сейчас его дочь, Галина Федоровна Воротникова-Ефимова. Кстати, свое фамилию она поменяла после того, как вышла замуж за Владислава Григорьевича Воротникова, уроженца Тухтетского района. Произошло это в Красноярске 18 октября 1958 года, то есть уже после реабилитации своего отца Федора Порфирьевича. А Галина Федоровна написала сейчас это письмо в нашу районную администрацию с просьбой выплатить ей компенсацию за то имущество, которое было конфисковано у ее отца в тридцатых годах. Если очень строго стоять на букве закона, то получается, что документальные свидетельства об этой самой конфискации отсутствуют. В справке Ачин-

ского гостархива от 31 января 1994 года, так и записано: «Отсутствует акт и акта изъятия в деле нет». Но почему не обратить внимание на строчку из уже процитированного документа за 1930 год: «Ефимов Федор П. лишен владения мельницы...». Разве речь не идет об отторжении имущества? И сделано это было или в конце 1929, или в начале 1930 года, то есть в самом начале огромной волны репрессий, захлестнувшей сибирскую деревню накануне коллективизации.

Когда сталинничавшись лицом к лицу с десятками людей (даже в масштабах нашего небольшого района), у которых в свое время отняли самое дорогое — их близких, становятся по-настоящему страшно. Неужели они, по воле сталинской репрессивной системы оставшиеся без отца или матери, часто сосланные вместе с родными за сотни и тысячи километров от родного дома, должны годами доказывать очевидное? То есть такие факты, с которыми вроде бы и так все ясно — что дом они с собой не взяли, что имущество им было не забрать, даже если бы им и разрешили. Или мы так и будем стоять за пресловутой букве закона, не веря даже тем немногим скупым строчкам документов, которые все-таки сохранились? И тем самым как бы по не согласной договоренности продолжая втихомолку репрессии, начатые еще при жизни Иосифа Виссарионовича Сталина.

В. УСКОВ,
член районной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий.

МЕМОРИАЛ

"ОТ ВЫСЕЛЕНИЯ
БЕЖАЛИ"

В начале тридцатых годов началось массовое раскулачивание крепких крестьян, наряду с коллективизацией. У людей, попавших в черные списки, вначале описывали, а затем изымали имущество: драма, зерно, скот, сельхозинвентарь, надворные постройку, вплоть до кухонной утвари и посуды. Из многих деревень Причумылья потянулись подводы до Ачинска, на которых везли будущих подневольных рабов. В их числе были и несовершеннолетние, порой попадали старики и инвалиды. Но прежде всего высылали, конечно, трудоспособных. Ибо работать в таежных условиях — на лесоповале, или на строительстве бараков могли здоровые люди. И не только мужчины, а и женщины.

Из Ачинска, где был оборонный пункт спецпереселенцев, их отправляли большей частью в Тегульдетский район Томской области. Кого-то речным транспортом, кого-то по железной дороге, а некоторым приходилось добираться и на подводах. Всех выселенных сопровождал конвой.

Раскулачивание проходило, как правило, в несколько этапов. Кому-то предстояло уехать в неизвестность раньше, кому-то — позже. Иногда отдаленных крестьян предупреждали знакомые или близкие о том, что их ждет. Подавляющее большинство практически ничего не предпринимало, чтобы избежать своей участи. Да и куда побежишь, если на руках — многочисленная семья, дом, хозяйство.

Тем не менее случалось, когда крестьяне, предназначенные к раскулачиванию, пытались скрыться. Сделать это успешно можно было лишь при одном обязательном условии — если тебя не включили в «черные списки». Это могло случиться в 1928-1929 годах, когда крепкие хозяева, узнав о готовящейся участи, распродавали большую часть или все имущество, и немедленно уезжали из этой местности.

Однако ситуация резко изменилась в 1930-1931 годах. Намеченных к высылке людей переписали, и это становилось для них фактически клеймом на годы. Ни продать вещи, ни выехать куда-нибудь из дома не разрешалось. Об этом власть издавала специальное распоряжение. Некоторые, все-таки, пытались пойти наперекор. Что у них получалось, узнаем из примера.

В деревне Кумыры проживала семья Боженых: муж и жена Дмитрий Михайлович и Анна Петровна были ровесниками, оба родились в 1908 году. Их первенец, дочь Олимпиада, появилась на свет в 1928 году. Жили они уже отдельно от отца Дмитрия Михайловича Григорьевича. Выделили им из общего хо-

зяйства дом, конюшню, жнейку, телегу, коня, корову и трех овец.

И тут грянул 1931 год. Начали составлять списки подлежащих раскулачиванию, описывать их имущество. На основании постановления пятерки Ачинского района от 20 мая 1931 года Боженovy также подлежали выселению из Ачинского района Западно-Сибирского края. Но накануне они бежали, побросав все имущество.

Осели в городе Сталинске (ныне Новокузнецке) Кемеровской области. Вероятно, Дмитрий Михайлович сразу устроился на работу. И первое время, казалось, все шло спокойно. Однако уже в 1934 году всю семью зачислили на учет спецпоселения. То есть Боженым не дозволялось никуда выезжать, а также от них требовалось регулярно отмечаться в комендатуре. Нашли их, видно, в списках на раскулачивание. Позже семью принудительно переселяют в Тисульский район Кемеровской области.

Мы не знаем подробности того, как Боженovy пережили лихолетье. Известно лишь, что Дмитрий Михайлович и Анна Петровна с учета спецпоселения сняты 26 сентября 1951 года, на основании приказа МВД СССР от 28 сентября 1946 года. Совместно с родителями проживала все это время и дочь Олимпиада. Таким образом, всего семья Боженых находилась под бдительным надзором спецкомендатуры 17 лет.

За это время у Дмитрий Михайловича и Анны Петровны родились дочери Валентина, Зинаида, Галина и Людмила. Поскольку семья находилась на спецпоселении, то все пять дочерей должны были реабилитированы, согласно федеральному закону от четвертого ноября 1995 года. Тем более, что этот факт документально подтвержден архивной справкой информационного центра управления внутренних дел Кемеровской области. Как и все, о чем здесь рассказано.

Дмитрия Михайловича и Анны Петровны уже нет в живых. Они реабилитированы посмертно. Их дочь Валентина, также реабилитированная, проживает в городе Ачинске. Она и получит материальную компенсацию за дом и имущество, которые выбыли у семьи Боженых не по их воле. Решение об этом принято на заседании районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных граждан, которое состоялось в апреле. Хотя, конечно, это почти символическая плата за годы подневольного труда и издевательств, выпавших на долю Боженых.

В.УСКОВ,
член районной комиссии по восстановлению прав реабилитированных граждан

"МНЕ БЫЛО ДЕСЯТЬ ЛЕТ.."

Глубоко задумался расстроенный отец. Запряг лошадь в телегу и сказал мне:

-Поехали, сын, в поле. Ярким изумрудом светились посевы ржи. Восходы дружные, густые, хорошо перенесли зиму. Быть нам с добрым хлебом.

Остановились с краю. Отец передвинул вожжи мне. Сошел. Присел на корточки, провел ладонью по мягкой, шелковистой зелени, и вдруг замерла его рука на месте. Мягкая дрожь пробежала по пальцам. Беду ведало его сердце. Дохнул легкий ветерок, и будто в ответ на прощальную ласку хозяина, нежно зашевелились под его рукой эти набирающие силу, молодые хлеба.

Отец медленно поднялся, поднес эту же ладонь к лицу, намереваясь смахнуть, чтоб я не видел, скучные, горькие слезы крестьянского горя.

-Это за что же, Сашок, нас от родной земли отнять надумали? - сказал он мне, не поворачивая головы.

Глубокой ночью уселись с ним на телегу, погрузив мешок муки, немного зерна. Только приехали в Чернореченскую, не успели разгрузиться, распрячь лошадь, как нагрянула милиция.

-Что, беглецы, попались! Теперь никуда от нас не денетесь. Вы арестованы, заявил милиционер.

Кто-то о нас донес. Привезли в Ачинск, на сборный пункт. Загнали как скот, в небольшой, бывший купеческий склад.

-Отсюда не убежите, - злобно сказал охранник, замыкая дверь на огромный амбарный замок.

Нас здесь было 100 семей. Стояла летняя духота, нестерпимо хотелось пить. Но воды не давали. За что же такие муки бедным крестьянам? За то, что любили, умели хозяйствовать? Одних сорвали с мест за то, что не хотели идти в колхоз, другим и этого не предлагали. Изгнали из деревни для того, чтобы забрать хорошо зажитое хозяйство, дома, постройки, хлеб. Призыв-приказ большевистской власти действовал во всю: «Уничтожим кулаков, как класс!»

Днем, узнав о нашем аресте, к нам наведялся родственник, работавший в то время в Ачинском райисполкоме.

-Вас-то за что? Беспременно. Жили всегда средненько, - возмущался он. - Я буду жаловаться.

Мы верили. Все-таки большие заслуги у него перед Советской властью. Бывший партизанский командир. Его грудь украшает орден Красного Знаме-

ни. Коммунист. Обратился наш родственник в ОГПУ, а там насмешливо сказали:

-Ты - орденносец. Хочешь, чтобы орден сняли? Не вмешивайся.

Для них был один принцип: кто защищает кулака, тот сам классовый враг. И вот мы - на этапе. Нас ждали таежные гари огромного, как государства Европы, Тегульдского района Томской области. Добрались туда на поезде, затем 75 километров везли на лошадях, под конвоем вооруженных бойцов из НКВД. Как уголовников - 100 семей. С нами беспомощные старики и старухи, больные и грудные дети. Над длинной, бесконечной вереницей повозок стоял тяжелый стон, пронзительный плач, причитания, как по покойнику.

Пожалуй, тяжелее всех было нам, Ласковым. Всех забирали из дому, захвативших с собой не только еду, а и одежду, обувь, посуду. А у нас ни кружки, ни ложки. В чем были на станции, в том и увезли. От муки половина осталась милиция отобрала для себя.

Думали, что томские гари дикие, безлюдные. Оказалось же, что их уже заселили. Годом раньше пригнали сюда первый этап разоренных крестьян, 300 семей из Ачинского района построили поселок, назвав его Светлым. 240 семей из Боготола основали поселок Новый Труд, уже стоял поселок Высокий и многие другие, построенные изгнанными с родных мест жителями других районов края.

Мы вырыли землянку и жили в ней, приютив бедную Фросю Черныаскую. Когда закончилась мука, ели черемшу, варили листья малины. Обречены были на голодную смерть. Однако вскоре объявили корчевку пней, кустарника. Нужна была земля под поля, огороды, постройки. Выдали в долг, под зарплату, восемь килограммов муки на рабочего. На месяц шесть - на ребенка, четыре - на иждивенца. На старого человека, или как нашу большую мать, приходилось 130 граммов муки в день! Как тут выжить?

К осени сбежала Фрося, а потом и мать с Мишкой. Наши в Чернореченскую подались. Чтб не окопаться зимой в неутепленной как надо землянке.

Мы с отцом все еще оставались на корчевке. К навету хоподов перебрались в поселок Обрыв, родственнице у нее был дом. Весной снова вернулись на корчевку. Землянка уже обвалилась. Попросились на квартиру к

знакомым.

В 1933 году, измучившись без крова, без матери, оборванные и голодные, мы бежали с томской гари. Стояли лютые зимние морозы. Едва живого, обмороженного отца уже на санках довел меня до Тухтата. Оттуда добрались до Чернореченской, к матери. Как ни скрывались по деревьям, в 1937 году нас с ними арестовали и морили по тюрьмам в Ачинске, Мариинске, Новосибирске, Томске. Вот нашли преступников, врагов народа! Потом нас разлучили. Обнял меня отец, сказал:

-Ну все, сынок. Не увидимся больше.

Да, не увиделись. Через много лет я узнал, что в 1937 году он был расстрелян. Меня отконвоировали снова на центральную гать, в наш поселок Светлый. «Видно, до последних дней жизни уготовили нам влачить здесь свое существование» - думал я в свои 16 лет. Мать с братом уже давно были здесь. На этот раз мне повезло: приняли меня на пихтовый завод, принадлежащий колхозу. Здесь были самые высокие трудодни.

Как бы ни было мне трудно жить, я при малейшей возможности продолжал учиться. И вот уже сдал за семь классов. Поехал в Тегульдет, чтобы продолжать учебу в восьмом классе (там имелась средняя школа). Скоро то, что заработал на пихтовом заводе, кончилось, и я сказал директору:

-Ухожу. Мне не на что больше жить.

-Подожди уходить. Я устрою тебя учителем в школу ликбеза. Будешь работать, получать зарплату и учиться у нас.

Мне хорошо шли учеба и работа. Учились у меня грамоте, в основном, из районной комендатуры. Им это было явно не по душе и решил, во что бы то ни стало убрать меня. Иду однажды по улице, а сзади подходит и берет меня под руку одна из моих учениц из комендатуры. Я уверен, что девушку подослали ко мне, чтобы потом придираться. Потому что тут же подходит ко мне милиционер и кричит:

-Ты к кому лезешь, кулацкая морда? Учти, мы с тобой разной породы.

Мне было 18 лет. В свое совершеннолетие слышать такое, ох, как было обидно. Но то была только первая моральная пощечина, чтобы сломать во мне человеческое достоинство. Сделать рабом, другой, низшей «породы».

Дня через два подходит ко мне знакомый и говорит: -В пожарку тебя зовут.

Говорят, чтобы обязательно зашел.

Захожу. Один парень приглашает меня.

-Сашок, здорово! Ты что, не узнаешь меня? А ну подсаживайся к столу.

Парня я совсем не знал. Пока с минуту стоял в недоумении, он мгновенно ставит на стол бутылку водки, бросает карты. Но я не пил и не играл. Ничего не успел сказать, как тут же дверь открывается, и буквально врывается к нам милиционер.

-Пьянку устраиваешь?! А ну, пошел к директору школы, - приказал мне.

-Вот. Ваш учитель пьянки устраивает и картежную игру, - ябедничает директору, приведя меня.

-Да он лжет! Мне подстроили. Им не по нутру, что я, их поднадзорный, учу грамоте, их, чурок.

-Да как смеешь! Они стоят на страже мудрой политики товарища Сталина, вождя народа.

-Как же! К черту мудрая политика, если отца моего ни за что раскулачили, в тюрьму посадили, - горячо, взволнованно возразил я.

-Ну, теперь берегись, - тихо предупредил он. - Уходи из школы, боялся, чтобы из-за меня не попался в руки ОГПУ.

Приняли меня в сельпо конюхом, потом поставили продавцом. И здесь я вскоре понял, что комендатуре не по душе мое повышение. Заставили фельдшера дать заключение, что у меня трахеом.

Председатель сельпо хотел, чтобы я работал, не поверил этой справке. Направил меня в районную больницу. Там отменили это заключение. Я по-прежнему работаю продавцом и одновременно заведующим складом.

-Нельзя в коммерции работать. Он - неблагонадежный, наш - поднадзорный. Увольняй Ласкова, - предложили председателю сельпо из комендатуры.

-Я беру его под свою ответственность, - не подчинился им мой начальник. Умели в комендатуре ломать людские судьбы. Сделали так, что мне в 1941 году дали три года лишения свободы. Хотел жаловаться на несправедливое обвинение, на подлог, но подошел ко мне один, в гражданском, и сказал:

-Ты, лишенец, не пики даже. Знаешь, что с тобой сделаем?

Да, мы, крестьяне знали, что право на жалобу не имели.

Так я оказался на одном из жестоких островов огромного архипелага ГУЛАГа - в Норильлаге.

Записал
Е.ВОРОНОВ.

От редакции. Певелница

А.И.Ласкова по поводу собственной реабилитации, а также членов семьи длилась несколько лет. И, казалось, безнадежно. Лишь после того, как из Тегульдского отдела милиции переслали в информационный центр управления внутренних дел по Томской области два случайно сохранившихся журнала Тегульдской спецкомендатуры за 1940 и 1942 годы, все стало на свои места. Были реабилитированы в ноябре 1995 года сам Александр Иванович, и, посмертно, его мать, Анисья Васильевна. А о судьбе отца, Ласкова Ивана Павловича, сообщалось в письме управления федеральной службы безопасности по Томской области.

Его арестовали 14 декабря 1937 года в Томске, на лесоперевалочной базе, где он работал не по доброй воле. И осудили, как... «активного участника кадетско-монархической повстанческой организации», по печально известной 58-й статье. По ней, как правило, осуждали либо к расстрелу, либо к большим срокам заключения - от 10 до 20, а потом и до 25 лет. Надо ли говорить, что все обвинение (а копия его есть в Большешуйском народном суде) было от начала и до конца выдуманное. Не был И.П.Ласков ни кадетом, ни монархистом, не имел никакого отношения к повстанческой организации...

Очевидно, его должны были посадить за побег из ссылки, да срок был, по мнению следователя, маловат - что-то в пределах шести-восьми лет лишения свободы. А от них требовали, согласно вышестоящих указаний, громких дел, раскрытия мощных антиправительственных заговоров. Вот и появились в деле мифический князь, и не менее мифический священник, которые вначале якобы завербовали И.П.Ласкова, а он, в свою очередь, опять вроде кого-то вербовал. По словам Александра Ивановича, людей с такими фамилиями не было в их округе. Да и откуда-то вокруг на много километров лишь ссыльные крестьяне да их охранники. А на 1937 год, как известно, выпал самый пик репрессий. Так получилось, что под его жернова попал, наряду с сотнями тысяч безвинных, и бобровский крестьянин Иван Павлович Ласков, 22 декабря его приговорили к высшей мере наказания - расстрелу. 27 декабря приговор приведен в исполнение в городе Томске. Как обычно бывает в таких случаях, сведения о точном месте захоронения в деле не имеются. Посмертно он реабилитирован 28 января 1995 года. Сыну об этом стало известно в 1995 году.

МЕМОРИАЛ

ОДНА ПОБЕДА
РОССИИ...

В Большеулуйском районе, как и во многих других местах в России, до сих пор живут потомки советских граждан, расстрелянных в годы массовых репрессий. Кто-то из них уже получил справки о реабилитации своих родителей, а кое-кто до сих пор сомневается — стоит ли этим заниматься, не повлечет ли обращение в соответствующие органы какие-либо неприятности. Что делать — в последнем их неоднократном убеждала прожитая жизнь.

Впрочем, некоторым не хотелось бы ворошить прошлое лишь по одной причине — слишком тяжелые воспоминания живут в душе о том страшном времени. И даже при упоминании об их незаконно расстрелянных родителях у этих немолодых уже людей сразу же поднимается давление, ухудшается об-

щее состояние здоровья. Однако есть люди, которые поставили перед собой цель — непременно узнать все, что возможно, о судьбе и последнем часе своих родных. Одна из них — жительница Большого Улуя Анастасия Родионовна Исакова. Баба Настя, как зовут ее те, кто знает эту пожилую женщину не первый год. Занялась она уточнением судьбы своего отца еще в конце восьмидесятых годов, когда не было закона "О реабилитации жертв политических репрессий".

Из краевого управления Комитета государственной безопасности пришел ответ. Из него следовало, что ее отец, Исаков Родион Александрович, 1898 года рождения, уроженец деревни Воскота Гордовского уезда Витебской губернии, был арестован 14

июля 1937 года Ачинским районным отделом НКВД. Постановлением тройки УНКВД Красноярского края от 25 октября 1937 года осужден к исключительной мере наказания. Житель деревни Лодочное Р.А. Исаков расстрелян 30 октября 1937 года.

Тогда в подобных письмах еще не сообщали, где расстреливали осужденных. И лишь в 1995 году, после многочисленных обращений по этому поводу, баба Настя получила свидетельство о смерти отца. В нем было сказано, что расстрелян он в Ачинске. А из сообщения из краевого общества "Мемориал" нам известно, что в этот же день где-то в окрестностях этого города незаконно лишили жизни еще троих наших земляков. Это Тараса Ивановича Денгуба из Черемшанки, Дмитрия

Петровича Дутова из Сибилова и Никифора Петровича Горюнова из Ишимки. Сколько же всего людей расстреляли 30 октября 1937 года — неизвестно.

Баба Настя предположила, что, поскольку расстрелы тогда были массовыми, то где-то под городом должны быть захоронения этих невинно убитых людей. И кто-то должен об этом помнить, даже по прошествии стольких лет.

Действительно, членам ачинского общества "Мемориал", которое занимается делами реабилитированных граждан, известно шесть подобных мест неподалеку от города Ачинска. Но баба Настя решила предпринять свой поиск, минуя всяческие официальные и полуофициальные организации.

Как она его вела — разговор особый. Факт остается фактом — место одного из массовых захоронений она нашла. Располагается оно неподалеку от поста Госавтоинспекции, что при выезде из города в сторону Красноярска. А проехать нужно мимо поста, но по объездной дороге, а потом свернуть влево. Там, в старом глиняном карьере кирпичного завода и обнаружено несколько лет тому назад место массового расстрела и захоронения жертв произвола. Располагается оно в самом конце взлетной полосы аэродрома, там, где размещаются учебные военные самолеты.

Однако, это сегодня мы можем дать такое конкретное описание данного места. А год назад, когда

А.Р. Исакова вместе со своей дальней родственницей приехала сюда из города на автобусе, куда идти, она точно не знала. Спрашивала дорогу у служащих аэропорта, им разрешили пройти через летное поле. Шли они, не зная конкретно, куда придут. Остановившись, плакали, думая, что поиск их бесполезен. И все-таки вышли к искомому месту. Один из прохожих, пожилого возраста, подтвердил, что на краю старого карьера действительно когда-то расстреливали невинных людей. Там они наплакались вволю, почитав, что нашли место захоронения своих отцов.

Слов нет, то, что сделала баба Настя, по силам далеко не каждому. Подавляющее большинство потомков расстрелянных удовлетворила фраза из официальной бумаги: "В связи с отсутствием документации место захоронения Вашего отца установить не представляется возможным". А в сообщении о смерти Р.А. Исакова мотивировка и того похлеще: "За давностью времени..." В связи с этим возникают закономерные вопросы. Главный из них — неужели действительно невозможно установить места захоронений расстрелянных? И что же в действительности нашла А.Р. Исакова?

А дальше, когда мы попытаемся найти ответы на эти вопросы, начинается самое интересное. Этаким незаконченным детективом. Дело в том, что для того, чтобы известное место за-

хоронения признали официально, требуется возбуждение уголовного дела по факту находки человеческих останков. Действительно, оно было в свое время возбуждено ачинской межрайонной прокуратурой. Шло время, уже сменился прокурор, а никаких сообщений о судьбе дела нет. И лишь после обращения к новому ачинскому межрайонному прокурору Ю.Н. Матвееву выяснилось, что следователь, который этим занимался, давно уже не работает. А самого дела в архиве... нет.

Вот такой парадокс — места захоронений невинно убитых есть, в возможности поставить там памятники, соответственно благоустроить их — нет. А ведь их потомкам, таким, как баба Настя, уже немало лет. Вот и нынче она уже во второй раз, ездила на памятное ей место поклониться праху своего отца. Неужели общественность города Ачинска и близлежащих районов не сможет убедить власти, и прежде правоохранительные органы, вновь вернуться к вопросу об официальном увековечении памяти незаконно расстрелянных? Сделать это необходимо хотя бы потому, что это нужно не только нам, а и нашим потомкам. Прежде всего затем, чтобы такое никогда не смогло бы повториться.

ВЛАДИМИР УСКОВ.

На снимке Анастасия Родионовна Исакова на месте массового захоронения жертв политических репрессий, неподалеку от города Ачинска. Фото автора и Н.Пургинной.

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ..."

①

Так получилось, что самая первая книга о Большом Улуе вышла пять лет назад в Москве, в издательстве «Возвращение». Автор ее Ирина Витольдовна Маевская.

Она родилась в Калуге. Закончила Московский педагогический институт иностранных языков. Ее муж — главный инженер большого машиностроительного завода в Сибири. В 1949 году была арестована в Москве и осуждена на пять лет ссылки в Красноярский край. Почти весь этот срок она прожила в Большом Улуе. Единственной ее виной было то, что она являлась дочерью «врага народа».

После полной реабилитации и возвращения в Москву становится профессиональным литератором. В 1962 году в издательстве «Советский писатель» выходит ее роман о Сибири «Два счастья», который через два года переиздается в Новосибирске. А повесть «Ийе-кут», посвященная Якутии и людям, которые там живут, увидела свет в издательстве «Современник» в 1982 году.

В 1993 году небольшим тиражом была напечатана книга «Вольное поселение». Это непрдуманый рассказ о том, как она была арестована, осуждена, прошла по этапу до Туруханска, а после операции в Красноярске попала в Большой Улуй. Сегодня мы начинаем печатать ее воспоминания, посвященные пребыванию в нашем райцентре и людям, которые ее окружали.

— Целый месяц провела я в больнице. И вот, наконец, день выписки. Краевое управление МГБ назначило мне местом отбывания ссылки село Большой Улуй в сорока километрах от Ачинска. По сравнению с Туруханском — это знойный юг.

А далее картина, ну, скажем, Прянишникова или Ярошенко, называемая «В ссылку». Осенний солнечный день. Раздольные, уже опустевшие поля. Кое-где увидишь забытый, почерневший стожок, другой... На трясной телеге трое: старики, молодой парень и сама-ссылная. Этакая идальная барышня-революционерка. Когда мои слутники садятся пе-

рекусить, угодяют и меня хлебом и луком. И это тоже картинно. «На привале».

Солнце уже, вероятно, скоро пойдет клониться к закату, а мы все едем, едем. Но наконец, как преддверье той красоты, в какой мне доброй судьбой назначено жить, огромные, гостеприимные сосны у околицы. Конечно, сразу «на отметку». Направляюсь к столу начальника, чтобы представить мои «верительные грамоты». И в ту же секунду раздаётся истошный крик: «Куда?» Каждый сверчок-знай свой шесток. Мое место — у двери (гражданин начальник, как вы смешны с вашим грозным видом в этом убогом обшарпанном кабинетике).

Хожу по селу. Иду жилье. А село-чудо. Я всем сердцем сразу влюбилась в него.

Добротная старинная изба. Просторная комната метров двадцать пять. Совсем пустая. Ждет лостояльцев. Хозяева-подвижная сухонькая старушка Марья Павловна с хитренькими глазами и старей-престарый тугоухий дед Антон.

Первое условие: обеспечить их на зиму дровами. Денег для задатка у меня нет. И поэтому они не верят мне. Не верят, что исполню все их требования, буду исправно платить и, конечно, обеспечу дровами. Марья Павловна назначает мне испытательный срок — две недели. Если за это время не куплю дров, она мне откажет. В этой большой комнате спать не на чем. Составляю три стула — они разъезжаются по ночам. Велико удивление моих хозяев, когда на третий день получаю денежный перевод. И сразу ко мне уважительность, будто и не было речи об испытательном сроке.

В ожидании приезда мамы с сыном брожу и брожу по селу и вокруг

села, не тогу нарадоваться на сказочную красоту осенней тайги. Мои Улуй нравится мне все больше и больше. Стоит бабье лето. Полноводный Чулым, отражая блики ослепительных ярких сентябрьских дней, как бескрайняя солнечная дорога, убегает вдаль, сливаясь на горизонте с небом. И вот ведь какое еще утешение тут в старой сибирской библиотеке — прекрасные книги. Ничего, что библиотекарша сердитая.

— Ну, что вы каждый день ходите книги менять? Делать наемго?

Изумлению моих хозяев нет границ. В начале зимы на пороге их избы появляется представительный мужчина в невиданной форме — черная шинель, каракулевая папаха.

— Ир, как ты-то в переделку попала? Муж у тебя, видать, большой человек.

Нелегко путь мужа ко мне с завода. Всегда уезжать украдкой, втайне от любопытных, приметливых чужих глаз, а после-самолеты или поезда, ну, а там от Ачинска до Улуя через поля и тайгу, когда как повезет, то на тракторных санях, то на подножке полутурки, то, примостившись у цистерны, позади кабины бензовоза, — не встречу зиме, пурге, в мороз. И помнить, помнить ежесекундно о том, что никто не должен знать, что он «поддерживает связь»... Такое время.

— Аркаша, когда ты мне пришлешь сыночка?

И вот, наконец, столь долгожданная телеграмма: мама с сыном едут ко мне.

Начальство дает мне разрешение на трехдневную отлучку, чтобы встретить их в Ачинске, и грозно предупреждает: «Превышение этого срока чревато серьезными последствиями».

Подготовил к публикации В.УСКОВ.

(Продолжение следует).
На снимке: И.В.Маевская.
Фото из книги «Вольное поселение».

МЕМОРИАЛ

ИРИНА МАЕВСКАЯ:

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ"

(Продолж. Нач. в № 35).
Описанные события происходят зимой, в конце ноября 1949 года.

Большой Улуу-райцентр. Каждое утро в Ачинск идет множество машин: райпотребсоюза, заготконторы, транзитные.

Простылось среди ночи. Что за гул за окном? Раздается занавески, и сердце падает: на улице буря. Несмотря на темноту, видно-заметно дорогу. Я уже же могу обйти от окна, а снег все метет, метет... И мне уже ясно, что ниже машины сегодня в Ачинск же пойдут. Выбегаю из дома под вой ветра и жемчужный снегпад. Куда идти? Бегу к райпотребсоюзу. Во дворе стоят машины. Как-то люди в темноте.

-Даже и не надейтесь. Куда машина по такой погоде?

Такой же ответ и в заготконторе, и в сельмаге.

Отчаянно схватывает меня. Ни на что уже не надеюсь, бреду в слепоту по снежной круговерти.

Слышу за высокими воротами голоса людей. Заглядываю в полуоткрытые ворота. Вижу, запрягают лошадей.

-В Ачинск?

-Ну.

-Возьмите меня. За любые деньги.

-Так-то уж прямо и за любые?

-За любые.

-Из сосны, что ли? Тыквеш?

-Вот у меня разрешение райотдела. Мама с сыном приезжают. Надо встретить.

-За акашду бегите. Там посадим. А тут жельзы.

-Вы меня не обманете?

Не подведете?

-Что мы, некрещеные? Возьмите что-нибудь налить от снега. Путь же близкий.

-А я успею?

-Не помня себя от волнения, вбегаю в дом, хватаю с кровати банковое одеяло. Бегу по заметенной дороге, мимо кладбища, мимо черных заснеженных изб.

ДОРОГА В АЧИНСК

Не обманули. И вот я уже в саях. Радею-здоровенным дядька. Провода ушло, монотонно гудят.

-На бурю замечает возчик.

Постепенно начинаю чувствовать «схватывающий» наги колдод. Да ведь я же в резиновых сапогах. Валены, возает мне мама.

Начинает светать. А снег все сыплет и сыплет, и я думаю в ужасе-как же мне повезу обратно?

Теперь уже не только

ноги, вся я будто во льду. -А ну пробегите малость! приказывают сядьце радому-Заклепешь! совсем, ну тебя к Богу!

Лошадь с трусцы переходит на шаг. С усилием распрямив ноги, спрыгиваю с саней и бегу вслед за ними. Бегу, бегу... И уже начинаю отставать. Вот как далеко укатили. Задумали бросить меня тут одну?.. Больше бежать не могу. Но вот лошадь останавливается. Мои полуточки смеются. Шутка удалась.

-Не убедем. Не боятся. И вот я сплять о санях. Долго не могу отдышаться. Холод, теперь еще более свирепый, чем прежде, проникает под пальто. Леденит ступни. Здоровенный мой полуточка, обутий в валенки, становится коленями мне на ноги.

-Отморозил, однако. Сразу становится легче. Спасибо тебе, человеке.

Кажется, лутешествовать этому не будет конца. А снег все сыплет. И вдруг неожиданно валется из снежной завесы небольшая избушка-зимовье.

Получник стоит передо мной стаяк, наполненный водком.

-Да что вы? Я не могу.

-Вылез, дедка. Вид у тебя сильно нехорошил. Далее путь легче. Потемку приезжаю в Ивдеевскую охранну Ачинска (трень идет о Малом Ивановее-В У). Лошадь останавливается у какого-то неказистого домишки. Навсегда остался в памяти за расплачивающимся на мгновение дверью освещенный квадрат какого-то лодвального жилья, в котором скрылась мой полуточка. Я постеснилась попросить разрешения пойти с ними, чтоб как-то приотнаться на ночь.

Тут, где-то в Ивановке, живет девушка, с которой мы подружались в больнице (в г. Красноярске-В У). Я помню ее адрес: улица Новая, дом семнадцатый. И сразу в темноте (нарочно не придумаешь) меня встречают пьяные голоса.

Бродяга, судьбу проклинает, тащится с сумой на плечах.

В ПОИСКАХ ЗНАКОМОЙ

Спрашиваю у востройной женщины, как пройти на Новую улицу. Оказывается, не очень далеко. Снегопад кончился. Иду по шароченной, залитой лунным светом, заснеженной улице. По обеим ее сторонам, редкие избы с мерцающим в окнах светлым светом. Вся улица сплещонной сугроб. Не вижу никаких признаков какой-ни-

будь тропочки. При каждом шаге проваливаюсь выше колен, с трудом вытаскиваю ноги. Резкий ледяной ветер вздымает у меня за спиной байховое одеяло, срывает с моего снежные надувы, поднимает их над землей, кружит. Несмотря на отчаянность моего положения, мелькает мысль-выгляжу, как солдат, спасающийся бегством из России.

Вдруг, откуда ни возьмись-собачья стая. Она окружает меня. Собаки истошно лают, кидаются на меня. Я едва держусь на ногах, дрожу от волнения и страха. Бешено колотится сердце. Задыхаюсь. Позабыв с недавней операцией, жадно хватаю ртом ледяной воздух (прячю идет об операции на горле-В У). Собаки продолжают ожесточенно лаять «Сейчас упаду. Погибну тут...» Междичанно попадает из-за забора низенькая светлая лайка. Свора кидается к ней, окружает.

Громким лаям сменяется беззвучным помыгиваньем «Собачья свадьба». Последнее сверчкава в канито прополк, но верю себе, что собака отстала от меня. Не скоро, но востану нахожу дом Вари. А тут-гора. Накануне арестовали отца. Вари-старшая, Сестренки, братишки-пелатеро, все доброголаре, слазные, сблизил в куму в углу. Уже совсем поздно, когда мы с Варей идем к их знакомому возчику, у него-кошечка, может, согласится довезти нас до Большого Улуу. Осматриваем его кошечку-платенные сани с высоким верхом. Обещает утешить их. Уверен еще сына в пуховое одеяло. А какой выбор? Остаюсь в утробе, теплою домишко возника. За окном гудит ветер. Метель не утихает. Мучительная ночь без сна. Хотя бы не приехали мои завтра. Лутешествовать в кошечку по такой погоде может окончиться гибелью ребенка.

НЕЗНАКОМЫЙ СЫН

Стоянка поезда в Ачинске всего несколько минут. 17.00. Темнота. Бегу хука-зависноту вагоном. Вижу совсем незнакомого мне ребенка. Это-удар. Меня разлучили с ним, когда ему было год, десять месяцев. Теперь ему два года семь. Он почти не говорил, и теперь рассуждает насчет поезда, машин. Уменью, во-взрослому рассуждает. Я не ощущаю в душе любви к этому, незнакомому. Мой сыночек-другом, тот, кого я оставила 28 февраля.

Ночью в семье посперимного возника. Могуем, дим, как утешить кошечку.

Утром просыпаюсь в колдод. Печь выстудилась. И драть метет. Метет рынок. Буря. Беспросветно темное. Будто грозовые небо

А вхаты надо. Вечером я должна быть на месте. Меня схватывает отчаяние, как возли ребенка по такой погоде? Маленький, он может погибнуть!

Конечно же, ни сегодня, ни завтра ни одна машина не сможет по глубокому снегу двинуться в дальний путь.

А задержаться я не могу, не имею права.

В ужасе стою у окна. Не зная, куда девать себя от гипертенсивной душевной муки, начинаю горячо молиться. И вдруг совершается чудо. Будто из зарюмов небесных выплеснулось все на землю, все, что колыхалось в черном чреве туч. Не верю своим глазам. Небо, только что непроглядное, черное, вдруг очищается. И глазами моим предстает безукоризненная в солнечном сиянии лазурь.

Волны выводят из кошачьи свои укуженную, сытую лошадь. Начинает запрягать. А я выхожу за ворота. На месте дорог-снежные заносы. И это-в Ачинске. Что же в чистом поле? Хорошо, удалась калти котэ этого розника. Уверен, что лошади все исполном. Вдруг вижу далеке-свет автомобильника фар. Выбегала на середине улицы. Подняла руки. Расплавляется дверь кабин.

-Витольдовна, как ты тут оказалась?!

Это Леша, который нам привозил дрова.

-Леша, ради Бога!

Плечу ошарашенному возчику неустому.

Колеса Лешиню трекотники обмотаны железными цепями. Молодой паренек выпрыгивает из кабинки и, сумрачно взглянув на меня, залазает в кузов.

Леша бросает ему тупл.

В кабинку садится мама с сыном на руках.

Я тоже залазаю в кузов. И мне Леша тоже кидает коточ очинки. Заматываю в него с головой, несмотря на тряску, засыпаю. Все лутешествовать-между нейтрал и бирдствознания.

Пробуждаюсь-едом, засыпаю-едом. Только бы машина выдвинула. Но вот наконец, и Улуу. Мы дома. Чужой, чужой, неузнаваемый мой сын. Как-то перемерзший, бедный. В памяти засели слова Дины Попынь о том, что у нее было убито материнское чувство (Дина-сыпная из Москвы, проживала в Красноярске-В У). А вдруг и у меня так? Навстривной идея входит в меня этот страх. И мучает. Что-то у меня с червами, с пухиной бегает тут маленький какой-то чужок.

За стеной все ночь перинальвает сено. Лошадки зарожки. Сын просыпается, прислушивается.

-Мама, откуда наука набилается?

(Продолжение следует)

Публикации подготовил В.УСКОВ.

ИРИНА МАЕВСКАЯ:

МЕМОРИАЛ

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ..."

(Продолжение Начало в №№ 35, 36)

Проговорили с мамой всю ночь, но у меня странные ощущения: что-то жжет в горле, давит. И ужасная сушь. Я рассказываю маме о том, что меня посылают преподавать в школе. Полгода у них нет учителя по истории, и приходится брать высланную. Я объяснила директору, что окончила иной институт, история была только одной из дисциплин, придется усиленно готовиться к урокам. Постигать. Ну, да нам не привыкать.

С каждым днем меня душит все сильнее. Не могу говорить. Какое тут преподавание! Но мое начальство посчитало, что я уклоняюсь от общественно-полезного труда, и послало в райбольницу на обследование. После трехдневных проверок в кабинете собрался консилиум из пяти человек. Переговариваются вполголоса, какие-то латинские слова. Я начинаю понимать, что дела мои плохи. Смотрят мне в плечико. «Смотрите, смотрите, уже началось высыпание...» Сочиняют медицинское заключение и вручают мне для передачи моему начальству. Чтобы ему было понятно-без обиняков: «Туберкулез гортани и голосовых связок».

«Каким образом вы подвергли свое горло такой жестокой экзекуции? Это не простуда. Это деструкция тканей, которая бывает при самом сильном

обморожении слизистой. Каким образом? Вспоминаю-меня преследует стая собак, развеивается позади одеяло, задыхаюсь, жадно глотаю недавно прооперированным горлом ледяной воздух. И еще это многочасовое путешествие в кузове грузовика».

Иду из больницы, что стоит на отшибе, далеко на горе, как с собственных похорон. Сколько мне остается? И как же мне теперь дышать рядом с моим мальчиком? Я могу заразить его. Значит, ему все-таки суждено остаться без меня?

Все кругом меня жалеют. Моя хозяйка, бабушка Марья Павловна: «До весны доживешь. Ничего.» Соседка, Маруся Вавилова: «Ир, как тебе небось Альку оставлять жалко!» Паща тракторист: «Нового горла не вставишь.» И правда, не вставишь. Живем с мамой в чаду горя. Потерянные, опечаленные. Думаю о моем следователе Петре Матиеке. Спасибо ему, что умирать приходится не в лагере. На вольном поселении.

Я полностью отделена. У меня своя посуда. На улице не выхожу. Дышу в своем уголке.

ССЫЛЬНЫЙ ПРОФЕССОР

Как-то прибежала с утра Маруся Вавилова.

«Ночью полную машину ссыльных привезли. По такому-то морозу, горемычные, в сапожках, в курточках... Профессор у них там какой-то... Позвала

бы. Может, почитает?»

Мама нашла его. Помню вечер. Ждем его прихода. Мороз страшный. Марья Павловна католдила от души. Настроение у меня отчаянное. Раз все равно умирать. Одежда непонятно для чего привезенное мамой платье мое роскошное, коричневое, сшитое к новоселью, любимую мою коричневую вуалетку, вспомнила про косметику, серьги.

И вот он пришел к нам, Рачия Сергеевич, и правда, в сапожках. Оплеснул, увидя меня, остановился в дверях. А он-то думал...

«Мамочка, накорми его получше. Может быть, добрее будет диагноз».

Но он сразу принимается смотреть мое горло. А я смотрю на выражение его лица. Ничего хорошего оно не обещает. Потом долго, ох, как долго слушает легкие, выстукивает спину, грудь. Вот и кончается осмотр. Я зову маму.

«Успокойтесь. Туберкулеза у вашей дочери нет. Любимой туберкулез непременно вызывает деструкцию легких. Этого нет».

Так что, я весной не умру? «Гортань в тяжелейшем состоянии. Нужно стационарное лечение».

Больница. Я, правда, в тяжелейшем состоянии, в отдельной палате. Но нет туберкулеза! Какое-то странное, радостное чувство начала жизни.

Рачию Сергеевича назначают заведующим хирургическим отделением. Сельской больнице крушно повезло: в ее стенах работают три сосланных корифея-Рачия Сергеевич, Сергей Густавович (Филиппович-В.У.) и Асхат Басьянович. Делается все для скорейшего моего выздоровления. Но горло мое не спешит выздоравливать. Рачия Сергеевич часто заходит в мою палату и тут дает волю своим чувствам, обрушивая бурю проклятий на главного виновника всех наших бед.

Окончив в Москве медицинский институт, он был многие годы ведущим хирургом в Баку. Но вот... 1937

год. Он-в лагере, на лесоповале, сучкожегом. Потом его «повышают»: вместе с другими заключенными он-«врио» лошади (времененно исполняющий обязанности). На десяток заключенных надевают лошадиную упряжь, и они тянут на себе тяжелые «основные» хлысты. Эту участь разделяет с ним друг, украинский писатель Остап Вишня. Однажды Вишня исчез. Только после освобождения Рачия Сергеевич узнал: писателя обрядили в новый костюм и направили в Москву в госбезопасность, там его познакомили с «уткой», которая была опубликована в зарубежной прессе о том, что «советская власть держит в лагере украинского писателя Остапа Вишню». Его заставили, не выходя из кабинета, написать в газеты опровержение под заголовком: «Как советская власть «замучила» писателя Остапа Вишню».

РАССКАЗ ХИРУРГА

Рачия Сергеевич рассказывал: лето стояло. Одолевала жара. По узкой просеке продрался каким-то образом к месту работы заключенных обшарпанный грузовичок. Начальник лагеря вышел из машины:

«Кто тут хирург Манукян? Рачия Сергеевич, потный, грязный, с черным от копоти лицом, в одних обгорелых трусах, предстал перед начальством под хохот уголовников».

«Поедте, жена умирает. Тут у нас молоденькая совсем врачиска, диагноз поставить не может».

Рачию Сергеевича выпрягли.

При подъезде к лагерю, начальник лагпункта склонился:

«Возьмите свои вещи, оденьтесь и сразу в больницу».

«У меня ничего нет, все вещи отняли урки».

Больную удалось спасти. Оказался заворот кишок, осложненный перитонитом. После этого Рачия Сергеевич стал работать лагерным врачом.

Ах, эти многие «путевые картины», свидетелем которых ему пришлось быть за десять лет пребывания в лагере!

Как-то зимой, во время войны, к заключенным пожаловал на лесоповал начальник из центра. Стал корить их за неосознанность, за то, что нерадиво работают, не выполняют

план. Люди голодные, холодные, обессиленные, слушали, слушали. Вдруг один доходяга-уголовник махнул топором и, отрубив себе левую ладонь, со всего размаха залепил ее в лицо начальнику. В ту же секунду раздался выстрел.

Рачия Сергеевич дружил в лагере с двумя заключенными. Немецким коммунистом и его восемнадцатилетним сыном Куртом. Однажды ночью Рачия Сергеевич проснулся от каких-то странных звуков. Вышел из барака: на вершине сопки в голубом свете луны плясал, чудовищно подпрыгивая, Курт, радостно смеясь и без конца повторяя: «Жить стало лучше, жить стало веселее! Жить стало лучше, жить стало веселее!» Наутро его увезли в сумасшедший дом.

Не только единомыслие сдружило нас с Рачией Сергеевичем, но и драгоценные часы, когда в палате оживало поэтическое слово. Феноменальная память заведующего хирургическим отделением воскрешала не десятки, а сотни и сотни стихотворений. Опять со мной были Пушкин, Тютчев, Бальмонт, Букин, Соллогуб, Омар Хайям, Северянин, Белый, Аннополон Григорьев, Апухтин, Брюсов и многие другие чтимые».

Была у Рачии Сергеевича удивительная способность, имея перед собой лист бумаги и ручку, воскрешать в памяти почти напрочь забытые стихи. В моей палате появились один за другим блокноты, исписанные бисерным почерком.

ПОСЛЕ БОЛЬНИЦЫ

Больше двух месяцев я пролежала в больнице. Какое это было счастье-возвращение домой! И самая большая радость-высвобождение от навязанного мне Диной Поляной «утраты материнского чувства». Стократ усиленное радостью возвращение к жизни, оно охватило всю меня целиком. Да и солнечный мой сыночек не мог не вызывать его постоянно.

На ежемесячных отчетах (в спецкомендатуре-В.У.) высланные перешагнули друг с другом. С какими яркими, самобытными людьми свела меня судьба. Частым нашим гостем был друг Рачии Сергеевича, Сергей Густавович Филиппович, бывший до ареста ведущим терапевтом лечсанурла Кремля, «лейб-медик» Ворошилова, Буденного и других. С.Г.Филиппович был вызван после самоубийства Гамарника (видного военачальника-В.У.)

констатировать его смерть. А назавтра (дело происходило в 1937 году-В.У.) Сергея Густавовича арестовали.

«Мама-белая голубушка». Ашхен Степановна Налбандян, высокая, стройная, с красивым строгим лицом, казалась мне кавказской княгиней. Она была искусной вышивальщицей, брала заказы у местных дам. Ее тончайшее рукоделие, крохотные розочки, незабудки, части сирени не могли не поражать тех, кто знал, что этим рукам приходилось делать во время восьмилетнего заключения в лагере.

Однажды мне повезло купить в сельмаге чудесный тулупчик для сына, сшитый по всем правилам искусства. Я пришла с ним к Ашхен Степановне с просьбой-вышить перед, чтобы он выглядел понаряднее.

Ашхен посмотрела на меня, как на полоумную: «Ира, вы хотите, чтобы я переколосла о ваш тулуп все пальцы? Как я буду потом работать, вы подумали?»

Хотя я из породы женщин, о которых говорят, что они не умеют держать иголку в руках, я сама крестом вышила сыну тулупчик, и он стал поистине загляденье. Прохожие часто останавливались на улице, любясь вышивкой.

Однажды, когда я была у Ашхен Степановны, она показала мне фотографию. Это были ее сыновья, совсем разные, но похожие друг на друга. Знала ли она, да и знали ли мы все, что спустя всего несколько лет имя одного из ее сыновей окажется на устах у всей страны, что его голос, его песни, звучащие с кассет магнитофонов, огласят квартиры и дворы, что они станут эмблемой полных надежд шестидесятых?!

В Москве с Ашхен Степановной я встречалась (после возвращения из ссылки-В.У.) и Елизаветы Александровны Красовецкой. Узнав, что я пишу, Ашхен как-то между прочим рассказала, что ее сын тоже пишет, поэт, что раньше в ЦК ВЛКСМ его очень хорошо приняли, а теперь вот стали относиться недоброжелательно к его творчеству. «У сына такая же фамилия, как у вас?»-спросила я. «Нет, другая, Окуджава» (Булат Шалвович Окуджава скончался в 1997 году-В.У.)

(Продолжение следует) Публикацию подготовил В.УСКОВ.

ИРИНА МАЕВСКАЯ:

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

(Продолжение. Начало в №№ 35, 36, 39)

Доброе чувство, искреннюю почтительность и живую вызвала в Марья Григорьевна Понкина, моя известная сестрица Лена и ГИ Ломова. Эпохоев авторского Ломова, младшего режиссера, из пог. народа истинный «Формы» — подполковник артиллерийской Понкина Ломова был заместителем председателя ЮСМ Раисов.

Визу и лице лица Натальи Григорьевны неизменно скорбное, лицо подлинного человека. Не им можно прочитать здесь увиде пережитого в 1937 году расстрелянную, сама она вынесла десятилетие заключения в лагере.

А душа моя сошлась с Чуриной Александровной. Ее муж расстрелян в 1937 году, январем в том, что его родная сестра приблизилась женой Рыкову, погиб в лагере. Два сына были студентами младшим. Мила училась в горной институте. Она стала мне его письма «Мама, твой сын будет по опыту инженером и в советском институте». Он в самом деле стал драматургом известным автором эссеиран Шатравши.

Мне было тепло и приятно среди новых друзей. Каким изумительным был Александр Александрович Давыдовский! Опыт известности Пушкиниста М. А. Цыгановского! Этим самым с общими, но в меру предвзятыми шире, что называю «художниками» с трехразным уровнем таланта и счастливости и счастливости русской жизни, извещил Фотрапов, он был в 1908 году был избран на балкан за участие в революционной

деятельности, бежал за границу.

И теперь, — со смехом говорил он, — на моем «Дале», помню известное вам грифа («Хранить вечном», стоит еще и так: «Спасение в побегу».

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

После печального знакомства с изощренной стучащей Мадер В., я изумилась распознать эту породу. Так в очень хороши почитать, что старшая дочь моей хозяйки, переродившись похитица Гена, женщина летидесяти лет, жила в семье, упорно молча делась обо мне моему «аналитическому» Вадиме. Он чужды были по старинке угождать порочными в эту кипучую историю. С каким обострением утвердил она страшное имя, с чем мы все это горворим с детьми гостями. В колхозном доме на хозрасчете пополнили нежиданно попнула деревянное помойное ведро, держимое его растеплесе по полу.

Марья Павловна сокрушалась.

«Будет, — меня в эти годы перча в войну Эмелюдан «Порча» не заставила себя ждать. В ночь с пятницы января на вторые в мою комнату вломился с дном бранью призывали на занемен деревни лянны сын возьяны, председатель тамошнего колхоза. Ставший со стага скотарь, вышедший вешу и захватывая нас в своем на улицу. Мысль уже у тому времени бернулась в Москву.

«Сильнее на квартиру Лусиной» — она на была. Сила с ним выиграла. Этим вранье советская власть работала надо я не сомневать».

Я браться с кроватки мне боюсь, что и побегу

отся, вывелся его, сплещно, на повою хозме.

«Сем же минут освободи поещение!» — подступал ко мне пыльный. «Чтоб я, кому-нибудь дашел одним поздравом с подлинном состраданом?»

Марья Павловна едва уверила не выгонять нас средь ночи. Мне был дан свободный день.

Наутро я отправилась искать новую квартиру. Прощая все село на юнца в конце-конца не наша. Все свободные уголки были заняты съезжими. Наюнданно ко мне подошла на улице наша соседка Пухерья, толстая, малость придуриватая.

«Погляди мою лютую попорину, может, занавалит?»

Боже мой, да меня устроила лютая крыша. Мы перебрались к Пухерья. Жили на ее половине, пока угнетали нашу комнату.

Пенчик спалил пенку. Я тепло простилась с женой вышедшим хозяйкам, несмотря на то, что Мария Павловна загадела мне загару, которую я не могу разгадать по сон день.

НЕУДАЧЛИВЫЙ ЗАГАДКА

Был первый день. Печаль. Несмотря на то, что в вечеру и настали быт собирать друзья, мне хотелось поведовать Марью Павловну и деда Антона. Я нашла белую стартерю спол на на попорине. Установила его закурками, бутылками вина. Стартер иса задалась замолчала.

«Ничего Пасха хороша. Да и котик! Век твои не спи и так это же. Ид, так надо умеешь красить пасху!» А выцуча да валены-моревиданные. Не похотели. Да уж набось и поростили на рынке в волпечу влететь. А чем ты мне тебе вымстила так это стартерья белая. За вонга

ижишь порою раз на белой стартерке кушью.

Всегда шумный дед Антон улыбался. Да и кому хозяйский, солдатки, и онуча Рая, оставалась доверять.

«Ну, потышла ты мою душку-говорила Мария Павловна, — нифо ябнись и кланчалась. — Да и вся другой денежного с рынка принесешь, все паролово-ижишь, тогда мисдом, тогда исплицем оделишь. Век этого шараша не забуду».

Наутро соседка Маруся Вавилова стывила меня у колодца:

«Креста на тебе нет, давай. Че ты на праздник бабсу себе не убавила? Только сечас ту? Стопла, сплещи умывалась «хоть бы жакон блин гырно, гаворит, — иа минула?» Обидела, так обидела. А сна тебе, состракну, в дом пусица».

НАС ВЫГОНЯЮТ

.. На первом попорине Пухерья уже была спожена печь. Прокорбачены мехом стены. Вставлены изготовленные на промкомбинате вторые фемы Завезаны на все зиму и даже весну дрова. Амуратно сломанные попоринцы мелко распиленными и расколотыми дрова распиленными зажимки глаз. И, конечно же, попорине за-за-за-за были повешены. В уголке сына-инженера динданы, изданные стопки. Так все славно. Все нами друзья не могли навалиться на нашу новую обитель. Прощая недлино, я рано утром разбудил нас на порою нашей юности попорине Пухерья в сопровождении там-то двух незнакомых людей.

«Слезжан с «картиры» приказаны гоним обратилась вам ко мне. Чуб в дваснота! Колхозату попорину под заезжий берет! Председатель сохкова распорядился и возьяна

согласная.

В первую минуту у меня перевернулось дыхание, а не могла произнести ни одного слова.

«Показали ту, понимаешь, эти слышны. Надежде стого званием перекоммать!»

«Но я же приняла большие расходы, самозатупила эту попорину, пенку поставила. И потом зима, — ты не নিয়ে права».

Впервые рассмеялись. «Это кто тут в правде? Не делай делов, в гости в правах всеобщим Вам бы помогать».

Меня взорвало отчаяние.

«У меня маленьким ребята».

«Ну и че? Из-за зямико слышны народ делном страдане? Раз попорине мне соглашались предсидатель сам с гавон попоринце. По-настоященки. Че делать? К кому обращаться за помощью?»

Вскоре за мной пришел послышны и председатели. И вотк в его запощаюком резиденции. Передаю мои окаяны краснопольный человек. Грозно, несколько попоринце заплакавшими. Приказы вазит мне немедленно освободить помещение. Прикому домом. С горечью смотрю на сыночке.

«Что го нам с тобой еще сидено, мам орогой?»

Наутро выбегает очень козырны, такая Пена. «Председателя попоринца! За продажи с лесом. За стокон Пень-Пухерья. Жива пока».

ЗВУЧАТ СЛОН

У меня ижеу. Опять звучат слон в нашей душе. Мне огорится новадомым Гирячак немная душа Исаваяна, волпощенная в муку спос гадливочно слылась со стартерья выцучи. Переваданы Бюка, Буина, Бальвинга. С гел пор все жить я неразлучно с томиком стова великого армянского поэта.

Принимая годими злыми вечер у меня несолько друзей. Сыночке давно был Рачия Сергеевич (Мянуком В.У.), как всегда, у своего места парод попоринца. Он главный историк асукажого. Почему-то не может замигать свет. Печаль, дверка приоткрыта, но трещинами барачные попоринца, и геллы, чернорозовые волны света разбегаются по потолку, по стенам.

И вдруг «Каждо-го, гдето давным давно я услышал одно стихотворение. Оно давно позабылось и чужо на один стих остался в памяти».

Как коршун, как свежи были розы.

Теперь зима. Мороз запустил степи оном.

Сверстишко зумит голо-Рачия Сергеевич. Почти так сильно вонюет спланибачного Турганева. Голубой что и у нас телефончик? И мороз запустил степи оном?

«Как коршун, как свежи были розы».

Сергей Густавович — давным рисовальщик. Во и тебево во рисуюк а альбоме сыне. Паровоз с фиогранными мелничками. Деталью — за вторым слеподит. Говорит вагон — за (для паровоза включенных В.У.) Рельсы на арзотном охонце под эфиром. Рачия И подписи. Милост (Мамочка путешествуег на немецком языке В.У.)

Мой ювном. У нас сыноко появились новые друзья. Имя любимым. Давыдовский крупная высаконная (и бирская пана волпеч), окраса. Он пошел отсюда в Пухерья на сразу стонешны.

Новый год. Пыльная спк израшена яркими и трушами. На столе шампанское. Мы-счастливый Риди-друзья. Изобретательность Рачия Сергеевича на зне от гравид, на столе море лещер. Копка Симонистая под елки мизет ступи. В эту минуту я думаю о следователе оном. Гирячак с благодарностью за этот мой ювном.

Рубрикально подготовил В.УСКОД (Продолжение следует)

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ" ...

(Продолжение. Начало в №№ 35, 36, 39, 46)

В самом начале года заведующий районной больницей переезжает в Ачинск. Райздрав присылает новую заведующую-маленькую, дремуче-темную женщину с откровенной враждебностью относящуюся к "врагам советской власти"-ссылным. Над головами наших врачей стучатся тучи. В больнице начинают издеваться над ними. Жизнь омрачается постоянным волнением за них. Каждый день приносит огорчения: заведующая одергивает Рачию Сергеевича (Манукяна-В.У.) у постели умирающего: "Что вы мне морочите голову иностранными фамилиями!"-дыхание по Чейн-Стоксу-вы скажите, как это по-русски будет? Подделывают истории болезней. Провоцируют на резкость. И, наконец, попросту изгоняют их обоих (Р.С. Манукяна и С.Г. Филипповича-В.У.) из Улуя, осиротив не только нас с сыном, но и многих, к которым эти, высокого класса врачи, профессора, безотказно и сердечно спешили на помощь.

Строим дом.

Я замечаю, что сын как-то странно начал щурить глаза, отшатываться от солнечного света.

-Сыночек, сон на небе самолет.

Нет, он не видит.

-Но как же так? Вот он, над головой!

Нет. Он не видит.

Вызываю маму из Москвы, и она отправляется в путь вместе с сыном. По прямому адресу жена Сергея Густавовича-ведущий специалист московской глазной больницы на улице Горького. А я остаюсь одна в тоске и тревоге и опять с нетерпением жду приезда сына.

И вот-новый удар.

-Ир, надо тебе квартиру себе искать. Мой старшенький из армии приходит. Он не позволит ссылную держать.

Опять отправляться на поиски? Несколькоми днями позже ко мне подошла на "отметке" (в райотделе МГБ-В.У.) Елизавета Александровна Краковецкая, жена известного деятеля партии, сама принимавшая участие в революционном движении.

Она начала без обиняков, -Строю дом. Попросите мужа авансировать меня деньгами из расчета помещичьей оплаты жилья до конца вашего срока.

Предложение Елизаветы Александровны взволновало меня. Оно было очень заманчиво, но хватит ли у

мужа денег? Да и не вздумается ли моему "начальству" трогать меня с места до конца срока?

Я пошла к самому начальнику райотдела.

-Никто не собирается вас никуда переводить. Можете

ком Петербурга. Теперь она была одинока, и часто из ее жакета на груди выглядывала невзрачная серая кошачья мордочка.

-Моя спасительница. Оказывается, однажды, когда в лютую зимнюю

которую я проходила к себе. Мои тюлевые занавески-путешественницы перекочевали на трехстворчатые окна нового дома. Applikации из невиданных по красоте засушенных осенних листьев

усталость.

Начало зимы. Мелкоснежье. Можно идти с собакой, без лыж. Чтоб не случилось самого страшного-не отморозить нос, лицо по самые глаза утонуло в куске черного бархата. Подста платками в ушах-вата. Чтоб не простудить и их.

Кожемякин смотрит на меня с откровенной насмешкой.

-Теперь завяжите глаза и можно начинать охоту.

Входим в тайгу. Он впереди. Быстро идет-"семиписьменный" шажици. Ловко ступает через поваленные недавним буреломом деревья, через пни. Не обернется ни разу. Я бегу за ним, боюсь отстать. Остаюсь. Бурбон!

Вдруг остановился.

-Следы колонка.

Идет дальше. Опять остановился.

-След зайца.

Учусь азбуке. Он с довольным видом стоит, поджидает меня.

-Озеро. Если плохо замерзло-утонете.

С шестом в руке идет первым. Пробует крепость льда. Я трясусь от страха. Переход этот кажется мне бесконечным. И вот, наконец, мы на противоположном берегу.

-Степан Демидович, я...

я... больше не могу.

-?!!

-Ни шагу.

-Зеле-еный ужас! Возьмешь женщину на корабль-потопит корабль, возьмешь женщину на охоту-пропала охота!

Идем обратно. Он все также впереди. Ну, куда теперь-то его несет?! А я... я едва держусь на ногах. И злюсь: ну что же он в самом деле-знает, что я без сил, и опять не обернется, не посмотрит, что со мной. Действительно, бурбон. Наконец, выходим из тайги. Не так уж и далеко от дома Елизаветы Александровны, который стоит почти у самой опушки. Вероятно, после такой "прогулки" следовало бы пригласить его закусить чем бог послал, но я честно признаюсь.

-Есть у меня нечего.

-Само собой. Там, где живут музы, там есть нечего. В таком случае заворачиваем на коттедж. В русской печке-первоклассный украинский борщ.

Он именуется свое обиталище "коттедж". Вхожу в добротную крестьянскую избу.

-Зеле-еный ужас! В коттедже-женщина!-приветствует он мое появление таким образом.

Умом омрачительный запах борща кружит голову. Освободившись от своего любимого тулуша, так

складно перешитого из бывшего романовского, купленного у Сергея Густавовича, служившего ему до сих пор тюфяком ("Продажа заглазно. Деньги вперед"), и безукоризненно собственноручно очерненного обыкновенной анилиновой краской, я прохожу в горницу. На стене у кровати распростерты огромные крылья орла, под ними на березовом сучке-охотничье ружье. Большой, в деревянной раме, портрет Тараса Шевченко. И... полки с книгами. Коцюбинский, Франко, Леся Украинка, Грабовский. Множество украинских, русский книг в старинных переплетках с золотым тиснением, Улугбек, книги по астрономии, минералогии, Марк Твен, Киплинг на английском.

-Откуда, Степан Демидович?

-Прикажете вечно существовать без них?-он перебегаем взглядом с книги на книгу, смотрит на каждую, как можно смотреть на нечто одушевленное, живое. -Слава создателю, пока пока что работает.

Я вхожу в какой-то особый мир концентрированной духовной жизни...

-Однако revenons a nos moutons (вернемся к нашим баранам-В.У.)-борщ ждет.

Я обрадовалась.

-Вы знаете французский?

-Je vois trois poussins... (Я вижу трех цыплят-на французском языке-В.У.)

-?!!

-Je vois trois poussins...

-?!!

-Вся моя французская наличность, с достоинством отвечает он.-Но разве этого мало?

Я хохочу. И еще не знаю, что мне суждено еще очень много смеяться в этом доме и причаститься к доселе неведомой для меня, горожанки, конечно же, любящей, как и многие в городе, деревья, птиц, цветы, жизни природы.

Степан Демидович ставит на стол до краев наполненную миску пламенного борща, протягивает мне ложку и сам начинает есть.

Шокинг! Я в ужасе смотрю на его усы.

-Из одной тарелки с вами?!

Он молча встает. Молча ставит передо мной тарелку, наполненную борщом, в которой плавают здоровенный кусок свинины.

Этот дом-его собственность. Он купил его. "Мой дом-моя крепость". Он уничтожил калитку, ведущую с улицы. Попадать к нему можно только со стороны тайги. Это-чтобы никто из нежелательных посетителей, наших "наблюдателей", не беспокоил его лишним раз.

И. МАЕВСКАЯ.

На снимке: муж Ирины Маевской Аркадий Шапиро.

Фото из книги И. Маевской "Вольное поселение".

Публикацию подготовил В.УСКОВ.

(Продолжение следует.)

те смело принять участие в постройке дома.

Какая я была счастлива, когда все уладилось! Больше никто не будет нас с сыном выгонять из дому посреди ночи. Кончится постоянный страх лишиться крыши над головой.

Говорим по-французски

Поскольку я осталась одна, райотдел обязал меня работать. Но работа нашлась только на кирпичном заводе. Какая это была мука-поднимать разом четыре кирпича, как требовал общий ритм "конвейера". Рядом со мной Елена Константиновна, высокая пожилая дама, бывшая до ареста старшей переводчицей Ленинградского отделения "Интуриста", владевшая в совершенстве многими иностранными языками. Глядя на нее, я вспоминаю известный романс Вертинского:

Давно уж не моден,

Давно неприличен

Ваш кротовый жакет

С легким запахом амбр...

Она ходила в сине-голубой шляпе с синей же неременной вуалеткой, в жакете из неведомого меха. Отец ее был до революции градоначальни-

ком Петербурга. Теперь она была одинока, и часто из ее жакета на груди выглядывала невзрачная серая кошачья мордочка.

-Моя спасительница. Оказывается, однажды, когда в лютую зимнюю

ночь, устав от всего, Елена Константиновна улеглась в глубокий заснеженный кювет, чтобы заснуть и не проснуться, когда уже начала терять себя во сне, прикосновение чего-то теплого, живого заставило ее пробудиться. Она с усилием разомкнула ресницы. Эта самая кошка пробралась к ней под жакет-спасалась от мороза.

Работа на кирпичном заводе была для меня истинным мучением. Болели руки, плечи. Так повелось, что с начала нашего знакомства с Еленой Константиновной мы говорили по-французски. И по-французски же, с безукоризненным парижским accent (произношением-В.У.), она давала мне пространственные советы, как следует держать руки, чтобы было сподручнее поднимать эти проклятые кирпичи.

Первый рассказ

Настал счастливый день моего переселения в новый дом. Он был копией дачи Елизаветы Александровны под Москвой, в Болшево. Моя огромная красавица-комната выходила окнами на тайгу. Елизавета Александровна обитала в первой комнате, через

"из охотничьей жизни". Мои друзья Рита Марковна (Синявская-В.У.) и ее муж Аджи Аскерович (Поллад-заде-В.У.), бывший нарком земледелия Азербайджана, владельцы (чудо в нашем кругу) коровы (!), посоветовали мне обратиться к ссылному Кожемякину, отличному охотнику, работавшему теперь вместе с Аджи.

Я подошла как-то на улице к этому высокому красивому усачу с просьбой прочитать мой рассказ. Он сухо, неохотно согласился, обещал зайти. И вот, помню, читаю, а он сидит на диване, внимательно слушает. И вдруг... вдруг падает с дивана на пол.

Господи, что с ним?

-Вам плохо?

-Автор, умоляющим голосом говорит он, молитвенно сложив руки, -заклинаю вас, воздерживайтесь от охотничьих тем!

Мы смотрим друг на друга и начинаем оба... хохотать.

Неудачный поход

Через некоторое время мне опять встретился Кожемякин.

-Возьмите меня с собой на охоту!..

-Только не жалуйтесь на

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ..."

(Сокращение. Начало в №№ 35, 36, 39, 46, 73).

Елизавета Александровна (Краковецкая, ссыльная-В.У.) пустила к себе в комнату жильцов-ссыльных литовцев, мать и дочь, Бируте (мы зовем ее Бирутой), двадцать два года. Черноглазая, милотидная "Катюша Маслова". Говорят, дали напиток воды постукавшемуся к ним в дом "Сандиту", не зная, кто он. И вот-Сибирь.

Мне часто вспоминаются предостережения знакомых: "Ужиться с Елизаветой Александровной невозможно. Это такой, знаете ли, характер..." Властная, но яркая, незаурядная. Ее осудила не "тройка", не ОСО (особое совещание-В.У.)-суд. Инсценировка суда. Она начала говорить: "Граждане судьи! В деле сказано, что я была сподвижницей Лазо. Это правда. Если вам дорога революционная законность, выслушайте меня..." Прокурор, опустив глаза, тихо, участливо шепнул ей: "Елизавета Александровна, не тратьте слов".

Высокая, сильная, она выдержала десять лет Колымы. Я не знала человека более хлебосольного, широкого. Приветить нашего брата-ссыльного, накормить, обогреть было потребностью его души. Сколько раз напеленные нами пельмени поглощались нашими нежданними гостями. Самым желанным был Александр Александрович Цявловский. Разве можно забыть наши застольные беседы, его воспоминания, рассказы и его милое, неизменное по окончании всякой трапезы: "Благодарствую. Приятно съесть".

Вспоминает сын

И снова радость: возвратилась из Москвы мама с сыном. Вырвался к нам на считанные дни и муж.

Прости, сыночек, что я без твоего разрешения привожу тут цитату из твоих воспоминаний-разве можно перексказать впечатления пятилетнего ребенка? А они так живы и так нужны, так необходимы тут в этом моем рассказе.

Помню. Отлично помню. Хотя мне только чуть больше пяти. Это начало. Когда ты обнаруживаешь в мире самого себя. Выходишь из тумана забытия.

Стою у заснеженного забора. Вокруг-метель, снежная круговерть. В низине, за сугробами, едва просматривается поворот деревенской улицы. Из крутящейся мелкой снежной пыли выскакивает бензовоз-какой-то человек, уцепившись за обод, по птичьим примостился на баке цистерны. На повороте он отталкивается, срывается

на ходу и кубарем катится в снег, мелькая руками и ногами, поднимается-весь в снегу, в чем-то буро-кожаном и бежит в мою сторону. Ближе, ближе...

-Папа!
Нуда, папа. И вот я у него на руках, он так близко-с посиневшими от холода и встречного ветра губами, с заледенелой багровой щечкой в щетине. Сколько проехал он так, повиснув на боку машины, -через поля, тайгу?.. Его глаза...

То выражение его глаз-не сравнить ни с чем.

Глаза обнимают, тискают, тормозят, прижимают к себе. Глаза ищут, отыскивают кого-то за моей спиной-маму?

И сколько в нем, папе, силы, сколько бодрой уверенной молодости, отзвонив как отчаянно прыгнул на полном ходу-ко мне!

Тому без малого сорок.

А мама привезла из Москвы плохую новость: у сына плохо со зрением. Тогда мы не в полной мере осознали, что нас ждет. Забегая на много-много лет вперед, хочу сказать слова благодарности нашему спасителю-крупнейшему хирургу-офтальмологу, ныне академику Михаилу Михайловичу Краснову.

Раззолотил восход заснеженное ошга
И джунгли-кружева из льда зажег огнем.

В кровати мой ребенок улыбнулся.

И смех его наполнил жизнью дом...

На току

Ночью, когда вокруг все еще темно, мы со Степаном Демидовичем выходим из коттеджа. Он изловчился, успел запереть Джульбарса, и тот сразу залился надрынным обидным лаем. И еще долго, пока мы идем, нас провожает его протяжный жалобный вой.

Ночь безветренная. В безлунной тьме слышны на Чулыме будоражные шумы-многоструйные потоки низвергаются по обтаившим черным плещинам берегов. Тайга напоена ароматом душистых смол.

Лилое небо. И непривычно на глазах светлеет все кругом. Широкая среда тайги поляна. Снег в редких местах остался лежать на прошлогодней траве. Оголенные березы подобны скелетам.

Строим скрадок, почти сквозной, чтоб не насторожить птиц. Нам нужно зайти в нем, окаменеть до того, как на поляну слетятся тетерева и начнется ток.

Как призрак, проплывает черная от еще не растаявших сумерек сова. Ни ветерка. Утро начинает беспокойная варахушка. Она принимается попискивать подобно-цыпленку, и

нельзя угадать, что через несколько минут немощное ее попискивание выльется в звонкоголосую бесконечную трель. Булькающим тетеревиным клекотом, еще нерешительным и негромким, начинается закипать лес.

Первый солнечный луч скользит по вершинам нагих деревьев, по взвишующему дымку молодых ветвей. Минуту назад мертвая, в липовом сумеречном свете, тайга оживает. С каждой минутой все яростнее, все громче кошачий хор. Уже со всех сторон звучит страстногоголосое тетеревиное клекотание, и кажется, поет вся земля.

Вот слетают на поляну несколько птиц. Сквозь прозрачную завесу скрадка нам видно блестящее, переливчато-черное мелькание и взлетающие вверх белые веера подпушки на крыльях. Распушились лироподобные хвосты со вздыбленными перьями, разведя в стороны крылья, они пригибают шею, а потом вдруг, побуждаемые призывом весны, с воинственным шипеньем, высоко вверх вскинув головы, с разгона налетают один на другого.

В эту минуту, когда солнышко освещает все вокруг, когда мне дано лицезреть тайное, приходит радостное сознание-что есть дарованное мне мгновение жизни. Я-есть. Я-есть, я вижу молодые побего елового подроста-вокруг рябинника, веточку, по которой спешит куда-то муравей, победную радость ликующих птиц. И я говорю себе, я уговариваю себя, я хочу избыть боль несвободы-радуясь, радуясь всему этому, ибо краток миг жизни.

Тетерева токует совсем близко, рядом со скрадком. Степан Демидович сжимает ружье.

-Прошу вас, не стреляйте!

Он смотрит на меня. Спасибо ему-все понимает.

Счастливые, возвращаемся из тайги без "поля". Встретилась на улице с Цилей Александровной (Маршак, ссыльной-В.У.). Голубоглазая, задумчивая. Ей очень трудно. Вот и еще одна душа неприкаянная, убитая.

-Цилечка Александровна, давайте вместе "доживать".

У нее такая же статья и такой же срок.

Лицо ее светлеет. И отныне мы вместе.

Сын, мальчик и стараясь изо всех сил (с моей, вполне некавалифицированной, помощью), соорудил скворечник. Разукрасил его яркими рисунками, очень красивыми, и соседи нарекли его "соловечником".

Но сразу, на следующее утро, в нем проселились скворцы. Наш день начинался с того, что мы подбегали к нашему скворечнику и любовались птицами.

Наш огород

Под руководством Елизаветы Александровны (Краковецкой, ссыльной-В.У.), многоопытной во всех житейских делах, мы на "научном" уровне с великим тщанием начинаем заниматься огородничеством. Участок огромный. Всем хватает места-и хозяйке, и литовцам, и нам. Нашу часть мы наполовину превращаем в сад. Сею цветы. Плотник построил беседку. Дикий вьюн, который я принесла из тайги, растет не по дням, а по часам. В беседке круглый стол, сыночек рисует, а я пишу ему длинную поэму "Весной в тайге". Начинается она так:

Какая радость мне вместе с сыном,

Большим и умным, бродить по лесу,

Забыв тревоги, заботы, смуты,

Как сладко с ним встречать весну.

Весна в тайге... Но мы в тайге и летом, и осенью, и зимой. Его широко раскрытые глаза, полные радостного изумления: травинки, пенки, листочки, цветочки. А бабочки, а жучки? А нарядные бурундуки, а гигантские муравейники? А заячьи следы на снегу, следы колонка? Снежинки? И неизменное его, восторженное:

-Пашами-ка, мама!.. (Посмотри-ка, мама!)

Каждое утро я ухожу в "коттедж" писать: там мне никто не мешает-Степан Демидович (Кожемякин, ссыльный-В.У.) на работе. Однажды, возвращаясь под вечер, я издали увидела вышедшую мне навстречу чем-то сильно взволнованную Елизавету Александровну (Краковецкую, ссыльную-В.У.).

-Ира, вас вызывают.

Накануне я развесила на стене крылья птиц "Зеркальца" на крыльях краковых так весело блестя. Хвост дятля-черный веер в белых горошинах-загляденье. В какой раз изображение птиц в моем доме приносило мне горе!

Зачем меня вызывают? Может, опять задумали разлучить меня с сыном? Может, им стало известно, что я пишу?

Начальник райотдела объявил мне, что есть решение очистить райцентр от высланных. А посему я в 24 часа должна убраться из Улуя с обязательным поселением в какой-то дальней деревушке Березовке.

-Но позвольте, не вы ли сами заверили меня в том, что меня не будут трогать

до конца срока? Вы же знаете, что я заранее оплатила квартиру...

-Мне не о чем больше с вами разговаривать. В 24 часа.

Я вышла из его кабинета. Остановилась на высоком крыльце. Не могла идти. Ко мне обратился только что поднявшийся сюда Саша А., сын известного поэта-песенника. И хотя Саша считался "политическим" (служба в армии, дал пощечину своему командиру), все его повадки, манера себя держать, его речь выдавали безвозвратно опустившегося человека. Он появился в Улуе всего месяца три назад и с первого дня, где бы меня ни встретил, начинал в грубой форме навязываться в друзья. Елизавета Александровна не раз предупреждала меня, говоря, что с блатными надо обходиться поосторожней, ибо моя грубость может его озлобить, и он пустит в ход нож.

-Как она, житуха?-обратился он ко мне, разухабисто опускаясь по своей привычке на корточки и затягиваясь папиросой.

-Приказано в двадцать четыре часа убраться из Улуя.

Он мгновенно поднялся, отбросил в сторону папиросу.

-Вы шутите? -Какие шутки? Иду собирать вещи.

Оглушенная, ничего не понимая, доплелась до дома. Ни у Елизаветы Александровны, ни у Цили Александровны (Маршак, ссыльной-В.У.) не нашлось слов утешения. Им, оказывается, было известно, что несколько человек уже выдворили из Улуя. Опять собирать вещи? Куда-то ехать? Я не помню, как уснула на тахте. Было уже совсем темно, когда Елизавета Александровна принялась меня будить.

-Ира, идите... Саша пришел. Хочет вас видеть.

-Не о чем мне с ним разговаривать.

-Надо выйти, неудобно.

Я вышла.

-Мне нужно с вами поговорить.

Мы пошли в беседку.

-Ира, вы куда не едете... Я все уладил. И-знаете, вы мне ничем не обязаны. Мне просто жаль, что за вас некому заступиться перед этими ничтожествами. Одно условие. Идите завтра в отдел, как вам назначено. И скажите, что вы собрались, готовы ехать в эту самую Березовку.

Я не верила.

-Но как же это, Саша?

-Вам этого не нужно знать. Идите, спите спокойно. А я пошел.

Ночью я услышала слова Елизаветы Александров-

ны, обращенные к Циле: -Саша отвалил им кучу денег.

Наутро я побежала в "коттедж", чтобы взять на всякий случай мое писание, и вдруг в окно увидела: открылась капитка, и со стороны тайги появился знакомый нам всем посыльный райотдела. Не помня себя от волнения, я начала дрожащими руками заговаривать мои писания (роман "Два счастья", Москва, издательство "Советский писатель", 1962г.-В.У.) в мешок с мукой, что стоял в углу.

-Вас вызывают. Вот и цена Сашиных слов, его заверений, что меня не тронут. По дороге я успокаивала себя: в конце концов это не лагерь. Березовка, так Березовка, вольное поселение.

-Видите ли, -встретил меня начальник-мы тут с товарищами посоветовались... К вам муж часто приезжает, коммунист. На ответственной работе. Так что из уважения к нему...

Только теперь я поверила в Сашины слова.

Бубновый туз

Дом Степана Демидовича мы окрестили так: "Коттедж 65", или "Дом Загадок, Парадоксов и Чудес", или "Вне времени и пространства". Шутки, рассказы "случаи из жизни", экспромты остроумного хозяина заставляют от души смеяться. Но вот и я не осталась в долгу.

Однажды, когда Степан Демидович уехал на несколько дней в командировку, я решила сделать ему сюрприз-побелить стены коттеджа. Мы вместе с Бирутой, веселой и ловкой, исполнили это наилучшим образом. Оставшись одна, я подумала, что было бы еще лучше, если бы можно было оживить однообразие стен каким-нибудь узором. Не долго думая, вырезала из плотной бумаги трафарет в форме карточного туза, запаслась красной анилиновой краской и, прижав трафарет к стене, скрупулезно соблюдая некий ритм, нанесла краску на девственную белую. Вышло очень красиво. Я предвкушала похвалы моей инициативе и стараниям. Наконец, Степан Демидович возвратился из командировки. При виде новости он как бы разом утратил дар речи и остолбенело замер посреди коттеджа. Я в недоумении смотрела на его потрясенное лицо.

-Царица Небесная... Заступница... -воскликнул он наконец, каким-то не своим, тонким, звенящим голосом.-Каторжный знак!

Я не поняла, о чем он. -Красным бубном метили на спине рубахи каторжников, чтоб при побеге солда (Продолжение на 5 стр.)

7

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ..."

(Продолжение).

там было слодручнее стрелять в цель.

Господи, что я испытала в эту минуту!

И вдруг... Стены коттеджа сотряс громовой хохот. Я смотрела, как он захлебывался в смехе, и вдруг начала тоже громко смеяться. Мы оба хохотали до слез. Смотрели на эти злополучные бубны, которые назойливо лезли в глаза и олять начинали хохотать.

Несмотря на такую веселость, у меня созрел план. На следующее утро, когда Степан Демидович ушел на работу, мы с Бирутой пришли в коттедж, я развела побелку, удвоив на этот раз порцию мела, и мы заново побелили стены. Только к вечеру, закончив работу, не дождавшись Степана Демидовича, мы ушли домой. Наградой нашим усилиям были вновь ставшие белыми стены.

Наутро, когда я ранее обычного пришла в коттедж, у меня подкосились ноги: исчезнувшие вчера под слоем сырой побелки красные бубны вылезли вновь.

Забегая вперед, скажу: много раз перебеливали мы потом стены коттеджа, но бубны всякий раз выступали из-под нового слоя мела. Видя мое огорчение, Степан Демидович утешил меня, что не все потеряно: можно на этом месте выстроить новый дом и избавиться таким образом от напасти.

Проводы старого года
... Скоро Новый год. Помню несказанно прекрасный солнечный день в тайге. Мы со Степаном Демидовичем, уморив лошадей, пробираемся на санях между стволами в глубь тайги, выбираем самую красивую елку. Наконец останавливаем выбор на высоченной красавице, увешанной нежными краснеющими шишками.

И вот наша царственная елка, конечно же, верхушка ее стоит посреди коттеджа. Живой запах хвои, запах праздника разлит по всему дому. Джульбаро, чувствуя необычность происходящего, весело носится вокруг елки. Я приготовила Степану Демидовичу новогодний сюрприз: на мне украинский костюм. Домотканная юбка до пола, вышитая рубашка, фартучек. На голове — веночек, искусно изготовленный руками Елизаветы Александровны, — красные маки, васильки, ромашки, колосья ржи. Увидев меня в этом одеянии, Степан Демидович... заплакал.

— Я не могу приучить себя к мысли, что никогда не увижу мою Украину. Никогда.

Какие невеселые проводы старого года. Как-то так получилось, что заговори-

ли о прошлом, о пережитом. Степан Демидович начал рассказывать о своем заточении во время войны в тюрьме в Хуйбышеве. На допросах перед его лицом неизменно ставили стосвечную лампу, и всякий раз, когда он, не выдержав яркого света, моргал, он получал удар по голове. Однажды к нему обратился сам начальник следственного управления.

— Вы обладаете, Кожемякин, даром речи, умеете располагать к себе людей. Выбирайте-либо вы будете нашим помощником, честным информатором, либо... пятнадцать лет тюрьмы.

— Разрешите подумать до завтра.

На следующий день в кабинете собрались несколько руководящих чинов из управления НКВД, и начальник обратился к нему:

— Ну, Кожемякин, что вы выбрали?

— Пятнадцать лет тюрьмы, — раздельно проговорил Степан Демидович. И в ту же минуту удар кулака свалил его со стула. Он упал об угол стоящего поблизости сейфа и потерял сознание.

Я смотрю на низко опущенную голову Степана Демидовича, и мне вспоминаются слова Александра Александровича Цвельковского: "Самое дорогое у человека — это жизнь". Раньше самым дорогим для человека была не жизнь. Честь. Кое-кто из старой гвардии верен этой архаике.

А Степан Демидович все сидит, не поднимая головы.

Скоро полночь. Проводив старый год в коттедже, мы с сыном спешим к себе домой. Настам ждут. Идем нашей таежной дорогой. Голубая сибирская ночь переливается, мерцает тысячами хрустальных бликов. Степан Демидович провожает нас.

Елизавета Александровна с Цилей измыслили пышное застолье.

И тут елка под потолок, загляденье. Месяц назад неожиданно объявилась "троюродная" племянница Елизаветы Александровны — двухметровая легкомысленная Эмма, "десятая вода на киселе", оставила Елизавете Александровне на воспитание своего шестилетнего сына Женю, которого та приняла безропотно. И вот мы трое: сын, Женя и я, загодя наготовили украшения для елки, проявив чудеса выдумки. Все пошло в ход: шишки, яичная скорлупа, спичечные коробки, пузырьки из-под лекарств.

Несутся над миром последние минуты уходящего года. Стрелка часов на

темном циферблате людских скорбей и редких радостей отделила в неумолимом ходе времени старый год от Нового.

— С Новым годом! С новым счастьем!

Родилась первая минута 1953 года, за ней вторая, третья, четвертая.

— Знаете, о чем я сейчас думаю, — говорит Елизавета Александровна (Краковецкая, осыльная-В.У.), — обо всех улуйских уголках, где под чужими крышами нашли приют наши товарищи ("товарищи" — ее любимое слово. Она работает медсестрой в районной больнице, ей ведомы многие уголки). Выпьем за их здоровье. И пусть "вечное поселение" перестанет быть вечным.

— Неужели нас никогда не отпустят домой? — с тоской смотря на мать, спрашивает Бирута.

Ночью просыпаюсь от сковавшего меня холода. Не могу двинуть ни рукой, ни ногой. А сыночек? С усилием протягиваю руку. Да он весь ледяной! В тусклом свете рождающегося дня дрожит облачко пара над его ртом. Мне кажется, стены, потолок в алмазах. Сверкают, искрятся. Глаза привыкают к скудному свету утра. Я вдруг отчетливо вижу: стены, потолок, все вещи — покрыты снежной изморозью. В ужасе вскакиваю с постели (даже край одеяла заледенел), бегу в комнату Елизаветы Александровны, бужу ее. Все сразу просыпаются. И у нее обледенело все. До сих пор нам хватало тепла. Но на градуснике — 47!

— Бирута, несите дрова! — командует Елизавета Александровна. — Будем топить. Вскоре по всему дому распространяется запах сырой березовой коры, слышится потрескивание горящих поленьев.

Снежная изморозь на стенах, на потолке начинает постепенно таять, и вот на нашу елку, которую мы с таким старанием украшали, на постели, на всех нас начинает лить настоящий дождь.

Елизавета Александровна собственноручно вытаскивает из сарая какую-то допотопную уродину — громадную круглую железную печку, и ставит посреди нашей комнаты.

Кладет в испод принесенные из сарая кирпичи.

— А труба?

— Бирута, сходите за печником, вы знаете, где он живет.

Печник, хилый старик, сильно навеселе. Неуверенно колдует над печкой. Труба, перегородив комнату, выводится в форточку. Прямо на пол перед печной дверкой наваливаем охапки дров. От прежнего нашего праздничного благолепия не остается и сле-

да. Елизавета Александровна укладывает в печку дрова и радуется, какая она "поместительная".

— Тяга будет — первый сорт, — заверяет печник.

Плещат внутрь керосин и подносят спичку. В ту же секунду дом наполняется рдким удушливым дымом, он ест глаза, перехватывает горло.

Мы все задыхаемся, хватаем детей и почти раздетые выбегаем из дому на мороз.

Встреча с инженером

И вот опять весна. Иду на отметку. Вдалеке согбенная фигура. Это старик Шаханов, ссыльный. Подхожу ближе и вижу — с жадностью, с наслаждением, азартом он вгрызается зубами в здоровенную вареную неочищенную картошку, которую бережно держит обеими руками. Увидев меня, как-то сразу сникает, смущенный встречей. Жалко улыбаясь, пытается острить:

— Витамины, как видите. Мундирчикам, знаете ли, цены нет, — голодный блеск в глазах. — Живой витамин С. И вам рекомендую. Зачем отказываться от доброго?

— Безусловно, Всеволод Игнатьевич, это очень полезно. Спасибо.

Обменявшись несколькими словами, идем каждый своей дорогой. Известный мостостроитель, автор многих возведенных по его проектам мостов на больших российских реках, он теперь нищ. Ему далеко за семьдесят. Когда-то работал с Кржижановским, потом стал мостовиком. Жена давно погибла в лагере. Родных-то ли нет, то ли им надоело помогать. Долго смотрю ему вслед. На нем — бывший когда-то рыжий, драный, замызганный полушубок. Из-под обтрепанной брючины тащится по земле серая штрипка кальсон.

Горло сжимает острое чувство жалости. "Как хорошо, как свежи были розы..." Мне стыдно! Эстетствующая барынька Упиваюсь русскими экспромтами Песи Украинки: "Когда цветет никоциана, все-все вокруг полно обмана..." Развожу левкой, балуюсь стишками, сочиняю и прозу, описываю восходы и закаты, "пишу мои стихи, живется легко"... А они, мои товарищи, обреченные до конца дней своих существовать без света, без проблеска надежды?..

Беззаботной туристкой ступаю по тропе, орошаемой их живой кровью. Какими ничтожными представляются мне вдруг все мои радости, все мои печали. Нет, я не смогу больше так.

На рытье кюветов

На отметке в райотделе

знаю — на неработающих высланных возложена миссия: выкопать кюветы по обеим сторонам всех улиц села. Меня не привлекают — у меня ребенок. К несказанному удивлению начальства, я сама прошу выделить мне участок, как другим.

На следующее утро, захватив еду и лопату, отправляюсь к месту работы. Мой участок начинается на краю села, там, где стоит будущий кювет. Затем спускаться вниз по главной улице и дальше идти к центру села, где, как говорят тут, "Чайная".

Целый день крушу, разбиваю в комья твердокаменную землю, изо всех сил налегаю на лопату, потом обливаюсь, а сделано за день ничтожно мало. Стараясь соблности указания: ширина и глубина строго определены. Работаю в стеганых, со стажем рукавицах, пожалованных мне Елизаветой Александровной, — в них она орудовала на Колыме, долбя ломом вечную мерзлоту. Домой не иду — ползу: спина отваливается, болят и плечи, и руки. Неужели я завтра не смогу выйти на работу?

Но я прихожу и на следующий день, и через неделю, и спустя месяц. Мы работаем на рытье кюветов все лето. Спина устала, отболела. Я чувствую, что у меня прибавилось сил, и теперь, когда я дома хожу на колодец, ведра с водой кажутся мне пушинками.

Сгибаясь целый день под тяжестью выбрасываемых из глубины на поверхность земляных глыб, радуюсь, что делю с моими товарищами их горькую долю. Время от времени проплывают по улице, будто в полусне, старики-второсрочники, вечные поселенцы. Кое-кто из них останется рядом, перекинемся словами... Вот Степановна (Налбалдян, мать поэта Булата Окуджавы-У.С.) Останавливается около меня.

— Мучаетесь?

— Ни боже мой.

— Рассказывайте... Что я не держала в руках этот инструмент?

На спокойном, полном достоинства ее лице с безукоризненно правильными чертами читается решимость без жалоб испытать все, посланное судьбой.

А вот и Наталья Григорьевна Ломова. В ее круглых темных глазах — навсегда застывшая боль. Ее пытали на Лубянке. Били. Четверо дюжих следователей играли ею в футбол, пиная сапогами это хрупкое маленькое тело, как живой мяч. Спина была сплошной кровавой раной.

— Да что там рана? Беф-

строганов... Следователь сообщил мне новость: моя дочь Ниночка, ей исполнилось тогда двадцать лет, тоже тут, на Лубянке. И можете представить ее состояние — она узнала мой голос, когда я кричала во время пыток. Что она пережила...

Душевной болью отзывались во мне всякий раз встречи с ленинградским, тогда сорокалетним скульптором Рабиновичем. Неуверенность и смятенность в каждом его движении, в каждом взгляде. Как горько было видеть его убогую одежду, рваную обувь, рваные носки. Казалось, детски простодушный взгляд его больших глаз вопрошал: "За что?" Но вот он идет быстрой походкой человека "при деле". Да он в новых ботинках!

— Неисповедимы пути Господни, — задерживается он около меня и с милой своей застенчивой улыбкой сообщает: — Получил заказ. У меня даже мастерская. В холодном, правда, сарае. Но мастерская! Приходите с сыном. Ему будет интересно.

— А мне?

— Еще интересней. Райотдел заказал изваять скульптуру — и кого бы вы думали? Солдата. Солдата с ружьем! Осведомились, не нужна ли натура? Я ответил: "Не требуется". У меня хорошая память.

Неподалеку от меня, на противоположной стороне улицы, не очень ретиво копает землю старый огромный громоздкий Боммер. Он всегда только и говорит о коксовании угля. "Коксование...", "коксование...", "подача угля...", "отвод газа..." Он — помешанный. Помешался на этом самом коксовании. В годы индустриализации его метод произвел революцию в технологии превращения угля в кокс. Его наградили орденом Трудового Красного Знамени. В 1937 году на Лубянке его подвешивали за ноги вниз головой: заставляли признаваться в диверсиях, которых не совершал, — уничтожении коксовых печей в Донбассе. Мне видно издали, как он без внимания орудует лопатой, все что-то шепчет, шепчет, разговаривает сам с собой — конечно же, о "коксовании".

Изумляется, увидев меня, спешащий в больницу Ока, рослый широкогрудый калмык в неизменном "сталинском" френче. Вызывающе блестят у него на груди боевые ордена. У него одна песня: "Трудящиеся, что делается на белом свете? Где справедливость? Почему я должен был после войны вернуться к себе домой... В Сибирь?!"

(Окончание на 6 стр.)

"Я ВСЕГДА БУДУ ПОМНИТЬ..."

СОЧ
В РУКУ

(Окончание).

Он живет недалеко от дома Степана Демидовича со многими чадами и домочадцами, высланными из Элисты в строгий, до половины углубленный в землю. Частенько заглядывает в коттедж.

Молча берет у меня лопату и начинает быстро, ловко отсекать цельные, маленькие блоки земли, сразу формируя правильное углубление.

- Вот так надо

- Спасибо за урок.

То и дело проезжает мимо меня конная водовозка. Водовоз Яша каждый раз неустанно вопит на всю округу:

- Это кто ж тебя такие ямы рыть заставил? Я б не заставил!

Иные прохожие успели примелькаться. Часто вижу еще довольно молодого, всегда печального человека, ссыльного. Говорят, он художник. Я с ним не знакома. Не знаю, что меня заставляет всякий раз опускать лопату и подолгу смотреть ему вслед. "Он будто чужой на этой земле, - думается мне, - будто она не хочет его нести".

Однажды увидела похоронную процессию. За телегой, на которой стоял простой дощатый гроб, шло несколько ссыльных.

- Художника хоронят... - шепнул мне кто-то. - Повеяло.

Чем больше я смотрю вокруг, тем глубже во мне понимание истинного значения человека на земле. Вспоминается прилив радостного самосознания весной в тайге, когда видя победную, ликующую силу природы, я говорила себе: "Я-есть". С той поры все перевернулось, все понимается по-иному. Сегодня для меня осознание "Я-есть" - в том, чтобы разделить боль моих товарищей, сосланных на вечное поселение, неизбежность их горя.

В Большом Улусе-ЧП. Сгорела продуктовая лавка. По селу ползут слухи: поджигатели-ссыльные. Мы попадаем в опалу. Теперь всюду и везде на улице, на почте, в сельмаге на ссыльных смотрят настороженно, враждебно. Хорошо знающие нас люди едва кланяются, либо не кланяются вовсе. Поверили слухам. Но разве непонятно, кем и для чего это сделано? До меня доходит во всей своей трагичности смысл слова изгой. Мы становимся изгоями.

Тревога за сына

Мной овладевает непреодолимое горькое беспокойство, сродни мании преследования, навязчивая мысль о том, что в Москве вновь пересмотрят мою статью 7-35, заменят

первой, страшной, вновь арестуют и сыночек останется без меня, один среди чужих.

Я обратилась к моей соседке Надежде Сергеевне, местной жительнице, с которой душевно сошлась. Из породы тех самых женщин, что коня на скаку останвят, в горящую избу войдут. Красивая, дородная, умелица, она не у меня одной вызвала добрые чувства.

- Надежда Сергеевна, если вдруг со мной что-нибудь случится, я оставлю вам адрес мужа. Прощу вас, на то время, пока он придет за сыном, приютите мальчика.

Что сразу сделалось с этой такой, как мне казалось, душевной женщиной. Она сразу вся подобралась, даже лицо изменилось. Никогда не забыть этого незнакомого мне, твердого, очень твердого, открыто насмешливого взгляда. А я-то думала...

И дома у нас нехорошо. Что-то неладное происходит с Бирутой. Мы и раньше замечали, что она сильно тоскует по дому. Но вот стало известно, что она ходила в райотдел к самому начальнику, умоляла отпустить ее домой. Начинает заговариваться. Без конца рисует картинки-их с матерью маленький домик в деревне под Вильнюсом. Кончается это тихим помешательством. Стойким помешательством, по заключению врачей. Ее увозят в райбольницу. Открыли там с недавних пор отделение для душевнобольных.

Горести обступают меня. По ночам преследуют кошмары. Из ночи в ночь снится тюрьма. Узкий, длинный пенал камеры, наполненный короткими обрывками темно-серой шерсти. В камере нет ни двери, ни окон. Из нее не выбраться, не спастись. Утром встаю подавленная, чужая всему, что вокруг меня.

Перо и бумага, придите на помощь.

Нет сил больше вынести муку.

Груз тяжелых предчувствий теснит мой рассудок.

И делает страшной разлуку.

По утрам Елизавета Александровна (Краковецкая, ссыльная-В.У.) поит меня валерьянкой.

Гибель Джульбарса

Минули лето, осень. Вот уже снежок лег на землю. Все наши земляные работы кончились. Опять после многомесячного перерыва хожу тайгой в коттедж писать мою книгу.

Развись, Джульбарс, одни

в лесу мы-

ты, я и первый снегопад.

И вот горе новое-пропала наша любимая, наша веселая собака, спутник мой верный. Не пришел однажды кочевать, и жизнь наша с сыном с того вечера превратилась в ожидание. То нам слышался его лай, ногами казалась его лапа, ночью казалась, он скребется лапой в дверь. Ходила по лесу, искала его, звала...

Шли дни, недели... Мы все надеялись на возвращение Джульбарса. Затяжная унылая зима, казалось, никогда не кончится. Степан Демидович, наконец, признался-он, оказывается, давно знал ужасную разгадку однажды на охоте вскоре после исчезновения Джульбарса он набрел в тайге на ключья знакомой пушистой шерсти, печальные останки-все, что осталось от волчьей расправы над нашим любимцем.

Смерть Сталина

Как-то, работая в коттедже, решив перекусить, включила радио. Передавали правительственное сообщение. У Сталина кровоизлияние в мозг. "Проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма".

Перед глазами возникает топкий островок на Енисее. Догорающая в пламени костра огромная, во всю газетную страницу фотография Сталина в полный рост, обращенная на моих глазах в кучу пепла.

Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной на столе лежит прежде розовая а теперь выцветшая от времени промокашка-один из образцов нашей со Степаном Демидовичем переписки. Он уходил на работу прежде, чем я приходила утром писать, а уходила я домой, не дождав-шись его.

Слыхали?

Not yet? but soon. (Нет еще, но скоро-англ. В.У.)

Кассандра

Последняя строчка написана позднее, после того, как 5 марта (1953 года-В.У.) в ранних сумерках возвращалась домой. Вблизи дома встретила соседку, Веру Владимировну Брудерер Сияющее, счастливое лицо.

- Умер!

Навеки запечатленный памятью миг жизни: темнеющее небо. На его фоне цепочка невысоких заснеженных холмов и ни с чем не сравнимое счастье-сознание, что теперь у меня есть Родина.

Сразу подумалось о доро-

гих мне людях. Рачия Сергеевич (Манукян-В.У.), Сергей Густавович (Филиппович-В.У.) слышали ли вы новость?

Гаяль Ильинич (сидела вместе с И.П.Маевской в камере на Лубянке-В.У.) Я не забыла вас, никогда не забуду. Я радуюсь за вас, кончились ваши мучения.

Софья Сергеевна (Шамардина, член партии с 1916 года, сидела вместе с И.В.Маевской в камере на Лубянке-В.У.) Помню вашу подтянутость, ваше желание всегда быть в "форме" и вашу неустанную гимнастику во время тюремных прогулок, и слова ваши "Надо дожить до лучших времен". Вы всегда верили-они настанут. Успели ли вы дождаться? (Возвратясь в Москву, я навещала Софью Сергеевну, после реабилитации она вела большую работу, помогала одиноким, инвалидам и престарелым-И.М.)

Мать Магдалина, игуменья, врачевавшая сестра, как прежде в миру, будучи профессором медицины, врачевала болящих-спасибо вам!

Над крышей нашего дома развеивается траурный флаг. Как потом выяснилось, единственный в Улусе. Инициативная Елизавета Александровна прикрепила к куску красного колени моего любимую бархатную черную чалму.

Ах, я не рассердилась. Для такого случая... Все, что угодно.

Циля Александровна (Маршак-В.У.) у пенки роняет слезы. Я раздражаюсь страстным монологом, который, однако, не может выразить всю степень моего негодования:

- Как вы можете?!

- Боюсь, как бы не было хуже.

- Хуже не бывает, твердокаменно басит Елизавета Александровна.

...Я всегда буду помнить...

Я всегда буду помнить эти минуты. Накинув плащ, стою на облитом солнцем крыльце коттеджа. И вдруг неожиданно загудел гудок на льнозаводе. К нему присоединяются гудки с МТС, гуд суровый, протяжный, ширится, становится все мощнее, кажется, он наводняет всю землю. В волнении вслушиваюсь в этот мертвый звук. Я вижу застывшие на месте поезда, замершие станки... Как маяк в вечности этот гуд, этот гуд разрушает время надвое. Глухие стены расстреливаемых, рыдания матерей, проклятия миллионов людей слышатся мне в нем. Пройдет

минута, и он отступит, смолкнет. Рванутся поезда с места, застучат станки. Начнется новый счет дням. Но сейчас, глухой, упрямый, он висит над солом. Меня охватывает неподвластное разуму нетерпение.

Нежданно все смолкает. Рождаются первая минута тишины. За ней вторая... Я все стою на крыльце. Среди солнечного наводнения плывет вдалеке маленький льнозавод. Труба его-тонкая черточка, царапает небо. Воздух необычайной прозрачности по-весеннему ласков. Я смотрю на дальние заснеженные увалы, на белые поля вдалеке. Мне кажется, кто-то сдержал и с неба, и с этих белых полей застилающую их черную пелену.

Вместо послесловия

27 марта 1953 года была объявлена амнистия.

Напоследок-отрывок из письма: "Ну, дорогие, собрались мы с друзьями за нашим круглым столом, чтоб отметить этот неповторимо радостный день нашей жизни".

А у меня написались стихи.

На грустном жизненном пути

Надежды луч зажжен,
А в лицах благодать, вера, свет.

Как отблеск от икон.

Поднимем же друзья бокал

За дружбу в этот час.

Ведь, несмотря на будней муть,

Она спасала нас
Все терны трудного пути
Забудутся и-верь:

Откроется перед тобой
Родного дома дверь.

Дверь открылась. Мы оказались в объятиях Любящих нас.

Эпилог

Ветер колышет огоньки сотен и сотен свечей в руках людей, которые собрались вечером 30 октября 1989 года у здания КГБ на Лубянской площади.

Каждого, кто сюда пришел, так или иначе коснулось то страшное время, у кого-то погибли отцы, матери, мужья, жены, братья, сестры. Кто-то сам пережил годы концлагерей.

На лицах глубокое волнение. Эти минуты на Лубянской площади-исторический миг, поминовение погибших в годы сталинских репрессий. Скорбное молчание. Люди преданы воспоминаниям.

Я с вами, мои незабвенные друзья. Я с вами.

И.МАЕВСКАЯ.

Публикацию подготовил В.УСКОВ.

(Общественные цвет. огонь)

БЕЛЫЙ ЦВЕТ-хорошо, возвышение, продвижение по службе.

ВСПЫШКИ-вести, выстрелов-денежные дела.

ГОЛУБОЙ ЦВЕТ или СВЕТ-большие неприятности.

ДЫМ-скандал.

ЖЕЛТЫЙ ЦВЕТ-зависть; отсрочка дел, предательство.

ЗЕЛЕНЬ, ЗЕЛЕНый ЦВЕТ-надежда, денежные успехи, раздумья.

КРАСНЫЙ ЦВЕТ-честь, здоровье (к улучшению).

ЛУЧИ СВЕТА В НЕБЕ-к счастью; к покровительству в делах.

МОЛНИЯ-невероятные вести, опасное положение.

НОЧЬ-темная-разумные расчеты; ясная-долгая жизнь; бурная-потери.

ОГОНЬ-несбыточные мечты, разочарование; ссора в личной жизни; ожог тела.

Дурная слава; ощущение ожога-новая дружба, волнующие вести, в печке-богатство, огонь и дым-опасность.

ОГОНЬКИ-друзья.

ПЛАМЯ-сильная тревога.

ПОЖАР-радость.

РАДУГА-благая весть, ложный страх, напрасные опасения.

СВЕТ-яркий и не синий-большая удача; видеть свет маяка с моря-исполнение желаний.

СУМЕРКИ-время затруднений, временных неудач.

ТЕМНОТА-трудности, неизвестность; если идешь-потерянное вернется; выйдешь к свету-большой успех.

ЦВЕТ-яркий-хорошо; яркость цветов во сне-достижение, успехи вне зависимости от самого цвета или света; быть может, кроме синего.

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ-печаль, горе; невезение в делах или в личном.

АЧИНСКИЙ ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕС- КИЙ ТЕХНИКУМ

продолжает набор на дневное и заочное отделения на коммерческой основе по специальностям:

правоведение, коммерция, менеджмент, технология продуктов общественного питания, экономика и бухгалтерский учет.

Обращаться: город Ачинск, ул. Кирова, 1, тел. 5-04-76.

**И.В. МАЕВСКАЯ ВО ВРЕМЯ
БОЛЬШЕУЛУЙСКОЙ
ССЫЛКИ.**

Дорогие друзья, сотрудники газеты "Вести", и мой корреспондент Владимир Васильевич!

Каждая весточка из Большого Улуя - огромная для меня радость. И особенную радость доставила мне неожиданность - опубликование в "Вестях" моего Вам рассказа о том: - "Какие же они, эти немцы?!"

Сердечно благодарю за этот подарок. Немцы-то хорошие, приветливые, но нам с сыном не очень весело, мы ведь пишем на нашем родном русском языке, а перево-

ОБРАТНО В ТАЙГУ

27 марта 2004г. "Вести"

сти сколько-нибудь крупное произведение на немецкий язык невозможно из-за дороговизны перевода. Я говорю по-немецки с детства, но, потратив полжизни на роман "Искушение", который был опубликован в Ганновере на русском языке, тратить еще одну порядочную часть, уже идущей к концу, жизни, на перевод не хочется: ведь роман мой посвящен светлейшей личности - Вилли Брандту, бывшему некоторое время канцлером Германии. Целью которого было искоренение духа нацизма в немецком народе, личности, общепризнанно великой, но платить за перевод о нем романа на немецкий язык никто не желает. Я имею в виду людей высокопоставленных, так сказать, "идеологов"...

В глубине души удивляюсь этому... У сына прекрасные вещи - посылаю Вам досье его творчества... Думалось, что вот тут, на Западе мы и распишемся с ним в полную силу. Ах, нет! По-другому выходит. Знаменитый московский писатель, автор многих книг и пьес, шедших в свое время в центральных театрах, Виталий Раздольский сказал мне: "Хоть бы на заборе напеча-

тали!"... Потому мы и грустные и печальные, хоть Иисусовой молитве Господь и дает нам "хлеб наш насущный", а также кров, и бесплатную квалифицированную медицинскую помощь. Раз в неделю бесплатно приходит на два с половиной часа помощница по хозяйству и поддержанию чистоты в квартире. Нередко прихожу из города и утешаюсь приветливостью, улыбками людей на улицах, в транспорте, в магазинах, что резко контрастирует с всеобщим московским охамлением.

Владимир Васильевич, Вы пишете, что сторел районный ДК, в котором раньше размещалась почта. Отлично помню ее, и где она находилась - ибо частенько приходилось там бывать. Вспоминаешь все, вспоминаешь и невольно спрашиваешь себя - неужели все это было в действительности - все мытарства, унижения, и до какой степени доброе и прекрасное затмило те грустные дни...

Газета "Вести", которую Вы прислали, явилась для нас с сыном великим откровением: мы были поражены, насколько "покультурнел" наш любимый Улуй, какая

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

разносторонняя и содержательная в нем сегодня жизнь по сравнению с теми отдаленными годами, когда мы были его жителями. Мы понимаем, что немалая заслуга в этом принадлежит вам, дорогие друзья, печатному слову! Очень жаль, что до вас не дошел мой роман "Два счастья", написанный в ссылке, посвященный жизни промысловых охотников и ученых-охотоведов.

"Написанный в ссылке" - это не совсем точно. Возвратившись в 1953 году из Красноярского края в Москву, я дала прочитать мою рукопись знаменитому натуралисту и ученому, декану зверо-охотоведческого факультета Пушно-мехового института Петру Александровичу Мантейфелю. Приговор его был категоричен: "Писать вы, кажется, можете, но в охотоведении не смыслите ни бельмеса. Такая книга нужна... Если хотите ее написать, давайте обратно, в тайгу... Дам вам в провозжание охотоведа-аспиранта Алексея Морозова. А в консультанты иркутского профессора Василия Николаевича Скалона. Наш зверо-охотоведческий факультет переводится в город

Иркутск"...

Вы, конечно, можете себе представить, друзья, что мое сообщество дома после того, как я совсем недавно вернулась из ссылки, о том, что я еду опять в тайгу, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Тем не менее, спустя месяц, смотря через окошко поезда дальнего следования, который ехал в Иркутски, видя любящие и улыбающиеся лица провожавших меня родных - я совсем успокоилась. Путь мой лежал в самую раз-самую глухомань - медвежий угол, охотничью деревню Шевыкан, до которой я добиралась 4 суток на телеге при пароконной упряжи, которая с трудом продиралась по тайге.

Книга была написана. Роман "Два счастья" вышел в самом престижном московском издательстве "Советский писатель". Позже был переиздан массовым тиражом Западно - Сибирским книжным издательством. Имел множество добрых рецензий и читательских благодарных писем.

Милые друзья, редколлегия газеты "Вести"! От всей души желаю вам всем здоровья, успеха в жизни и творчества.

Ваша ИРИНА ВИТОЛЬДОВНА
МАЕВСКАЯ,
23.02.04г., Оснабрюк, Германия.

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

Дорогие друзья, редколлегия газеты «Вести»!

Неожиданная весточка, первая за многие годы моей «послеулуйской» жизни, присланная Владимиром Васильевичем Усковым 5 апреля 2000 года, в день моего рождения, оказалась для меня драгоценным подарком. Также сердечно благодарна за присланную им мне книжку «Мы - большеулуйцы».

Вам известна моя книжка «Вольное поселение», из которой вы могли понять, как дорога, незабвенна для меня (парадоксально для моего тогдашнего положения - высланной) память о тех почти пяти годах, проведенных в Большом Улуе.

Огорчила меня в книжке В.В. Ускова фотография так называемой новой «церкви», вместо чудесной любимой старинной церкви, разрушенной по чьему-то вероломному приказу.

Хочу послать вам стихи, посвященные нашей с сыном жизни в Большом Улуе, и еще кое-какие маленькие очерки. Буду ждать ваш ответ с нетерпением. Тогда и расскажу о нашей, тут с сыном, жизни в Германии.

Если бы человек был жив только «Хлебом единым» - все было бы хорошо. Но пресловутая тоска по родине - вещь жестокая. Желаю успехов и процветания вашей газете «Вести», а всем вам, ее сотрудникам, здоровья, душевного мира, талантливых публикаций.

Ваша Ирина Маевская.
21.11.2003г.

Германия, г. Оснабрюк, Нижняя Саксония.

Получение весточки из Большого Улуя взволновало до глубины души. Дорогие друзья, редколлегия «Вестей», хочется всем, всем с вами поделиться. Вот и этим тоже.

Расскажу-ка я вам, какие они, эти немцы, среди которых мы живем. Мои восторженные излияния по поводу их отношения, которое иногда заставляло не только одну меня почувствовать на глазах слезы благодарности, их приветливость, их готовность помочь - не перестают изумлять.

Несмотря на потрясающую меня красоту Парижа (истинно - ни в сказке сказать, ни пером описать, чтоб весь огромный город был так прекрасен в противоположность Берлину), я почувствовала там огромную разницу в отношении людей по сравнению с отношением немцев. Мне всегда думалось наоборот (что значит не почувствовать на собственной шкуре, а питаться наваянными легендами - французскими). Итак:

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мне нужно было на почту. Я села на мой 41-ый автобус в четыре. Почта открыта до шести. Несколько озадачило то, что на протяжении всего двенадцатиминутного пути до центра - Ноймаркта - никто не вошел в автобус. Почта оказалась закрытой. Ничего не оставалось, как только ехать обратно домой.

На Jogannesstrasse на автобусной остановке - ни души. На этой всегда такой оживленной улице все будто вымерло. Впервые темные витрины магазинов и ни одного человека вокруг. Стою на остановке. Жду автобус. Какой-то пробежавший мимо мальчуган бросил на бегу: «Зря ждете. Автобусов не будет». Я не усомнилась в том, что его слова - злая шутка. На остановке над головой - всегда освещенное табло - на каждом из которых высвечивается количество минут, остающихся до подхода того или иного автобуса. Почему они не горят?

Автобусов не будет

Мимо не спеша проследовала молодая семейная пара с ребенком.

- Скажите, пожалуйста, почему задерживаются автобусы?

Они остановились.

- Вы произнесли слово «задерживаются». Такого в Германии не было со времен крестовых походов, - сказал молодой папа. - Скорее мир перевернется, чем автобус опоздает на одну минуту против установленного срока. Не ждите. Автобусов просто больше сегодня не будет.

Я растерялась. Испугалась. Стемнело уже.

- Как же мне быть? Я живу в Хасте.

Он присаистнул.

- Na so etwas! (Вот это да!) Что же нам с Вами делать? Хаста - не ближний свет.

Рядом - телефон-автомат.

- Сколько нужно опустить денег, чтобы позвонить?

- А Вы ни разу не звонили?

- Никогда в жизни.

Молодая мама передала ребеночка отцу.

- Это имеет свою хитрость.

- Хитрость - это не по мне.

- Говорите номер. Я наберу Вам сейчас Ваш телефон.

- 7,1,2,0,7,9,8.

- Там занято.

- Спасибо. Я вам очень благодарна. Идите. Я и так вас задержала.

- А Вы сказали, что хитрость - это не про Вас.

Она опять (запомнила номер)

ИРИНА МАЕВСКАЯ-2003 ГОД.

набирает мне телефон.

- Занято.

- Не трудитесь, мои дорогие. Там к телефону подключен компьютер. Все равно не дозвониться.

- У Вас есть деньги на такси? - спрашивает меня высокий славный молодой папа.

- Нет.

- Господи, что же нам с Вами делать?

- Идите, мои дорогие. У вас ребеночек уже, наверное, замерз.

Совсем темно. Ни единого человека на улице.

Отказываюсь от помощи

Пешком я бы, пожалуй, могла найти своих. Но куда там я еще на голову, когда как раз сегодня приехал из Москвы Миша, да еще Соня, Лиза, Варя.

Новый год чтоб встретить вместе. И Галя не знает, куда их всех положить. Галя - это жена сына - верный, преданный, любящий его друг. И вообще, вдруг свалиться неожиданно на голову. Свою любимую Хасту я бы никогда в жизни не могла найти.

Я хочу их скорее освободить от себя.

- Пойду к Ноймаркту.

- И что будет? - спрашивает она озабоченно.

- Ну что-нибудь же будет, - отговариваюсь я.

- Ума не приложу, - опять говорит молодая женщина, - как Вам помочь. Нет, я просто чувствую себя преступницей.

- Благодарю. Желаю «Alles gute».

И я почти бегом направляюсь к центру. Вокруг ни души.

Я уже на приличном расстоянии, когда вдруг слышу, что кто-то зовет меня. Оборачиваюсь. Вижу - мой милый незнакомец догоняет меня, размахивая руками.

Иду навстречу. Он протягивает мне двадцатимарковую купюру.

- Нет, мы не можем Вас бросить на произвол судьбы. Быть может,

Вам посчастливится встретить такси.

(Без особого труда можно определить, что они не Крезы.)

- Нет, я не могу взять деньги. Не могу.

Я сую ему деньги обратно. Он вновь толкает их мне в руки. Двадцать марок - немалая сумма.

Это продолжается довольно долго.

- Но почему, почему Вы отказываетесь? Возьмите ради нашего спокойствия. Это же от души.

- Потому что меня угрызания совести замучают.

Мы долго пререкаемся. Наконец, я вливаю ему деньги в карман куртки и быстро убегаю.

Одна

В темноте

И вот я одна. Вокруг меня ни души. Не страшно. Это же не Москва. Но как-то неприятно одной в темноте.

Что же будет со мной в эту ночь? Господи, хоть бы одного человечка увидеть! И вдруг вижу - вдалеке кто-то идет. Вижу - отягощен грузом лет, седой, да еще с двумя огромными сумками.

- Скажите, пожалуйста, где полиция?

(До сих пор не видела за все время пребывания здесь ни одного полицейского).

- Вас кто-нибудь обидел?

Я рассказываю ему мою печальную историю.

- Да... положение. - Он шумно вздыхает. - Случай не из веселых.

Но что с Вами делать? Оставить Вас так - грешно, да еще в такую добрую ночь. Полиция... Пожалуй, ничего другого не придумаешь.

Идем какими-то узкими черными переулками. А если полиция так же, как все вокруг, бездействует? А если там никого нет? Как я буду выбираться из этих переулков?

Мой провожатый шумно дышит. Он, оказывается, склонен к философствованию.

- Эта идиотская первобытная алчность: схватить и тащить в свое гнездо. Мы невнимательны к слову Божьему: "Не творите себе сокровищ на земле". - Он опускает на тротуар свои сумки, чтобы передохнуть.

- Дайте мне одну сумку - у меня пустые руки.

- Это не в моих правилах - заставлять женщину носить тяжести.

Он опять берет свои сумки и мы идем в... темноту.

- И подумайте, какая жалость - не нашлось ни одного доброго человека, который бы меня освободил от этих проклятых сумок! Видно, в Германии, увы, перевелись поездные воры...

Господи, так он еще и с поездом!

- Мне сейчас здорово дома упадет. Меня там заждались. То, что сегодня так рано отменят автобусы, не входило в мои расчеты. И вообще, по моим представлениям, вокзал был как будто ближе к Ноймаркту.

- Он в самом деле близко.

- Я тоже так думал, однако сегодня изменил свое мнение.

Бедняга, он еле идет. Я в самом деле чувствую себя преступницей.

В полиции

Наконец, освещенные окна офиса, в котором видны несколько полицейских, восседающих за столами, мирно беседующих. На них, оказывается, униформа вкусного цвета - кофе с молоком.

Провожатый рассказывает им мою историю. Я сердечно, горячо благодарю его. Он желает мне...оказаться ночью в собственной постели.

Ко мне подходит, видно, самый главный из полицейских.

- Документы!

- Господи, какие документы. Я вышла только на почту.

Дает мне лист бумаги и ручку.

- Напишите все ваши данные.

Но только правду, одну только чистую правду...Истинную правду. На этот раз обойдемся без Библии. (Улыбается).

Через минуту слышит по телефону подтверждение того, что я - это я.

- Вы живете одна?

- Одна.

- Ну, ключ-то у Вас хоть по крайней мере есть от квартиры?

Гордо протягиваю ему ключ.

- Внушительная вещь.

Скрывается за дверью куда-то в глубину офиса.

Спустя несколько минут из дверей, которые ведут на улицу, появляется улыбающийся веселый человек в черной кожаной куртке.

- Madam die Kutsche wartet auf Ihnen! (Мадам, карета ждет Вас!)

Мы едем. Улицы пустынные. Машина мчится быстро. Светятся рождественскими многоцветными лампочками окна домов. Душа поет. После всего пережитого предвкушаю вхождение в мою милую, самую милую на свете квартиру. И мою кровать с новым роскошным голубым покрывалом.

РЕЗОНАНС

ТАК ХОТЕЛОСЬ ВСТРЕТИТЬСЯ!

На страницах районной газеты "Вести" публикуются отрывки из воспоминаний бывшей подневольной жительницы села Большой Улуй Ирины Маевской "Я всегда буду помнить..." Недавно в редакции побывала женщина, которой в пятидесятых годах волею судеб было суждено стать близким человеком для Ирины Витольдовны. Это Нина Лукьяновна Буянова, в девичестве - Кухаренко. Она рассказала:

-Хорошо помню Ирину Витольдовну. Она долгое время жила у нас на квартире. Тогда это была улица Промышленная, дом семь. Номер сохранился, однако переименована улица на переулок Восточный.

Ирина носила фамилию

Маевская по отчиму. А ее мужа, который много раз приезжал навестить жену, звали Аркадий, фамилия его - Шалиро. Настоящее

имя их сына Феликс, хотя обычно называли его Аликом или Алькой. Помню и маму Ирины, Нину Исаковну Маевскую. В памяти со-

хранилось, что ее любимой песней была "Путь-дорожка фронтовая..." Знала я и ссыльного хирурга Рачию Сергеевича Манукяна, он часто гостил у Ирины. Был он лысоватый, уже в возрасте. Позже его семья приезжала из Грузии. А хирург Сергей Густавович Филиппович был весь седой. Приходил смотреть сына Ирины Витольдовны Алика, когда тот болел.

Что касается ссыльных; то

их привозили целыми машинами. Мне этих людей было очень жалко. Плохо относилось местное население к литовцам, латышам. Те ходили в туфлях, выдолбленных из дерева. Очень помогли в свое время колхозу имени Кирова. А как они пели около колхозной конторы! Помню, мы с Машей Глазун ходили их слушать.

Ирина Витольдовна в большеулуйской ссылке написала свою первую книгу. Она была о зеро-совхозе, а главными героями явились молодые специалисты Андрей и Вика. Книга носила название "Пурпуровая балка". Рукопись я сама переписывала от руки, поскольку почерк Ирины оставял желать лучшего. Потом ее отправили в одно из московских издательств, но напечатали ли ее, не знаю.

Я в те годы была школьницей. Так получилось, что при большой разнице в возрасте, мы дружили с Ириной Витольдовной. Правда, потом, когда она переехала на другую квартиру, наши встречи стали

реже. А весной 1953 года ее освободили из ссылки, одной из первых в Большом Улуе. Мы с ребятами играли в волейбол на спортивной площадке, где сейчас находится памятник большеулуйцам, погибшим в годы войны. Помню ее радостное лицо, когда она сообщила мне эту новость. Как она плакала, как рыдала! Такие были у нее глаза!

К сожалению, больше мы ни разу не встречались и мне ничего неизвестно о ее дальнейшей судьбе. Я жила в Волгограде, там училась, стала экономистом, и наши пути так и не пересеклись. А так хотелось встретиться! Публикация ее воспоминаний - очень нужное дело. Я как бы вновь пережила те годы, вспомнила многое из своего детства, связанное с моей родиной - Большим Улуем, и с Ириной Витольдовной Маевской.

Записал
В.УСКОВ:

Ни снимке дом, в котором в пятидесятые годы жила ссыльная Ирина Маевская.

Ирина Маевская:

"ОН ДЛЯ МЕНЯ ВОВСЕ НЕ ФЕЛИКС, А АЛЬКА"

Алька
в Большом Улуе.

Рисунок Феликса Ветрова.

Наш район славен тем, что в былые годы в нем проживали люди, которые стали впоследствии достаточно известными.

И не только в крае, но и во всероссийском, или всесоюзном масштабе. У нас жили будущие известные журналисты и художники, писатели и поэты, чиновники и военачальники, учителя и врачи. А кое-кто попадал в наш район в качестве политических ссыльных.

Так, в послевоенные годы оказалась на поселении в Большом Улуе Ирина Витольдовна Маевская. Уже после реабилитации и возвращения в Москву она стала писательницей. А о пребывании в улуской ссылке написала книгу «Вольное поселение».

Последние годы И.В. Маевская живет в Германии, в небольшом городке Оснабрюке, связанном с именем знаменитого писателя Эриха Марии Ремарка. Время от времени наша районная газета публикует ее письма - она помнит о Большом Улуе. Неподалеку от нее обосновался и сын - Феликс Аркадьевич Ветров. Вот о нем - наш рассказ.

Феликс родился в 1947 году в Москве. Его мать, переводчица И.В. Маевская, вскоре была аре-

стована и осуждена по печально известной 58-й статье к нескольким годам ссылки. Из тюремной камеры ее по этапу отправили вначале на север Красноярского края, а затем - в Большой Улуй. Сюда вскоре мать Маевской привезла и сына. Так что несколько лет его жизни прошли здесь, в нашем райцентре. Больше всего приезду сына обрадовалась, естественно, мама. Она посвятила этому событию стихотворение «Весна», где есть такие строки: *«Какая радость мне вместе с сыном, Большим и умным, бродить в лесу. Забыв тревоги, заботы, смуты, Как сладко мне с ним*

встречать весну.»

Конечно, Алка - именно так называла его мать - не понимал тогда, что значит быть ссыльным. Тем не менее, какие-то воспоминания об этом подневольном периоде жизни у него остались. Но тогда, в начале 50-х годов прошлого века, он был еще обычным ребенком. И с восторгом воспринимал свои первые игрушки, а также походы с матерью в лес. Ведь в нем он впервые в жизни увидел косачей, журавлей, бурундуков, а еще - сибирские кедры. И ходил в походы Алка с дере-

НАШИ ЗЕМЛЯКИ

вянным ружьем. Ирина Маевская написала об этом так:

«Ружье берется наизготовку, Оно в порядке, затвор - блестят, Охотник - метак, охотники - ловак, Но не стреляет, а лишь глядит...»

27 марта 1953 года, вскоре после смерти И.В. Сталина, была объявлена амнистия. Политических ссыльных начали поэтапно реабилитировать и разрешать возвращение на родину. В первую очередь тех, кто в своей подневольной биографии не имел больших тюремных сроков, а был лишь осужден на ссылку. В это число попала и И.В. Маевская. К лету 1953 года она уже была с сыном в Москве. Алке тогда исполнилось только шесть лет. Через год он пошел в школу.

Мы, к сожалению, ничего не знаем о его школьных годах. Известно лишь, что после окончания средней школы Феликс Ветров поступил в Московское художественное училище. Однако стало резко ухудшаться зрение. Ему пришлось оставить учебу. И даже была реальная угроза сесть за парту в школе слепых. Спас его зрение профессор Михаил Краснов, который сделал Феликсу две операции. Благодаря этому он вновь стал видеть и успешно закончил художественное училище в 1968 году.

С 1970 года Феликс Ветров занимается литературной деятельностью. Пишет рассказы, повести, занимается сценарной работой на телевидении. Наиболее известна его повесть «Сигма - Эф», впервые опубликованная в журнале «Юность» в 1974 году и неоднократно переиздававшаяся, в том числе и за границей. Работал в ежемесячнике «Накануне» редактором отдела литературы. Феликс был принят в члены союза писателей России. В 1997 году в издательстве АСТ вышел его роман «Сбить любой ценой». С 1998 года живет в Германии.

В. УСКОВ.

Март 2004 г., Вести

РЕЗОНАНС

"ГОВОРИМ ПО-ФРАНЦУЗСКИ"

Сегодня мы, с разрешения дочери Н.Н. Нестеровой, Натальи Николаевны Бобырьковой публикуем

В воспоминаниях бывшей подневольной жительницы Большого Улуя Ирины Витольдовны Маевской, опубликованных в районной газете "Вести" под заголовком "Я всегда буду помнить...", есть эпизод, в котором говорится о бывшей переводчице Ленинградского отделения "Интуриста", Елене Константиновне. Так же будучи ссыльной, она работала в начале пятидесятых годов вместе с И.В. Маевской на Большеулуйском кирпичном заводе в качестве разнорабочей. Оказывается, ее фамилия-Праведникова. И она после полной реабилитации и возвращения из ссылки в Ленинград переписывалась с семьей зубного врача Надежды Николаевны, также бывшей ссыльной, безпреречно ушедшей из жизни в Большом Улуе в 1982 году.

два снимка, которые прислала в шестидесятых годах Е.К. Праведникова. Они еще раз свидетельствуют, что после возвращения из ссылки, даже будучи в преклонном возрасте, Елена Константиновна

арест, издевательства в тюрьме и на этапах, будучи на волосок от смерти (вспомните эпизод с кошкой, которая ее спасла), она сумела сохранить огромный запас жизненной энергии, стойкости, муже-

старалась быть полезной людям. Испытав

ства.

В. РЯЖЕВ.

На снимках: Елена Константиновна в домашней обстановке (надпись на обороте: "На память Надеюше и Наташе от их друга Е. Праведниковой, 27.06.63 г. Ленинград"), сцена из спектакля, в котором она играла (надпись на обороте: "На доб-

рую память дорогой Надеюше от актрисы Народного театра драмы на французском языке Елены Праведниковой, 14.04.1965 г. Ленинград. За исполнение роли Филомены в комедии Мольера "Ученые женщины" я получила Почетную грамоту").

Фото из семейного альбома.

ИЗ ГЕРМАНИИ, С ЛЮБОВЬЮ!

НАМ
ПИШУТ

Недавно мы получили электронное письмо от нашей хорошей знакомой, И.В. Маевской. Предлагаем его вашему вниманию.

Милые, уважаемые "Вести" - Виктор Тихонов, Владимир Усков, Надежда Стефаненко, Татьяна Рудакова, Надежда Котова, Ольга Серякова, Сергей Руденов, Людмила Драгула и все другие друзья!

Спасибо вам всем за столь дорогое для меня Ваше послание. Праздничный буклет в честь восьмидесятилетия Большеулуйского района дос-

тавил нам с сыном большое удовольствие.

Стихотворения Александра Панкова взволновали не меня одну. Многие его стихи здешние друзья напечатали на компьютере для себя. Как жаль, что этот светлый талантливый человек уже ушел из жизни.

Теперь у меня есть Ваш электронный адрес, и мы сможем переписываться.

Благодарю за публикацию на страницах Вашей газеты наших заметок. Надеюсь передать Вам к Новому году и Рождеству наши сердечные пожелания. А пока что прощаемся с Вами и радуемся,

что у нас есть эта удивительная возможность поддерживать с Вами и нашим дорогим далёким Улуем постоянную мгновенную связь. Не помню - посылала ли я Вам или нет мои Большеулуйские стихи? С горячей признательностью и пожеланиями успехов во всём.

Ваша Ирина Витольдовна
МАЕВСКАЯ.

18 декабря 2004 года
Германия, Оснабрюк.

***

Дорогие друзья, присоединяю несколько слов к письму мамы. Улуй для меня место необыкновенное, это моя в полном смысле слова "малая родина", с которой так много связано.

Бог дал мне острую память, и мне очень хотелось бы тоже что-то написать для Вас, для Ваших читателей, жителей Большого Улуя, который всегда в душе и всегда стоит перед глазами, хотя я покинул его полвека назад.

Присоединяю к письму фотографию города, где мы теперь живем. Это вид на одну из старинных церквей Оснабрюка, Мариенкирхе. Как и все церкви города, она была полностью разрушена при англо-американских бомбардировках осенью 1944 года. И все они были подняты после войны из обугленных развалин. Замечу, что у Оснабрюка тесные связи с Россией: он город-побратим нашей старой Твери.

Всего Вам самого лучшего!
Феликс ВЕТРОВ.

«БОЛЬ МОЯ ВЕЛИКА...»

Недавно в нашу редакцию пришло письмо. Оно написано человеком, который когда-то жил вместе со своей матерью, И.В. Маевской, в селе Большой Улуй. Они находились здесь в ссылке.

Феликс Ветров с матерью. Последний снимок.

все внешние обстоятельства, светлой родной точкой на земле, важнейшим местом судьбы, и так было до её последнего дня.

Спасибо Вам за всё, за то дружеское человеческое расположение, которое Вы всегда дарили ей. Спасибо. Обнимаю Вас сердечно и желаю счастья, удач и здоровья. Всего самого лучшего Вашим домашним и товарищам по работе. И поклон в память о моей дорогой маме - Большому Улою, Чульму, тайге.

Ваш Феликс ВЕТРОВ.

- Дорогой Владимир Васильевич!

Очень тяжело и грустно писать мне Вам это письмо, долго откладывал, но... пишу. Пишу, чтобы сообщить, что мама моя, Ирина Витольдовна Маевская, ушла от нас.

Она умерла у меня на руках 8 октября 2008 года в 12:20 дня.

Стоял пасмурный серый осенний денек, мы находились одни в пустой больничной палате, ничьих глаз не было рядом. Лишь двое суток она пролежала в больнице... В день кончины она находилась уже без сознания, и

я был неотступно около неё, до последнего тихого дыхания мамы. Потом сидел рядом еще немного, закрыл ей глаза и стал читать молитвы по разлучении души с телом.

Пишу, зная, как тепло она всегда относилась к Вам, с какой сердечностью и благодарностью всегда о Вас говорила.

Мы были с ней необыкновенно близкими людьми, и боль моя велика. Но вместе с болью в душе

много радости и благодарности Богу: при том страшном заболевании, которое ее медленно убивало последние несколько лет, она прожила эти годы почти без мучений. Жила мужественно, неутомимо боролась со старостью, держала себя в интеллектуальной форме, сохранила себя в полной мере до последнего дня, пока была в сознании. Ушла мирно, по-христиански. Наш Улуй был для нее, несмотря на

